

ISSN 0131-2596

сх
✓

охота

и охотничье хозяйство

9

2007

Что с тобой,

В. ДЁЖКИН, доктор биологических наук, профессор

российская глубинка?

Когда-то, не столь давно, три четверти населения России относились к селянам, жителям села. Ныне их примерно четверть. О катастрофах, постигших сельское население России за годы советской власти, общеизвестно. Несколько слов об этом сказали и мы на страницах нашего журнала и Интернета. Вспомнили о существовании на Руси так называемой «сельской цивилизации», почти уничтоженной коллективизацией и ускоренной урбанизацией, форсированным сселением людей в «перспективные» населенные пункты и прочими формами произвола властей. Приведем цифры, ныне, правда, несколько устаревшие: за период с 1959 по 1970 гг. число сельских населенных пунктов в СССР сократилось с 244 тыс. до 177 тыс. Сейчас, в России, их гораздо меньше.

Не все, что находится за пределами городской черты, следует относить к «глубинке». Имеются пригородные, дачные, пристанционные поселения, поселки, расположенные вдоль оживленных магистралей, легко доступные для людей, и т.д. Это — не глубинка. Выступая недавно по телевидению, российский министр транспорта заявил, что у нас к десяти тысячам населенных пунктов не подведены дороги! Отсутствие торных проезжих дорог — один из существенных признаков глубинки. А сколько их, бывших центров сельской цивилизации, в которых ключом била жизнь, опустевших и полузброшенных, расположенных вообще за пределами современной российской Ойкумены и не попадают ни в какие сводки и обзоры?! Даже в Московской, Тверской, Владимирской областях, в десятке-другом километрах от столицы, можно встретить настоящую «глубинку»: дотлевающие остатки бывших деревень, отделенные от «цивилизации» непроезжими большую часть года дорогами. Зброшенную, никого не волнующую. Правда, здесь

в ход событий вмешалась дачная экспансия со всеми ее плюсами и минусами. Она изменяет и внешний вид поселений и характер внедряющихся в них людей, и производимую продукцию, и сам стиль жизни.

Какова площадь современной российской глубинки? Где ее границы? Только ли это площади бывших «промышленных районов», располагавшихся в основном в Сибири и на Дальнем Востоке, или она широко выползла на просторы Европейской России и представляет собой причудливую мозаику, растущие «языки» которой достигают окрестностей мегалополсов? Никто, по нашему мнению, не может достоверно ответить на этот вопрос, ибо признаки глубинки многообразны и рассеяны в пространстве. Она представлена и сплошными обширными территориями и мозаичными вкраплениями в «цивилизацию»...

По телевизору мы видим подчас истину трагические сюжеты. Разрушающаяся деревенька с пятью старушками, не желающими покинуть места своей молодости и жизненного расцвета. С цивилизацией деревенька соединяет болотистая дорога, заносимая снегом в зимнюю пору. «Торговая точка», хлеб, сахар, чай — за пределами досягаемости старушек. Выездную торговлю, выручавшую их раньше, прикрыли («невыгодно», закон коммерции). А земля на огородах осталась плодородной, родит, окаянная, каждый год и картошку, и огурцы, и помидоры. Надо ее из последних сил обрабатывать, иначе барствующие в горах вьюки останутся без натуральной поддержки. И красивый лес, в пределах достижимости, не оскудел «дарами природы». Всевозможные грибы, черника, брусника, малина, орехи. Собрать вроде бы привычно и не очень трудно, но как донести лесной урожай до мест его реализации, не в понягах же. На лугах — некошенные травы, хоть сейчас запускай на них целое стадо буренок. Налицо явный разрыв живительных сил земли и человеческих возможностей.

А сюжеты, иллюстрирующие мучительную (и не простительную) агонию сельских школ! Полупустые классы. Преподаватели, озабоченные и судьбой еще имеющих сельских ребятишек, и собственным будущим... И сидящие на жестких нормативах руководящие чиновники, вынужденные зак-

рывать или сливать полупустые школы («невыгодно, одни убытки»), лишая будущего уже не только преподавателей, но и всю сельскую цивилизацию, все российское село. Сотни аналогичных сюжетов услужливо дарит нам современное информационное пространство.

Но это лишь отдельные, хотя и горестные, жизненные фрагменты. А в целом — громадные биологические ресурсы России, постепенно выпадающие из рук человека, почти неиспользуемые производительные силы природы, жалкие остатки разрушающейся производственной базы. Каковы объемы и стоимость биологических природных ресурсов, сосредоточенных преимущественно в глубинке? Мы приводим ниже некоторые показатели биологических природных ресурсов, имеющихся в глубинных районах страны, создавая их приблизительность. Хочется все-таки показать, что их все еще «много» и что они заслуживают серьезнейшего государственного внимания.

Вот один из наглядных примеров, характеризующих пропадающие втуне «дары российской природы», имевшие когда-то важное экономическое и социальное значение в нашем государстве. Цифры, подготовленные Кировским институтом охотничьего хозяйства и звероводства Россельхозакадемии, свидетельствуют об исключительном ягодном и грибном богатстве России (Егошина, 2005). При этом следует иметь в виду, что урожаи этих ресурсов значительно колеблются по годам, поэтому приводятся примерные, средние показатели.

Грибов в наших лесах произрастает свыше 250 видов, к заготовкам разрешены 58 видов. Средняя урожайность грибов колеблется по годам от 20 до 200-300 кг/га. В конце прошлого столетия биологический запас грибов в стране оценивался в 4524,7 тыс. т, эксплуатационный — в 590,6 тыс. т.

Плоды «хлебного дерева» Сибири — сосны сибирской (кедра сибирского) — ценнейший продукт. Кедровый промысел — в прошлом основа экономики многих районов Сибири. Биологический запас орехов кедра в пяти федеральных округах страны составляет 1097,7 тыс. т, эксплуатационный — 733,1 тыс. т. В урожайный год, а он случается один раз в 4-5 лет, тайга благодатна, орехом сыты и зверь, и пти-

охота

и охотничье хозяйство 9 2007

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовой коллектив редакции журнала,
Союз общества охотников и рыболовов РФ
● Основан в октябре 1955 г.

ца, и человек снимает немалый урожай.

Дикорастущих плодов и ягод, относящихся к так называемой «не древесной продукции» леса, в России — десятки видов. Чтобы не загромождать головы читателей бесконечной цифрью, приведем краткую информацию о нескольких наиболее известных и полезных ягодах.

Брусника — прекрасная ягода и вроде бы хороший помощник человека в противодействии радионуклидам. Биологический запас этой ягоды в пяти федеральных округах России составляет 480,7 тыс. т, эксплуатационный — 157,2 тыс.т. Кроме того, эксплуатационный урожай листьев брусники — ценного медицинского сырья — равен 60,9 тыс.т. **Голубики** у нас еще больше — 1261,9 тыс. т (биологический урожай) и 354,7 тыс. т (урожай эксплуатационный.) Всеми любимая и ценная «кислая красавица» **клюква** приносит ежегодно 451,5 тыс. т, к сбору пригодна — 116,9 тыс. т. Наконец, рекордсмен по запасам и возможностям сбора — **черника** — 1931,4 тыс. т. и 710,5 тыс. т.

Назовем еще несколько видов дикорастущих ягод, урожай плодов которых определяется десятками и сотнями тысяч тонн: **малина, морозника, рябина, черемуха, смородина, алыча, боярышник, терн, груша, яблоня.** Нельзя забывать и орехоплодные растения, в урожае которых заинтересованы и человек, и дикие животные: **бук, дуб, лещина** и другие. Ученые имеют представление (приблизительное) о запасах и урожайности промысловых растений и о характере их современного распределения и освоения по регионам страны.

Биологический запас сырья всех изученных видов в России в среднеурожайный год составляет 18332,9 тыс. т. В конце прошлого века максимальные товарные запасы грибов в стране составили 16,2 тыс. т, средние многолетние — 6,2 тыс.т. Сравните с эксплуатационным урожаем, сколько драгоценного «сырья» остается необработанным на лесных площадях! В лучшем случае они приносят пользу диким животным и микроорганизмам.

Брусничных (брусника, клюква, черника, голубика) в эту же пору собирали до 50 тыс. т. в год, средние многолетние заготовки составили около 20 тыс. т. Максимальные товарные заготовки орехоплодных (преобладали кедровые орехи) в конце прошлого столетия достигали 5,7 тыс. т в год, средние многолетние — не более 750 т. (Егошина, 2005.)

Правда, следует иметь в виду, что объем заготовок сырья населением для личных надобностей иногда превышает объем организованных заготовок в несколько раз (до 80–120 раз!). В некоторых приграничных регионах (Карелия, Архангельская, Мурманская области) последние годы значительно увеличился сбор дикорастущих ягод,

особенно черники — на экспорт в соседние государства. Мощно влияют экономические стимулы. Но все-таки процент освоения имеющегося промыслового урожая грибов, орехов, ягод остается очень низким.

А ведь есть еще солидный реестр полезных, лечебных трав, «лекарственно-технического сырья», перечень которых составляет около 300 видов. Вплоть до легендарного **женьшеня**, популярного **элеутерококка**, бодрящего **лимонника**. Они — тоже типичная принадлежность глубинки.

Россия всегда славилась «мягкой рухлядью» — пушниной и другой продукцией охотничьего хозяйства. Упомянувшийся нами Институт ведет постоянную охотничью статистику, хотя, в последние десятилетия, источники ее формирования сократились, почему-то упразднена официальная статистическая отчетность о численности и добыче охотничьих животных в России. Однако некоторые сведения, характеризующие охотничьи богатства глубинки, мы все еще можем привести.

Пушные звери. В 2005 г. в России имелось (округленно) 1,2 млн. белок, 800 тыс. сурков, 325 тыс. бобров, 2,2 млн. ондатр, примерно 7,2 млн. зайцев (беляков и русаков), почти 0,5 млн. лисиц, свыше 200 тыс. лесных куниц, 1,9 млн. горностаев, 450 тыс. колонков. Экономика пушного промысла в настоящее время держится в основном на соболе, численность которого в угодьях превышает 1,1 млн. особей. Соответственно на высоком уровне держится и добыча этого ценного зверька.

Из крупных хищников следует прежде всего упомянуть **бурых медведей**, которых в наших лесах ни много ни мало, а свыше 130 тыс. Имеется возможность и самим охотиться, и приглашать зарубежных туристов-охотников. Поголовье диких копытных животных, по сравнению с прошлым десятилетием, в окрестностях населенных пунктов сократилось особенно под влиянием браконьерства. **Лосей** у нас, по данным ВНИИОЗ, 695 тыс. голов, **косял** — около 700 тыс., что для нашего огромного государства, конечно, мало. По прогнозным расчетам известного эколога А.А. Данилкина, в стране может благополучно жить 3–4 млн. лосей и 5–6 млн. косял.

Радует сохранившееся в некоторых регионах обилие боровой дичи. Считается, что в 2005 г. в России насчитывалось 5,7 млн. глухарей, более 18 млн. тетеревов и почти 50 млн. рябчиков. От неумеренного отстрела и браконьерства их спасает то, что эти птицы — обитатели труднодоступной в наши времена глубинки. Все еще обычен популярный объект весенней охоты лесной кулик — вальдшнеп.

Численность диких водоплавающих — уток, гусей, казарок, лысух, обитателей болотистых местностей — куликов, составляет многие миллионы особей. Они гнездятся преимущественно в тундре и лесотундре, поки-

Брусника — ценный лекарственный и пищевой продукт

дая страну с наступлением холодов.

Все перечисленное (а частично и не названное) — остатки бывшего охотничьего изобилия России. Без хозяйского догляда, без надежного надзора, без упреждающего во время перестройки штаба отрасли — ресурсы многих охотничьих животных оскудели. До иных, из-за отсутствия доступного транспорта, не добраться. Отплынула и часть промысловиков из мест, где ресурсы еще относительно богаты. Разрушена государственная система заготовок продукции охоты. Но «миллиарды рублей» еще бродят по лесам и полям, оккупируют водоемы, совершают сезонные перелеты в поднебесье. Часть охотничьих богатств еще может дожидаться возрождения, если государство вспомнит о своих исторических корнях.

Мы упомянули — для примера — лишь о ничтожной части биологических природных ресурсов России, знакомых всем. А земля и вода, без которых невозможно нормальное существование растений и животных? А другие ресурсы? Из 440 млн. га земель сельскохозяйственного назначения, какая часть приходится на глубинные районы страны и в каком они находятся состоянии после неграмотной гидромелиорации, химизации, непродуманной интенсификации, вызвавшей эрозийные процессы? Но ведь они же есть, составляют значительную часть нашего биологического капитала и дожидаются создания отечественной Службы почв для возврата к полноценной жизни.

Лесной фонд страны (1059,8 млн. га!), с ценными лесами, изрядно подрезанными родимыми лесопромышленниками, безнаказанно обкусываемыми современными механизированными браконьерами, с которыми наше сильное государство с полуразрушенной и не к месту реформируемой Лесной службой так и не в силах совла-

дать, он же существует и оценивается во много миллиардов долларов! Один так называемый «углеродный кредит» (способность леса фиксировать углерод) чего стоит. И леса эти находятся в основном в глубинных районах страны.

А сотни тысяч водоемов со становящимся острейшим дефицитом на всем Земном шаре чудесным минералом — питьевой водой? Чуть не угробленный доблестными нефтяниками Байкал (кстати, его загрязнение увеличивается и помимо отодвинутой от него «трубы»)? Разве они не значительная часть глубинки?

А водные биоресурсы, в том числе и ценнейшие виды рыб, — разве они не

Морошку в больших количествах заготавливают жители северных регионов России

составляют весомую часть биологического капитала глубинной России? И негодование охватывает, когда по телевидению видишь гибель на морских побережьях тысяч пришедших на нерест (и не пойманных) лососей. И диву даешься, когда узнаешь, что Камчатка, уникальная по своим природным красотам и запасам рыбы страна, не вошла в недавний перечень государственных рекреационных территорий. Значит, кому-то ближе выгоды, которые сулит развитие довольно скудной минеральной сырьевой базы полуострова (особенно добыча золота), чреватой уничтожением нерестилищ лососевых рыб.

И, наконец, среда обитания, условия существования, возможность выживания малых коренных народностей Се-

вера и Дальнего Востока, состояние оленьих пастбищ, сокращение поголовья кормильца этих народностей — северного оленя — разве это не должно быть предметом постоянной озабоченности правительства? Крах транспортных связей накрепко отрезал их от районов с постоянным населением, поставил на грань выживания. Быть может, окажется бесполезным опыт североамериканских индейских резерваций?

Грибы, ягоды, орехи, «мягкая рухлядь», дичь — вот какой эколого-экономический и социальный смысл они проиллюстрировали нам. Колоссальные природные биологические богатства, глубочайший человеческий и социальный подтекст таит забываемая российская глубинка!

В упоминавшемся историческом очерке в нашем журнале, мы попытались рассказать, как в доперестроечный период долго и трудно формировалась система биологического природопользования страны, какова была ее структура, характер деятельности, достигнутые успехи, замечательные люди. Констатировано, что Россия обладала в ту пору огромной и мощной глубиной, являющейся по сути надежным каркасом страны, ее тылом и опирающейся на продуманную организационную основу. Ассортимент продукции доминировавших в тайге и тундре охотничьих промхозов можно считать универсальным — от шкурок соболя, мяса лося, сырого и копченого лосося до гашеной извести, метел, березовых веников для поселковых бань. Из лесного «сырья» делали соки, варили варенье, гнали неплохое вино, изготавливали сувенирные наборы, консервировали грибы. Охотничьим промхозам

Лесной фонд России оценивается в 1059,8 млн. га

удалось достигнуть предельной для их оснащенности комплексности в освоении имеющихся в их угодьях биологических ресурсов и в удовлетворении запросов местного населения. Существенная часть продукции поставлялась за пределы регионов. Подобная деятельность создавала постоянные и сезонные рабочие места, занимала рабочие руки, поддерживала и рождала новые специальности — и все это касалось сотен и сотен тысяч жителей отдаленных суровых районов.

Повторяем и подчеркиваем: развитие и совершенствование числа элементов производственной инфраструктуры в тайге и тундре означало придание нового качества жизни и труда почти на половине территории России. Несмотря на продолжающееся разрушение аграрного сектора страны в целом, промысловая его часть демонстрировала стремление к новым формам самоорганизации и саморегуляции, важнейшим эколого-экономическим параметрам любой природно-хозяйственной системы. Значение российских охотничьих промхозов выходит далеко за пределы охотничье-промыслового хозяйства и фактически означает переход на комплексное использование биологической продукции тайги, тундры, части водно-болотных угодий. Это то, к чему стремится большинство природопользователей мира! К сожалению, это осознали лишь немногие экономисты нашей страны, которые работали в сфере промыслового хозяйства и досконально знали проблемы глубинки. Однако, «наверху» к ним никто не прислушался и не принял мер по спасению важнейшего сектора экономики страны. Он также, как и многое другое, стал жертвой немелкой перестройки, непрофессиональных дилетантов.

Прошел угар стихийной перестройки. Кое-что восстанавливается и налаживается, в том числе и в районах Сибири и Дальнего Востока, наиболее пострадавших от перестроечной стихии и лишившихся огромного числа традиционных рабочих мест. Но: в настоящее время — знают ли и понимают ли наши ведущие экономисты огромное значение ресурсно-экономического и биологического потенциала глубинных районов страны? И думает ли наше правительство о хотя бы частичном, в духе изменившегося времени, возрождении глубинки?

Листаю страницы московских газет. Выискиваю интересующую меня информацию на экране телевизора. Слушаю «установочные» доклады некоторых наших лидеров. Да, встречаются актуальные сюжеты о продолжающемся разрушении остатков нашего села, о бедствующих и закрывающихся школах, об ужасных дорогах, отрезающих от остального мира население многих сел и деревень. Но где выход из сложившегося положения? Вот материалы крупных региональных форумов — Байкальского, Красноярского и дру-

гих. Да, ведущие экономисты думают, озабочены, однако как-то по-своему, в лучших традициях советского прошлого. Судя по их планам, начинается новая стадия «индустриализации» восточных районов России. Новые центры добычи и обработки полезных ископаемых, новые нефте- и газопроводы, железнодорожные и шоссейные дороги, ведущие к возникающим экономическим центрам.

Вот обширная статья вице-президента РАЕН, доктора биологических наук, проф. Е. А. Козловского «Дальний Восток — наше достояние». Она опубликована в газете «Природно-ресурсные ведомости» (№ 6, март 2007 г.). В ней мы найдем подробное описание задач по изучению и освоению минерально-сырьевой базы региона, по развитию Дальневосточного ТЭК с перечнем наиболее ценных и перспективных месторождений, по развитию отраслей, базирующихся на минеральных ресурсах и т. д. И не единого слова о биологических природных ресурсах!

Наверное, новая подвигка в экономике — это хорошо, действительно хорошо, так как подходит к концу страшная экономическая стагнация государства. Но, на взгляд немолодого человека, эта кампания несколько напоминает советский период индустриализации Сибири и Дальнего Востока. Слава Богу, пока обходимся без лозунгов о «покорении», «завоевании», о «победах над природой...» А природа, где она в этих прожектах? Где человек, который жил и живет благодаря природе? Ничего этого в материалах форумов, в солидных газетных публикациях нет. И вопрос с подвохом: для намечаемой индустриализации Дальнего Востока нужны люди, много людей. В Красноярском крае уже прямо говорят о демографическом дефиците на производстве.

Уже упомянутый профессор Козловский пишет: «Продолжающийся отток населения ставит под угрозу реализацию любых программ, направленных на укрепление экономики». Ученый видит один из выходов в привлечении мигрантов, в том числе из стран СНГ, и, по сути дела, в использовании переселенческого опыта столыпинских времен. Но не поздно ли? Трудолюбивые и талантливые немцы из казахской глубинки, рвавшие когда-то в Россию, давно уже трудятся на немецкой земле. И многие другие уже нашли свое место в новой обстановке. Откуда же возьмем людей для «освоения минерально-сырьевой базы Сибири и Дальнего Востока» — вытянем последних трудяг из сибирской глубинки, соблазнив их благами «технической цивилизации»? И довершив ее разрушение?

Следует откровенно сказать, что «село» вроде бы вновь объявилось в числе объектов государственного внимания. Начала работать полезная целевая агропромышленная программа и

появились первые результаты. Но — морщим мы носы — «не то» или «не совсем» («не во всем») то. На экране телевизора мы видим министра сельского хозяйства в белом халате, посещающего явно успешную крупную ферму и беседующего с ее хозяином. Слышим информацию о кредитах в сельское хозяйство, о новых инвестициях. Это все хорошо. Наблюдаем за перемещениями Премьера по Камчатке, Магаданской области, Приморью и с пониманием воспринимаем его сетования на прорехи в рыбной отрасли. Мелькают в его впечатлениях робкие намеки на необходимость возродить Министерство рыбного хозяйства (когда-то по чьей-то совершеннейшей дурости упраздненное). И, следовательно, перспективы восстановления инфраструктуры рыбной отрасли. После долгих проволочек восстановили охотничий департамент Минсельхоза РФ. Но где же в визитах этих государственных деятелей полузаброшенные села, которые следует всячески поддерживать, беречь от исчезновения; где развалившиеся поселки рыбаков и гниющие остовы рыболовцев судов на Камчатке; где бедствующие абorigены Корякии, доедающие последних домашних оленей и не видящие месяцами хлеба в магазинах; где бывшие благополучные центры охотничьих промыслов; где жизненно важные для судеб глубинки сельские школы с некомплектom учеников и учителей, непроезжие дороги к тысячам населенных пунктов; где, наконец, мнение сохранившихся жителей этих населенных пунктов? Не достало времени и сил увидеть все это собственными глазами? Вновь, как когда-то, высокое начальство возят по «маякам», по асфальту, скрывая от него истинное положение и надежды глубинной России?

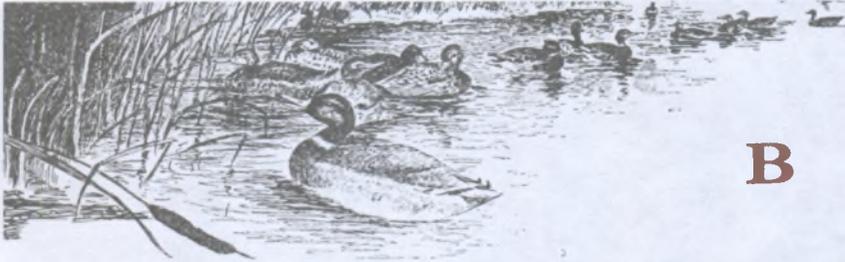
Не грозит ли нам такая политика новой эпопеей «перспективных населенных пунктов», когда руководству страны покажется, что проще и легче «сгрести» все оставшееся население глубинки в благоустроенные поселки, в индустриальные центры, что проще иметь дело с крупными производителями сельхозпродуктов, чем возиться со всякой жилищной производственной «мелочью»? А оставшиеся без населения и рабочих мест сотни миллионов гектаров высокопроизводительных сельских, лесных, рыболовных, водных, охотничьих угодий!? Их огромные, так нужные людям, природные богатства? До них ли нам! Ведь скоро мы будем жить в стране интенсивных современных технологий!

Недавно прозвучало блестящее Обращение Президента к Федеральному собранию. Все хорошо, все обстоятельно и обосновано, затронуты важнейшие проблемы жизни и будущего Российского государства. Но, как и в прошлых обращениях, не достает только ... Природы. Имеются, правда, несколько фраз о лесе и рыбе, но в технологическом и правовом аспектах. Нет экологических основ разумного природопользования. Нет знания и заботы о глубинных районах нашей страны, о судьбах их коренных жителей. Срочно необходима еще одна приоритетная государственная программа «Природа и люди глубинной России». Программа, базирующаяся на новых организационных, экономических, демографических принципах, на интенсивном участии бизнеса. Время не ждет. Кто заселит и обиходит обезлюдевшие просторы огромного государства?

Фото Т. Баженова, Н. Вехова, А. Дигилевича

В наших лесах произрастает свыше 250 видов грибов, из них 58 видов разрешено заготавливать

На уток в сентябре

Юрий КОНСТАНТИНОВ, мастер спорта, тренер

Охота на водоплавающих в первом месяце осени приобретает более сложный и интересный характер, особенно к концу сентября. Утка почти уже вышла пером, набрала вес (покрылась жирком), стала сторожкой и добытая дичь уже весьма завидный трофей. Молодняк сравнялся со старыми особями, а селезни начали приобретать свой весенний наряд — зеленую голову на шоколадной шее.

Стрельба уток в первых числах сентября мало чем отличается от охоты в августе, но с середины месяца значительно усложняется и требует от охотника не только знаний повадок дичи, но и определенного стрелкового навыка и мастерства.

Меняются не только места кормежки и отдыха уток, но и время перелетов, особенно это касается вечеров, когда утиньи стаи летят на кормовые места практически затемно, что требует от охотника умения стрелять в условиях слабой освещенности.

Кроме того, что в сентябре чаще приходится стрелять в сумерках, утка стала крепче на рану, да и дистанция стрельбы по быстролетящей дичи, как правило более значительная, чем в августе. Дробь, применяемая на открытии (№ 6, № 7), может оказаться уже мелковата, а патрон с дробью № 5 дает несколько более кучный бой (сгущение к центру), что тоже осложняет стрельбу влет. Поэтому увлекаться ружьями с сильными дульными сужениями при стрельбе уток даже поздней осенью не стоит. В это время патрон с увеличенной навеской дроби (магнум, полуманум) будет весьма актуален, в особенности на утренних перелетах, и уж конечно, когда подойдет северная утка.

На вечерках, когда поднялись стайки связы, шилохвости, непуганые северные кряквы и чирок, утка может вести себя без присущей осторожности, налетая на охотника по несколько раз одной и той же стаей. Но осенью пролетную дичь в «чужих» угодьях ничто не удерживает, а обстрелянная охотниками, она как правило не задерживается и откочевывает дальше, так что удачная вечерка сегодня, завтра уже может не состояться. С учетом этого нужно и выбирать место следующей охотничьей зори.

Когда сентябрьская и пролетная утка ведет себя как августовская, неспешно летит на отдых или кормежку, то стрельбу усложняют только поздний

рассвет и ранние вечерние сумерки, в целом же попасть в утку несложно, упреждения незначительные, а темнота к тому же способствует маскировке. Иное дело, когда утинье стаи с максимальной скоростью проносятся над засидкой охотника на предельной дистанции дробового выстрела. Здесь приходится бить с большим выносом, да и требования к бою ружья достаточно строги. Кучность на 40-45 метров никак не меньше 50%, да и это при патроне с усиленным зарядом (от 40 гр. дроби), а стандартный патрон должен иметь кучность в районе 70%, что уже требует от охотника достаточного стрелкового мастерства. Понятно, что выстрел производится в движении, а сама поводка ружья осуществляется только корпусом, желателен с ускорением и нажатием на спуск, как только обозначилось нужное упреждение. А в холодную погоду еще мешает не только низкая температура, но и теплая одежда. С учетом толщины куртки, укоротите приклад, что легко сделать, имея сменные затыльники (амортизаторы), чтобы не изменять привычную вскидку ружья (см. РОГ № 31 от 27.07.05). В конце сентября нередко налетают гуси, так что имейте под рукой патроны с крупной дробью.

Осень время охоты с чучелами, которая бывает результативна не только на «благородных» уток, но в первую очередь на нырковых. Стрелять нырков дробью крупнее пятерки нецелесообразно и особенно подсевших к чучелам в пределах среднего выстрела. Тело гоголя, лутка, чернети... больше чем наполовину скрыто под водой, и от ружья помимо резкости боя, в стрельбе по сидячей дичи требуется кучность со значительным сгущением осыпи дроби к центру, когда речь идет о номерах пятом и крупнее. Но целесообразнее применять патроны с шестеркой в ружье с умеренно кучным боем, большее количество дробинок в заряде все поправит.

Отдельно стоит остановиться на стрельбе при свете луны. Выходит бледный диск, становится светлее, но, как ни странно, летящих уток становится видно значительно хуже, лишь промелькнут силуэты птиц на фоне желтого круга, позволяя сделать относительно прицельный выстрел, но по большей части «в ту сторону». По сидячей утке точно выстрелить удастся, когда цель находится на лунной до-

рожке, в других случаях луна не особый помощник.

Немного о величинах упреждений при стрельбе на дистанции 40 и более метров. Пролетная утка, идущая стаей, развивает скорость до 25 м/с, дробь № 5 долетит до цели за 0,13-0,14 сек. (прибл.), за это время утка переместится до 3,5 м (реально скорее всего в пределах 3 м) — истинное упреждение. Так как охотник стрелок грамотный и стреляет с поводкой без остановки ружья, то временем, затраченным на решение произвести выстрел (0,1 сек.), нажатия на спуск (0,04 сек.), горения пороха (0,003 сек.), прохождения дроби по стволу (0,004 сек.) — суммарно 0,147 сек., можно пренебречь. Растянutosть дробового снопа на 40 м будет около 4 м, и хотя половина дробинок будет в первой трети снопа, его длина в какой-то мере может компенсировать ошибку при несколько увеличенном упреждении, как поможет, в разумных пределах увеличенная ширина дробовой осыпи (без оставления большого количества непопавших зон — окон, что определяется пристрелкой, см. РОГ № 32 от 3.08.05 и РОГ № 39 от 24.09.03). Величина истинного упреждения совпадает с видимым, при выстреле под углом порядка 90 (80-100) градусов к линии полета дичи. При изменении угла стрельбы величина видимого упреждения меняется в меньшую сторону. Охотнику для наглядности, отмерив истинное упреждение, через прицел ружья следует посмотреть как будет выглядеть необходимый вынос (видимое упреждение) при стрельбе с 40 метров под разными углами, и постараться воспроизвести его на охоте. Важно также правильно определять расстояние до дичи. Для этого по возможности не забывайте (шагами) измерять дистанцию до сбитой утки, и со временем нужный опыт появится.

На величину упреждения влияет скорость поводки, точнее, ускорение движения ружья, полученное при выходе на нужное упреждение, которое тогда естественно уменьшается. Такая манера стрельбы на обгоне весьма эффективна, но требует специальной стрелковой подготовки, желателен на стенде и регулярной домашней тренировки.

В лесу падают листья

Лесные тропинки запестрели опавшими листьями. Но на деревьях еще много листьев. Ночные холода перекрашивают в бурый цвет папоротники, приглушают зелень травы и «зажигают» лигстья осин. Калиновый куст в рубиновых ягодах.

Из кучи хвороста выбралась зарянка, посмотреть, кто идет по просеке. Грудка под цвет осенней листвы.

Дятел в компании синиц лечит заболевшее дерево. Сойка с желудем в клюве летит от одинокого дуба. Делает запасы на зиму. В здешних сырых лесах почти нет дубов. Может быть где-то на высоком месте приживется спрятанный и забытый птицей желудь и в лесу появится молодой дубок.

С высокой березы у бобровой плотины, смахнув с веток дождик листьев, слетел молодой белохвостый орлан. Размах крыльев во всю ширину просеки. Кусты ивняка помешали его сфотографировать.

Над заливом взрослый орлан пикирует на замеченную у поверхности рыбу. Но та ушла в глубину и оба орлана неспешно полетели в синюю южную даль. Туда же недавно отправилась журавлиная стая.

Анатолий СЕВАСТЬЯНОВ. Фото автора

РОСОХОТРЫБОЛОВОСОЮЗ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В ноябре 2006 года Президентом Ассоциации Росохотрыболовсоюз был избран Эдуард Витальевич Бендерский — человек до того времени не замеченный ни в одной из структур, близких по роду деятельности к охотничьему хозяйству. Появление нового лица на высшей должности в Росохотрыболовсоюзе породило немало толков. Что сулят общественным объединениям охотников столь кардинальные изменения в руководстве Ассоциации, какова будет новая стратегия деятельности Росохотрыболовсоюза, сможет ли новое руководство приостановить депрессию, постигшую охотничье хозяйство в последние полтора десятилетия?

Эти и другие вопросы были заданы редактором журнала «Охота и охотничье хозяйство» БЛЮМОМ Алексеем Михайловичем новому Президенту Ассоциации Росохотрыболовсоюз Эдуарду Витальевичу БЕНДЕРСКОМУ.

Эдуард Витальевич, мой первый вопрос к Вам лежит на поверхности. Как случилось, что Вы, человек до недавнего времени неизвестный в охотоведческих кругах, оказались избранным на столь высокий пост? Что послужило толчком к такому кардинальному повороту в вашей трудовой деятельности?

В период предшествующий моему назначению на пост Президента Ассоциации, я был человеком далеким от ее проблем, но не от самой охоты. Я уже говорил, что к охоте приучал меня отец, он был военнослужащим. Мы много переезжали с места на место, что было связано с назначениями отца. Пришлось пожить и в Грузии, и в Молдавии, и в Туркмении. Как человек, очень увлеченный охотой, он начал приучать меня к охоте еще в детском возрасте, а с 10 лет я уже выезжал с ним на охоту. Может быть, потому до сих пор мои любимые охоты — горные. Поэтому, как увлечение, охота обосновалась в моей жизни давно, но с проблемами, появившимися в последние годы в охотничьем хозяйстве, я стал знакомиться только с того момента, когда мне поступило предложение от В.А. Пехтина, заместителя председателя фракции «Единая Россия» в Госдуме, выставить свою кандидатуру на пост Президента Ассоциации Росохотрыболовсоюз. В.А. Пехтин сам увлеченный охотник, знаком со многими председателями областных обществ и через них с реальным положением дел в Ассоциации и в охотничьем хозяйстве в целом. Может быть, он посчитал, что мои деловые качества будут востребованы на этой должности. Предложение было неожиданным, но после того как я оценил и обдумал его, я такое согласие дал.

Э.В. Бендерский на 10-ой Всероссийской выставке охотничьих собак. Фото В. Животченко

Какие проблемы охотничьего хозяйства Вы будете решать в первую очередь?

Я думаю, что, отвечая на этот вопрос, стоит разделить проблемы на стоящие внутри Ассоциации и отдельно — в охотничьем хозяйстве. Так как, если говорить об охотничьем хозяйстве в целом, при всем уважении к Ассоциации, надо признать, что проблемы, стоящие перед ним гораздо шире, чем те, которые Ассоциация должна решать внутри себя.

На сегодня основная задача определить правила ведения охотничьего хозяйства, создать законодательные предпосылки, нормальные юридические нормы, дающие возможность развиваться охотничьему хозяйству и существовать в конкретных правовых рамках. Государственная политика в этой сфере должна меняться от необоснованного регулирования к созданию благоприятных условий для развития и ведения охотничьего хозяйства.

Группа специалистов с экспертами юристами в области природопользования подготовили проект Закона об охоте и ведении охотничьего хозяйства. Проектов было много, но все они писались в разное историческое время, при разных условиях, законодательная база постоянно менялась, а кроме нее менялись и социальная, и жизненная ситуации, экономические условия. Подготовленный нами проект основывается на той базе федеральных законов, которая уже есть. И именно данный проект мы будем рекомендовать депутатам Госдумы принять за основу.

В октябре прошлого года и в апреле нынешнего мы провели парламентские слушания по ведению охотничьего хозяйства, по проблемам надзора и контроля, и есть уверенность в том, что уже в этом году Госдума начнет рассматривать этот Закон в Первом чтении. В Комитете по природопользованию сформирована рабочая группа по

рассмотрению этого варианта Закона, где специалисты нашей Ассоциации будут представлять его. Он разрабатывался вместе со специалистами Департамента по охоте МСХ РФ и является плодом нашего совместного труда. Свой проект мы будем выносить на широкое обсуждение специалистов, охотников, охотобществ, чтобы сделать его максимально современным, отражающим основные тенденции и направления в развитии охотничьего хозяйства страны.

Что касается основных проблем, которые стоят перед Ассоциацией Росохотрыболовсоюз, в одно предложение их не сведешь. Хотя в настоящее время можно с уверенностью сказать, что из 75 субъектов РФ, общества которых входят в Ассоциацию, 90% это сильные организации, за которыми закреплены достаточные площади охотничьих угодий, на которых ведется охотничье хозяйство, где стабильная численность членов и постоянный перечень мероприятий, которые проводятся в рамках работы охотобществ. Это не только мероприятия биотехнической направленности, но и общественные, там целый куст социальной жизни гражданского общества, где каждый занимается любимым делом, где функционируют различные молодежные объединения, занимаются подготовкой охотников, воспитанием молодежи, уделяют серьезное внимание ветеранам. То есть это полноценные организации, которые живут со стабильным финансированием, с конкретными прозрачными задачами и целями. И очень важно — с нормальными рабочими отношениями с властью. Где власть в лице губернатора понимает необходимость наших общественных организаций и объединений, где власть оказывает им всестороннюю помощь. И дело не в финансовой помощи, а в нормальных рабочих взаимоотношениях, когда власть не создает искусственных препятствий в работе. И это уже хорошо. Главное по-

нимать, что мы делаем, если нужно — поправлять, но не мешать. К сожалению, есть и плохие примеры. Некоторые общества охотников выглядят очень бледно. И зависит это не только от власти, но и от наших региональных руководителей. Нет ни охотничьих угодий, ни нормального членского состава, ни внутренней жизни. Таким обществам, не смотря на их юридическую самостоятельность, мы будем помогать восстанавливать нормальное функционирование, выстраивать отношения с властью, будем стараться реанимировать и поставить на новые рельсы жизнь той или иной нашей региональной организации.

Как складываются отношения Ассоциации с вновь созданным Департаментом охоты?

Мы очень рады тому историческому факту, что с 1 января 2007 г. восстановили Департамент по охотничьему хозяйству МСХ РФ. Это головной орган государства, который должен определять политику, правила и тенденции развития охотничьего хозяйства страны. С Департаментом у нас установились совершенно нормальные рабочие отношения. Мы согласовываем целый спектр вопросов, подлежащих новому рассмотрению. Меняются Типовые правила охоты, которые, как Вы знаете, не менялись с 1988 года. Меняется внутренняя нормативная база. Нам очень приятно, что на сегодняшний день со стороны министра СХ мы видим понимание необходимости повышения роли общественных организаций в формировании государственной политики в области ведения сельского хозяйства и позитивное движение на сближение с ними. В МСХ периодически проходят совещания, где министр подчеркивает свою готовность оказывать всяческое содействие в укреплении общественных союзов. Мы стоим перед глобализацией экономики, перед вступлением в ВТО. И министр, и все мы прекрасно понимаем,

что при такой серьезной конкуренции мы можем быть сильными только в объединении, и роль общественных организаций и союзов в этих процессах достаточно велика. Очередное заседание Центрального Совета Ассоциации мы планируем провести в МСХ, и министр подтвердил свое участие в нем.

Сейчас идет активное перераспределение охотничьих угодий в пользу частных арендаторов, причем зачастую существуют попытки отчуждения угодий, принадлежащих областным и районным обществам охотников. Какова будет ваша политика в этом вопросе?

Согласен с вами, ситуация сложная. Какой из нее может быть выход? Только через Закон, потому что все иные способы и кулуарных договоренностей, и противодействие, и все остальное нелегитимны, надо учиться жить по закону. Именно этот дополнительный приоритет мы записали в проекте Закона. Что те общественные организации, не менее 50% членов которых лица, проживающие на данной территории, имеют преимущественное право на закрепление угодий. Если мы сможем провести это в Законе, то будем иметь законную норму для отстаивания интересов людей, живущих непосредственно на этой земле. И они должны иметь законное право охотиться. Если же нам по каким-то причинам не удастся это провести, то, наверное, все другие договоренности с властью будут малоэффективны. Потому что где-то эта договоренность будет действовать, а где-то — нет. Кто-то понимает, что это очень важный социальный аспект, а кто-то не понимает. Власть должна максимально использовать имеющийся ресурс доверия людей. И понятно, что когда приходит юридическое лицо или компания, имеющие свободные средства и возможность финансирования серьезных биотехнических и охранных мероприятий, получается так, что такая компания будет находиться в привилегированном положении. Мы все это прекрасно понимаем. Но социальный аспект трудно измерить деньгами, то есть в федеральном законе будем стараться провести такую норму, которая позволит закрепить за охотником право обратиться с просьбой о проведении того или иного вида охот к любому охотопользователю, в том числе и частному и получить это разрешение. Такой вариант предусмотрен в ряде областей на уровне внутренних законодательных актов, когда частный охотопользователь дает возможность проводить социальные виды охот (на птицу, зайца и пр.), осуществляя допуск в свои угодья охотником, как из местного населения, так и приезжих.

Предполагаете ли Вы влияние на областные общества в вопросе приостановки процесса распада районных структур или этот вопрос будет отдан на их усмотрение?

После реконструкции здания планируем еще больше увеличить доходную часть от его эксплуатации

Сначала нужно установить первопричины произошедшего. Во-первых, социальная обстановка в стране была такой, что распались не только общества охотников, но и целые институты пропадали на стыке перемен; во-вторых, очень серьезный упадок экономики, в том числе сельского и охотничьего хозяйства.

Для охотничьего хозяйства в целом и для ассоциации «Росохотрыболовсоюз» 90-е годы были очень тяжелые. Что мы имеем на сегодняшний день? Устойчивую тенденцию стабильности членского состава, а по отдельным регионам идет и увеличение числа членов. Но, к сожалению, население сельской местности находится в тяжелом материальном положении. Причин тому много и, прежде всего, из-за общего упадка сельского хозяйства. Идет заметный отток населения из сельской местности, а именно оно составляло костяк районных обществ охотников и рыболовов. И теперь только время может стабилизировать численность населения при условии целенаправленной государственной политики по возрождению сельского хозяйства, что в будущем может положительно сказаться и на росте численности членов районных обществ охотников. Мы со своей стороны разрабатываем целый ряд социальных программ, направленных на то, чтобы Ассоциация «Росохотрыболовсоюз» была интересна нашим членам. Это и по поддержке ветеранов — отдельная социальная программа, и по работе с молодежью, и отдельная программа по страхованию штатных сотрудников. Одна из первостепенных задач, на пути к решению которой мы уже много сделали — это эффективно и правильно использовать то, что уже принадлежит нам, и, в частности, Центральному Правлению. На сегодняшний день ни одну соцпрограмму невозможно реализовать без устойчивого финансирования. И то, что мы делаем сегодня, и наши планы на будущее позволяют нам думать, что бюджет Ассоциации будет восстановлен, что это будет серьезный бюджет, или, как у нас говорят на государственном уровне — бюджет развития. И поверьте, это будет на самом деле так, и к концу года уже будут зримые изменения. Наши дальнейшие шаги — оказывать существенную помощь областным обществам.

Росохотрыболовсоюз имеет серьезную производственную базу. Каковы планы: будет ли она расширяться, или деятельность ассоциации будет направлена в основном на укрепление существующей. Имеют ли что-нибудь от предприятий, подчиненных непосредственно Центральному Правлению, областные общества?

На сегодняшний день областные общества ничего не имеют. Мало того, ничего не имеет и Центральное Правление. Вологодская лыжная фабрика, которая нам принадлежит, решала задачу по обеспечению своей продукци-

ей (лыжами) охотничьи хозяйства и охотников, но для ассоциации никогда ничего не зарабатывала, и сейчас мы будем принимать решение, по какому пути идти дальше. То ли оставлять ее прежнюю направленность, то ли переходить на рыночные отношения, чтобы она приносила прибыль, или принимать другие решения. И еще. У нас был завод «Сатурн». За 2006 год балансовая прибыль составила около 15 млн. рублей — при том, что это 12 тыс. кв. м производственных помещений и 0,9 га земли в Москве, тогда как стоимость аренды земли в столице чрезвычайно высока. Конечно, в данном случае говорить об эффективности не приходится, и нами было при-

нято решение о перепрофилировании данного завода. Мы будем делать реконструкцию и создадим торговый центр, который полностью будет принадлежать Ассоциации. По предварительным расчетам Росохотрыболовсоюз от этого будет иметь порядка 6 млн. долларов в год. Это серьезные средства, на которые можно решать и серьезные задачи различного уровня, в том числе и дотационные, если уж об этом пойдет речь.

На сегодняшний день мы полностью навели порядок с арендаторами помещений нашего главного административного здания. Единственный принцип, которого мы придерживаемся, это принцип рыночных отношений, откры-

Они должны иметь законное право охотиться

Фото А. Дигилевича

тости всех договоров. Сейчас можно сказать, что здание использовалось абсолютно неэффективно. Если раньше Ассоциация от аренды получала 1, 2 млн. рублей, то сейчас она имеет около 150 тыс. долларов в месяц, и это не предел. После проведения реконструкции планируем увеличить доходную часть. За счет этих доходов удалось увеличить зарплату сотрудникам. Мы знаем, за счет чего будем проводить реконструкцию нашего здания, и знаем, чем можем подкрепить свои планы. У нас большие планы по реконструкции гостиницы. Мы ее уже начали. Надеюсь, к концу года она уже будет открыта — новая, современная. Она сможет решать проблемы не только по размещению членов нашего общества, но будет и дополнительным гарантом устойчивости нашего бюджета. Мы рассчитываем, что она будет приносить нам около 100 тыс. долларов ежемесячно. Мы сейчас наводим большой системный порядок. Кроме того, мы знаем, чего хотим и что будем делать на имеющихся у нас базах, с учетом того, что эти базы расположены в достаточно интересных зонах, где есть и хорошие охотничьи угодья. Эти базы будут современными и комфортабельными, с тем, чтобы использовать их не только в относительно короткий охотничий сезон, но и для других видов отдыха круглый год. Они тоже должны приносить прибыль. И вообще, на сегодняшний день надо подумать о современных методах ведения охотничьего хозяйства. Не сужать это понимание только до организации охоты и попытке заработать только на этом, это уже устаревший подход, он не может обеспечить устойчивое финансовое положение охотничьего хозяйства, необходимо искать новые пути. Например, экологический туризм и вопросы организации параллельного отдыха для различных слоев населения с различными материальными возможностями. Нужно думать и о развитии торговой сети. То что раньше было у нас поставлено достаточно хорошо, на сегодняшний день во многих местах почти исчезло, хотя кое где и сохранилось. В некоторых областных обществах до сих пор имеются магазины по продаже охотничьего оружия, снаряжения, рыболовных принадлежностей. Все большее внимание привлекает стендовый спорт, когда люди могут в любой день и не в сезон приехать и пострелять из своего любимого ружья, отдохнуть, пообщаться с друзьями. Всем этим нужно заниматься.

Порой от нас, от Центрального Правления ждут каких-то чудес. Мы будем, конечно, помогать нашим областным организациям, но и руководители этих организаций должны двигаться, думать и находить новые формы ведения своего хозяйства. Получить поддержку — это одно, но постоянно ждать каких-то финансовых вливаний не стоит. Каждый должен заниматься своим делом и отвечать за свою работу.

Ваше отношение к проблеме охотничьего билета.

Моя позиция однозначна. Я ее озвучивал с разных трибун. Мы будем настаивать на праве выдачи охотничьего билета. Давайте не будем загружать чиновников не свойственными им функциями. Делегируйте право выдачи охотбилетов охотобществам. Для нас это очень важно. Прежде всего — это членские взносы, а, значит, возможность за счет этих средств существовать нашим региональным организациям. Возможно, в этом есть определенный исторический момент: более 50 лет общественные организации имели это право, и механизм работал без сбоев. В настоящее время введение госохотбилета ничего, кроме вреда, не принесло. Никакой экономической выгоды. Оно реально сломало всю сдачу охотминимума. И, чего греха таить, в этой обстановке неравной конкуренции многие наши районные организации были вынуждены отойти от приема охотминимума. Простой пример. В обществе охотников нужно вступать, сдавать экзамен, платить деньги за вступительный взнос и трудовое участие, а госохотбилет можно получить практически бесплатно. А с ним, заметим, и право на приобретение оружия. Поэтому на последнем совещании у министра сельского хозяйства в рамках встречи с руководителями общественных объединений я задал министру этот вопрос. Министр принародно поддержал передачу этой функции общественным организациям. Вот такое наше мнение и его мы будем всячески отстаивать. И в проекте закона, о котором мы говорили, эту норму мы закрепили.

Ваше отношение к промысловой охоте и заготовкам пушнины.

Эта отрасль должна жить и то, что происходит на сегодняшний день, совершенно ненормально, нет никакого регулирования и, к сожалению, это подтвердилось на последних пушных аукционах, результаты которых были для нас весьма плачевны. А это зримый развал промысловых структур в стране. Много теряет на этом и наше охотобщество. На мой взгляд, этот вопрос требует государственного решения. Сейчас нет никаких правил игры, рынок — несформировавшийся, дикий. Однако нам трудно объять необъятное. По своей работе в ассоциации я занимаюсь практически всем, мне кажется, единственная структура, которая не требует моего вмешательства, это музей...

Не ощущаете ли Вы недостаток специального образования, работа на высшем посту столь специфической организации как Росохотрыболовсоюз?

Я уже поступил в РГАЗУ на отделение «Охотоведение», так как считаю невозможным находиться на столь ответственном посту и не быть специалистом по основному направлению деятельности.

Какие охоты Вы любите и как часто выезжаете на охоту?

Наиболее интересна для меня охота по перу. Я люблю весеннюю охоту. На мой взгляд, она наиболее красива и романтична, например, охота с подсадной уткой. После зимы особенно приятно побывать на весенней природе. Выезжаю и на зимние зверовые охоты. В прошлом году впервые охотился на лося «на реву» в Тверской области. Добыл отличный трофейного быка — 9 и 9 отростов. Для Тверской области — уникальный экземпляр. Я охотился с человеком, у которого уже много подобных трофеев, но и он признал уникальность моего трофея.

Какое окружение на охоте Вы предпочитаете?

На охоту люблю выезжать только со своими друзьями, с людьми, которых я хорошо знаю. В последнее время вообще не бываю на охоте в малознакомых компаниях. Для этого имеется ряд причин. Во-первых, я никогда не ставлю себе цель добыть обязательно трофейный экземпляр. Я выезжаю, чтобы отдохнуть и побыть в приятной компании. Мы по роду деятельности общаемся с разными людьми, и по существу недостаток в человеческих контактах у меня нет, но, выезжая на охоту, хочется комфортно ощущать себя в кругу близких тебе людей. Второй фактор. Охота сопряжена с использованием оружия и, к сожалению, есть много примеров, когда по разным причинам на охоте происходят трагические случаи и когда идешь на охоту, хочется видеть возле себя надежных людей.

Ваше любимое оружие?

Из гладкоствольных ружей — полуавтомат «Бенелли». Он мне отслужил 8 лет и за это время ни разу не подвел, не было даже ни одной осечки. У него уже довольно поношенный вид, и я хочу купить себе еще один такой же. На мой взгляд, в нем очень удачно сочетаются цена и качество. Для горных охот я использую Винчестер «Магнум» .338 калибра. У меня есть еще Винчестер .308 калибра.

Для загонных охот, на мой взгляд, лучше всего подходят полуавтоматические нарезные карабины. У меня есть и другое оружие, но я им пользуюсь редко.

Как Вы относитесь к собакам?

Собак я люблю, хотя своей у меня пока нет. Считаю, что использование собак на большинстве охот просто необходимо. Я еще не определился, но хочу завести собаку для охоты на птицу, скорее всего, это будет легавая.

Эдуард Витальевич, большое Вам спасибо за очень содержательную беседу. Думаю, нашим читателям было очень интересно познакомиться с вами. Разрешите от имени нашего журнала пожелать Вам успехов на новом весьма ответственном посту.

Как сохранить диких копытных в зимний период

А. ДАНИЛКИН, доктор биологических наук, профессор

Подкормка сухими и влажными кормами. Низкокалорийное луговое, злаково-осоковое лесное сено и листовые веники, подчеркну еще раз, непригодны для зимней подкормки копытных, особенно косуль.

Закладывать корм в типовые кормушки ясельного типа с крышей, обычно рекомендуемые для оленьих, не следует. Они малогабаритны, весьма трудоемки в обслуживании, сено в них быстро выветривается, белеет, теряет последнюю влагу, и копытные, косули в особенности, такую пищу игнорируют. Корма предпочтительнее хранить под стационарными навесами в типичных зимних местах обитания животных. Закладывать их следует еще до установления снежного покрова, иначе часть зверей непременно эмигрирует или в глубокоснежье далеко не все из них смогут найти пищу. Возле навеса желательно оборудовать солонец, а под крышей или на ней можно разместить площадку для подкормки глухаря зерном. Со временем возле каждого подкормочного комплекса будет концентрироваться несколько десятков копытных. Сено из хранилищ в любом случае целесообразнее раскладывать на снег на дорогах, тропах, солнцепечных опушках и полянах. В оттепели оно станет более влажным и, соответственно, более привлекательным и полезным для копытных.

Наблюдения за животными, доставшими из-под снега влажные шляпки подсолнечника, позволили нам разработать промышленную технологию подкормки косуль, которая с успехом применяется в Курганской области, где объемы выкладываемого корма исчисляются тысячами тонн. При уборке урожая подсолнечника комбайнами шляпки не дробят и не разбрасывают по полю, как раньше, а накапливают в бункере, а затем оставляются небольшими кучами на поле. После дождей

они впитывают влагу, и ранней зимой служат хорошим кормом. Однако после сильных морозов поверхность куч на полях смерзается, и эта пища становится недоступной для животных. Поэтому осенью егеря и охотники с помощью автопогрузчиков, тракторов и автомашин перевозят шляпки подсолнечника в лес и закладывают по нескольку тонн под специально устроенные навесы. Корм здесь не смерзается и поедается практически полностью, за исключением высохших стеблей. Благодаря такой подкормке спасены от гибели десятки тысяч зверей. Обмолоченные шляпки все же малокалорийны, и поэтому полезно дополнять эту пищу высокопротеиновыми кормами.

При возможности выбора все копытные отдают предпочтение влажному белковому корму — силосу, сенажу или зерносенажу (утрамбованной смеси трав и зерновых). Технология сенажирования и силосования сравнительно проста и хорошо отработана в сельском хозяйстве. Силосные и сенажные траншеи тоже предпочтительнее размещать в местах зимнего обитания зверей. В этом случае они будут кормиться непосредственно в траншеях, в которых корм не смерзается даже в сильные морозы из-за выделяемого тепла. Иногда у таких сооружений одновременно скапливаются десятки косуль или кабанов. Важно предотвратить вскрытие животными корма сверху, что приводит к его промерзанию и загрязнению экскрементами, поэтому траншеи желательно огораживать.

Другой путь заготовки и хранения зеленых кормов — высушивание дробленой с помощью специальных агрегатов травянистой или древесно-веточной массы и последующего изготовления кормосмесей, сечки, муки, гранул и брикетов. Травяная мука из козлятника восточного и рапса «00» по содержанию протеина превосходит зерно-

вые культуры почти в 1,5 раза, а по количеству минеральных веществ — в 2,5–3 раза. Такой корм удобно использовать в кормушках бункерного типа, но его заготовка, к сожалению, требует больших затрат и он содержит мало влаги. Более перспективна заготовка и хранение подвяленной травяной массы в рулонах, обмотанных полиэтиленовой пленкой. Эта технология уже широко применяется в сельском хозяйстве западноевропейских стран и в наших передовых фермерских хозяйствах.

Стебли топинамбура особенно сложно высушить. После срезки их подвяливают в поле и затем складывают под навесами или в хорошо проветриваемых сараях в кучки высотой до 1–2 м, или укладывают рядами на стеллажах, или ставят рядами между жердей. Отава этого растения, скошенного в июле, служит прекрасным зеленым осенне-зимним кормом.

Концентрированные (зерно, зерноотходы, отходы мукомольного, хлебопекарного, крахмального, сахарного, пивоваренного производств и др.) и гранулированные корма хранят в сараях до периода подкормки, а затем тоже выкладывают в открытые кормушки или на снег на солнцепеках для повышения влажности. Влажные и сочные (свекла, брюква, морковь, турнепс, капуста, яблоки и др.) корма, раскладываемые кучками на подкормочных площадках, обычно сильно промерзают и становятся несъедобными, и такую пищу тоже лучше скармливать зимой небольшими порциями в оттепели или весной в хорошо прогреваемых солнцем местах, что будет способствовать адаптации пищеварения к потреблению естественного зеленого корма. Комбикорма, во избежание вздутия желудка, следует скармливать копытным небольшими порциями в сочетании с грубым и сочным кормами, или влажными.

Качество корма обычно определяют

Окончание. Начало см. в № 8, 2007

по запаху и цвету. Сено должно быть зеленым и душистым. Добракачественный силос пахнет как квашеные яблоки. Затхлый и гнилостный запах, наличие плесени, серый, буроватый или бурый цвет сена и зерновых кормов — очевидные признаки непригодности корма.

Зимняя подкормка копытных должна быть регулярной на протяжении 120–150 дней. При наличии естественного корма для одной козули требуется примерно 1,5–2 кг влажного или сочного корма в день, или около 1 кг высококачественного сена, при дефиците естественной пищи норму выкладки увеличивают вдвое. В оленниках рацион пятнистого и благородного оленя обычно состоит из 1,5–2 кг качественного сена, 2–6 кг силоса и 0,3–1 кг концентрированных кормов при круглогодичном обеспечении свободной водой. Обычная норма выкладки корма в охотничьих хозяйствах — 3–5 кг. Специальная подкормка лося в наших условиях практически не требуется (за исключением минеральной), что выгодно отличает его от других копытных, а для кабана имеет свою специфику.

Подкормка кабана. Этому копытному особенно нужна высококалорийная белковая пища (земляные черви, насекомые, зерновые и бобовые культуры, плоды), обеспечивающая максимальное накопление и сохранение жировых резервов. В охотничьих хозяйствах для его подкормки обычно выкладывают зерноотходы или зерно овса, ячменя, пшеницы и ржи, а также кукурузу, горох, подсолнечник, люпин, картофель, свеклу, морковь, топинамбур, яблоки, груши, желуди, буковые орешки, комбикорма, жмых, различные отходы пищевых предприятий, мясокостную муку, павших животных. Нередко такую пищу оставляют в кучах под открытым небом с осени, что приводит к ее порче. На подкормочных площадках мне нередко приходилось видеть пораженные гнилью желуди, кукурузу и картофель, заплесневелые кучи зерна, зерноотходов и комбикормов, протухшие животные корма.

Дикие свиньи, несмотря на всеядность, поедают далеко не все предлагаемые им корма, а, как показывает практика, лишь доброкачественные, высокопитательные и, преимущественно, влажные. В большинстве случаев звери, у которых хорошо развит

инстинкт самосохранения, к испорченной пище не подходят до тех пор, пока имеют возможность находить другую. В голод поедается и такой корм, но последствия могут быть печальными как для животных, так и для охотничьих хозяйств. Случаи отравления и гибели кабанов, особенно сеголеток, некачественной пищей регистрируют повсеместно.

Корма не должны гнить в кучах под открытым небом. Зерно рациональнее хранить в стационарных деревянных сооружениях бункерного типа. Корм из бункеров, по мере его употребления, поступает в корыта под действием силы тяжести. Очень неплохо работают стационарные (или передвижные, установленные на полозья) бункерные кормушки, сделанные из металлических бочек емкостью до 250 л. Таких кормушек на площадке лучше делать несколько, иначе возникают постоянные драки за корм. Сарай с открытым доступом к корму также эффективны, но на ограниченном пространстве между животными иногда возникают драки, приводящие к серьезным травмам. При раннеосенней подкормке сыпучие корма предпочтительнее выкладывать в длинные металлические корыта или на площадки из досок, что предотвращает затаптывание их в грязь и снижает опасность заражения гельминтами, а зимой лучше высыпать на снег для повышения влажности.

Излюбленный корм кабана — кукуруза и горох. Картофель тоже считают лучшим кормом, хотя это не совсем так. Он богат углеводами, но содержит мало протеина, поэтому эту пищу можно расценивать лишь как «поддерживающую». Во всех отношениях гораздо ценнее топинамбур, мало вымерзающий в земле и входящий в состав рациона зверей до 8 месяцев в году, а в мягкие зимы и в южных районах — почти круглогодично. Следует отметить, что дикие свиньи очень осторожно относятся к новому корму и, даже будучи голодными, не сразу поедают его. Иногда они неделями не притрагиваются к подкормке, а плантации топинамбура игнорируют годами, пока не найдется голодная особь, которой растение придется по вкусу. Постепенно все большее число животных начинают посещать поля, выбирая клубни. В некоторых охотничьих хозяйствах звери не притрагиваются к зерновому

корму, если в нем большая доля семян вики. Морковь, капуста и турнепс, по моим наблюдениям, поедаются плохо, в измельченном виде — более охотно.

Очень привлекательны для кабана не обмолоченные копны или стожки пшеницы, ячменя, сои, овса, вико-горохово-овсяной смеси или смеси всех зерновых культур, скошенных на стадии молочно-восковой спелости. Этот корм они съедают полностью, а в остатках иногда устраивают зимние и даже родильные «гнезда». Подвоз стожков, сложенных при стоговании на волокуши (срубленные ветвистые деревья), к зимним убежищам зверей может стать одним из основных приемов подкормки, поскольку значительно дешевле выкладки зерна и других кормов. В некоторых районах Урала дикие свиньи охотно поедают стожки люцерны и зеленый рапс, скошенный после мороза и складированный в кучах на подкормочных площадках.

Заслуживают внимания исследования Е.М. Недзельского, предлагающего использовать в качестве подкормки для кабана измельченную веточно-травяную смесь (хвоя, побеги осины, березы, ивы и разнотравье в соотношении 1:3) и измельченные пищевые отходы (очистки картофеля, хлеб, свекла, морковь, капуста, брюква, мясо-рыбные продукты, иногда комбикорма). Для приготовления смесей и брикетов пригодны типовые измельчители и гидравлические прессы. Подача корма в кормушки осуществляется по лоткам из бункеров объемом 1–1,5 м³. Пища для сеголеток готовится из комбикорма (90%) и концентрата растительного белка из веточно-травяной массы. Доступ взрослых особей на «детские» площадки ограничивается забором. Эксперименты по подкормке кабана в Восточной Сибири белковой пищей дали следующий результат:

- повышение плодовитости в среднем на 25%, или на 2,1 детеныша;
- увеличение массы новорожденных на 2–4%;
- увеличение массы и размеров тела сеголеток в среднем на 5–13 кг и 3–10 см;
- увеличение упитанности и массы взрослых особей на 5% (до 7 кг);
- большую сохранность животных в зимний период.

Расчетный срок подкормки диких

свиней — 70–165 дней в зависимости от климатических условий, суточная норма выкладки — 1–3 кг на голову в зависимости от вида корма и суровости зим. Годовая норма подкормки в «Завидово» — 100–110 кг картофеля и около 7 кг гороха на особь, что недостаточно в многоснежные зимы. В январе — марте норма выкладки увеличивается до 2–3,5 кг на животное. В Беловежской пуще и в Березинском заповеднике на одного зверя в сутки выкладывают от 0,5 (ноябрь) до 2–4 кг (до марта). В морозные дни суточный рацион увеличивают до 3–4 кг на особь. Фактически в снежный период для каждого кабана требуется около 300–500 кг качественного корма. Для удержания кабана в охотничьем хозяйстве и уменьшения потерь не лишней будет и регулярная летняя подкормка в значительно меньших объемах, нежели зимой.

Размещение подкормки. Стратегия выживания копытных зимой основана на добывании влажной пищи и максимальной экономии энергозатрат. Эти важные обстоятельства, к сожалению, не учитываются в отечественном охотничьем хозяйстве. Повсеместно зверей подкармливают у охотничьих вышек, расположенных, как правило, вблизи населенных пунктов, где живет егеря и есть удобный подъезд. Животные вынуждены почти ежедневно совершать многокилометровые переходы от убежищ до мест подкормки, затрачивая при этом энергии гораздо больше, чем получают со скудной пищей. При такой подкормке они быстро худеют и погибают от истощения. Кроме того, на переходах их подстерегают браконьеры, волки, собаки. Людям невдомек, что, располагая кормовые пункты вдали от основных убежищ и источника воды, они не сохраняют, а губят копытных.

Подкармливать зверей следует в их типичных зимних стациях: кабана, например, вблизи незамерзающих болот, в зарослях в поймах рек, густых ельниках или их вкраплениях в лиственные леса, в загущенных участках дубрав. При регулярной подкормке и при наличии убежищ эти звери обычно не уходят далее 0,5–2 км от площадки, и при привычных звуках, связанных с раздачей пищи, выходят кормиться даже в дневное время и в присутствии

человека. Во избежание конкуренции за пищу и драк, приводящих к травмам, корм желательно раскладывать как можно шире. Для сеголеток целесообразны отдельные кормовые площадки. Эта мера поможет гарантированно обеспечить их пищей, снизит возможность заражения гельминтами, существенно уменьшит травматизм и даст возможность проведения дегельминтизации.

Косули и олени охотнее посещают подкормочные площадки с хорошим обзором, размещенные на окраинах кормовых полей, в высокоствольных малоснежных сосняках, на солнцепечных полянах и опушках. Во всех случаях предпочтительнее оборудовать их вблизи незамерзающих ручьев и рек. Чем больше в хозяйстве подкормочных пунктов, тем равномернее животные распределяются по угольям, и тем меньше стравливается ими естественный корм вокруг и меньше риск распространения болезней и заражения гельминтами. При высокой плотности оленьих желательнее иметь одну площадку на 100 га. Подкормку, как и солонцы, не следует размещать в посадках и вблизи них во избежание потерь, а также у оживленных транспортных магистралей, что нередко приводит к гибели зверей. В глубокоснежье к ним набивают тропы снегоходами или прочищают дороги тракторным плужным снегоочистителем, что значительно облегчает животным передвижение и доступ к естественному и выкладываемому корму. О правильности выбранного места для подкормки и привлекательности корма судят по посещаемости площадок животными. Следы копытных являются прекрасным индикатором уровня ведения охотничьего хозяйства.

Минеральная подкормка. Животным, также как и человеку, для нормально-го функционирования организма требуется определенное количество минеральных веществ, содержание которых в растениях в разные сезоны неодинаково. Как показали исследования ученых, А.М. Паничева (1987, 1990) в частности, летние корма копытных содержат мало клетчатки и натрия, зато содержание калия в сочной траве в 1000 раз больше, чем в огрубевшем корме. Избыточное поступление калия и магния может быть причиной плохой

усвояемости в организме других элементов. Избыток воды в мягких сочных кормах резко повышает выведение с разжиженными экскрементами минеральных веществ, в том числе наиболее дефицитного натрия. При резкой смене рациона с началом вегетации происходит нарушение кислотно-щелочного баланса организма и пищеварения, и поэтому весной происходит массовая гибель ослабленных за зиму животных.

Дефицит натрия, кальция и других минеральных солей восполняется при посещении копытными естественных сухих, грязевых, минерализованных водных и искусственных солонцов, а также при поедании водных и болотных растений и ила. Сведенный грунт, особенно глина, связывает воду, что способствует нормализации формирования экскрементов и сокращает потери организмом ценных минеральных и органических веществ. В целом биологическое действие землестых литогенных веществ многофакторное: сорбционное, ионообменное, каталитическое и биоэнергетическое.

Потребность в минеральном питании усиливается во время линьки, роста рогов, при беременности и лактации, истощении, болезнях, травмах и ранах. Горные копытные нуждаются в минеральных веществах в большей мере, нежели равнинные, что связано с меньшим содержанием солей натрия в горных растениях. В отдельных районах в вегетирующих растениях мало не только натрия, но и фосфора, меди, кобальта, йода, кальция и других элементов. В таких геохимических провинциях животным требуется специфическая минеральная подкормка. Животноводы уже давно применяют для домашнего рогатого скота не только каменную соль, но и солевые брикеты с добавками недостающих микроэлементов и антигельминтных препаратов, в частности фенотиазина. Эти брикеты полезны и для диких копытных.

Когда минеральных солей недостаточно, звери вынуждены перемещаться в их поисках. Поэтому, если вы хотите удержать копытных в своих угольях, в них должно быть не только много качественного корма, но и много солонцов — минимум один на каждые 1000 га, а для косуль, учитывая их

территориализм, — предпочтительнее 1 на 100–300 га.

Типы и способы устройства искусственных натриевых солонцов детально описаны практически во всех пособиях для охотников, егерей и охотоведов. Я бы хотел обратить внимание специалистов лишь на то, что соль в чистом виде (не смешанная с глиной) менее эффективна в качестве минеральной добавки, и такой солонец будет неполноценным. В типичных местах обитания зверей целесообразнее устраивать мощные долговременные глиняные солонцы, для чего в естественных выходах глиняных пластов пробивают ломом или бурят отверстия, в которые засыпают десятки килограммов соли или вливают водный раствор, или привезенную глину смешивают с солью. Для привлечения копытных к солонцам рядом валят несколько осин. Не лишним будет также насыпать слой глины под действующие со-

лонцы, оборудованные на сваленных деревьях, на столбах и пнях.

Зимой, копытные, как правило, не испытывают минерального голодания, и подходят к солонцам лишь изредка. При употреблении соли повышается потребность зверей в воде, которая не может быть удовлетворена при замерзших водоемах. Поэтому в наших условиях нельзя применять на практике известные рекомендации из монографии Б. А. Кузнецова (1967) «Биотехнические мероприятия в охотничьем хозяйстве», кочующие по учебникам охотоведения, охотничьим справочникам и публикациям охотоведов: «при укладке сена в стога желательны слои сена пересыпать солью (3–5% от веса сена) или обрызгивать солевым раствором» и «во время сушки веники несколько раз смачивают или обрызгивают 10%-ным раствором». Действительно, привлекательность подсолненного сена или лиственных веников воз-

растает, однако после этой пищи резко увеличивается потребность в воде, что наглядно видно по попыткам зверей поедать снег вблизи подкормочных площадок, и, соответственно, приводит к резкому повышению энергозатрат, сводя на нет все благие намерения. Другими словами — это «эффект селедки», последствия употребления которой хорошо известны всем, и даже авторам таких рекомендаций.

В заключение хотел бы дать еще один совет работникам охотничьих хозяйств в отношении проведения биотехнических мероприятий: не выполняйте эту работу по шаблону, а экспериментируйте — ищите наиболее эффективные корма и способы подкормки, и применяйте только те из них, которые «одобрили» не ваши охотничьи чиновники, а ваши копытные, и не забывайте про воду, необходимую животным круглогодично.

Фото автора

НОЧЬЮ КАК ДНЕМ!

В конце 2006 года испанская компания **LEDWAVE** выпустила на рынок новый аккумуляторный «подствольный» фонарь с мощнейшим ксеноновым излучателем — **Z-10 TARGETER III**. Уже в начале 2007 он стал новым лидером продаж в Европе и США и фактически стал флагманом в линейке ксеноновых фонарей у **LEDWAVE**.

Самый мощный в линейке ксеноновых фонарей **LEDWAVE**, подствольный тактический фонарь **TARGETER III** комплектуется аккумулятором повышенной емкости, позволяющим фонарю работать на одной зарядке до 90 минут.

Фонарь прошел испытания в России на оружии мощных калибров и зарекомендовал себя с наилучшей стороны. Мощности излучателя достаточно, чтобы обеспечить нормальную читаемость прицельной марки на цели:

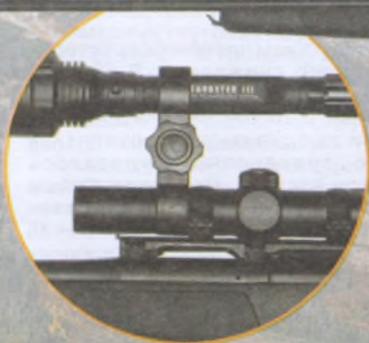
- оптического прицела без подсветки — на дистанции до 100-125 метров.
- марки с подсвеченным элементом — до 200-250 метров!

Стопроцентно водонепроницаем!
Корпус из авиационного сплава!

WILD FINDER II

Фонари и кронштейны для установки на гладкоствольное и нарезное оружие.

ИНФОРМАЦИЯ О ПРОДАВЦАХ:
ООО «МИРОВЫЕ ОХОТНИЧЬИ ТЕХНОЛОГИИ»
Т: 8 (812) 596-38-82, 327-44-66
ФАКС: 8 (812) 327-44-21
E-MAIL: INFO@WHT.RU, САЙТ: WWW.WHT.RU

ПОЛНАЯ ИНФОРМАЦИЯ И ЗАКАЗ В ЛЮБОЙ РЕГИОН РОССИИ ЭТИХ И ДРУГИХ МОДЕЛЕЙ ФОНАРЕЙ LEDWAVE В ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНЕ: WWW.LED-AND-XENON.RU

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ, ДРУЗЬЯ!

**С 1 сентября 2007 г. началась подписка на наш журнал на 2008 г.:
полугодовая - индекс 70673, годовая - 72376 по каталогу Роспечати**

В последние годы численность тетеревов на Русской равнине и Среднем Урале постоянно снижалась

Фото А. Назарова

Почему на грани?

Ю. ТУНДЫКОВ

Поводом для этой статьи послужило выступление В. Семенова «На грани» в журнале «Охота и охотничье хозяйство» (2005, № 5), в котором речь шла о катастрофическом снижении численности тетерева в европейской части Российской Федерации. Я имею возможность охотиться лишь в выходные и праздничные дни. Первого, на моей памяти, косача я добыл ровно 30 лет назад. С тех пор записал на свой «лицевой счет» 136 голов этого вида дичи (при посредственной стрельбе). Способ охоты — исключительно ходовой, в последние 10 лет — с дратхааром. Места моих охот расположены в Шалинском районе Свердловской области (предгорье Среднего Урала). Они охватывают площадь приблизительно 25 на 25 км. В начале 50-х гг. прошлого века здесь случился большой лесной пожар. Ныне о нем напоминает название одной из самых крупных пустошей (уже почти полностью заросшей) — Горелище. Рубка леса в этом районе ведется издавна. До начала 60-х гг. она была сплошной, с частичной очисткой лесосеки от порубочных остатков и вывозом древесины мотовозами по узкоколейной железной дороге (УЖД).

Несколькими годами раньше чем я, эти места освоили для охоты мои коллеги — Александр Матвеев и Анатолий Левков, а еще раньше здесь начал охотиться наш общий знакомый, рабочий

из Первоуральска Борис Бобров. По его словам, угодья тогда буквально кишели тетеревами, и его личный рекорд добычи за однодневную охоту, установленный осенью 1956 г., составил 18 голов.

В последующем численность тетерева неуклонно снижалась. В 60-е гг. больше 4–5 косачей за день уже никто не добывал. В 70-е гг. мы считали удачей, если за один выезд на охоту (как правило, трехдневный) удавалось взять пару косачей. Наивысшие наши сезонные достижения такие: А. Матвеев — 27 голов (1975 г.), А. Левков — 18 (1985 г.) и мое — 14 (1988 г.). В последние четыре года мне удавалось брать всего лишь по 2 косача за сезон.

Думается, сообщенная мною информация дополняет нарисованную В. Семеновым общую безрадостную картину состояния популяций тетерева на Русской равнине и Среднем Урале. Хочу порассуждать и о причинах этого явления, в чем-то «перекликаюсь» с автором, а в чем-то дополняя его.

Прежде всего сообщу, что в угодьях, о которых веду речь, практически отсутствуют такие неблагоприятные для жизни куриных факторы, как применение минеральных удобрений на полях и выгул скота, поскольку район этот не сельскохозяйственный. В прежние годы в подворьях местных жителей было немало коров, овец и коз, но пастбища для них далеко в глубь леса

не вдавались. За все время своих охотничьих скитаний я, помнится, лишь дважды встречал отбившихся от стада и заблудившихся одиночных буренок. С началом в стране перестройки и появлением первых кооперативов кто-то из местных предприимчивых людей завел в лесу, километрах в пятнадцати от поселка, животноводческую ферму. Но года через два ферма прекратила существование, не успев нанести сколько-нибудь ощутимого вреда природе и ныне уже ничто не напоминает о том, что на участке площадью 2 га когда-то была выбитая копытами коров поскотина.

Летом 1982 г. в самом центре наших угодий высадился механизированный десант — это местный леспромхоз приступил к выполнению государственной Продовольственной программы (если кто помнит такую). Выкорчевав бульдозерами произраставший здесь не крупный березняк (крупные деревья спиливались), механизаторы подготовили к зиме несколько полей протяженностью 300–400 м и шириной 100–200 м каждое. Весной их засеяли ячменем и овсом, причем с применением минеральных удобрений, но осенью посевы постигла участь не красовской «несжатой полосы». Овес потравили медведи. На второй год эту площадь частично использовали под сенокосы, а на третий — окончательно забросили.

Относительно слабо проявляет себя в угожьях, о которых пишу, и антропогенный фактор (имею в виду пребывание людей в лесу). От Екатеринбурга этот район расположен достаточно далеко, асфальта нет, туристов здешние места не привлекают, все реже можно встретить в лесу сенозаготовителей. Что касается лесорубов, то участки, где они работают, очагово локализованы.

Правда, среди населения местных поселков растет доля горожан-дачников, скупающих дома у вымирающих «аборигенов». Но эта публика побаивается леса: ведь в нем можно заблудиться, в нем же вас может укусить энцефалитный клещ. Конечно эти люди ходят в лес — за грибами, ягодами, погулять просто так, но ходят с оглядкой.

Обращаясь к реально действующим факторам снижения численности тетерева, надо начать с того из них, содержание которого составляем мы сами — охотники, т.е. с «пресса» охоты (ну хотя бы потому, что о сохранении и увеличении поголовья дичи мы печемся в конечном итоге не как созерцатели, а как добытчики). Хочу в связи с этим привлечь внимание к следующей особенности проявления жизнедеятельности тетерева, если речь идет о лесной зоне его обитания. В отличие от глухаря, рябчика и даже вальдшнепа, которых можно встретить где угодно по всему лесу, тетерев все-таки водится в достаточно определенных местах, в большинстве своем известных охотникам, и, естественно, посещаемых ими. Следовательно, в рассматриваемом отношении он оказывается более уязвимым по сравнению с названными видами. Кстати, в 70–80-е гг. наши охоты на тетерева сводились в основном к обходу полотна ответвлений бывшей узкоколейки (по нашему «усов»), которые мы распределяли между собой по жребию и очередности. Большинство выводков обитало именно на этих участках. С конца второй декады сентября сюда начинали стягиваться тетерева из других мест — в поисках гальки, необходимой для пищеварения. Другие охотники знали об этих очагах концентрации тетерева, но мы имели преимущество перед конкурентами — у нас была здесь своя избушка.

А вообще наплыв охотников в «тетеревиный край» был в те годы значительный. Помню, как однажды, сойдя утром с электрички, мы чуть ли не бежали, чтобы опередить многочисленных соперников и первыми попасть на известную нам тропу-путик. С обедением угодий и удорожанием охоты число желающих побродить по лесам

с ружьем заметно поубавилось, но на тетерева это никак не отразилось, его не стало больше. Говорю это к тому, чтобы подчеркнуть: «пресс» охоты — вещь серьезная, но нельзя преувеличивать последствий давления этого пресса.

Перехожу к другому, и, может быть, самому значительному по своему «удельному весу» фактору сокращения численности. Должен оговориться: в начале 80-х гг. аналогами «чистых» вырубок стали выступать участки, раскорчеванные под пашню, но так и не ставшие ею (о чем речь уже была). Эти участки несомненно поддержали существование тетерева в наших краях, но изменить в лучшую сторону общую неблагоприятную ситуацию они не могли. Во-первых, их было слишком мало, некоторые из них уже основательно заросли; и во-вторых, процесс, о котором идет речь, стал осложняться новыми, правда, до сих пор не вполне проясненными, обстоятельствами.

... Два года назад на одной из корченок я неожиданно стронул сразу два выводка тетеревов. Так случилось, что в том сезоне я не взял из этих выводков ни одной птицы. С уверенностью могу утверждать, что и другим охотникам они не достались. Надеялся, что на следующий год меня здесь ждет хорошая охота. Увы, тщательно прочесывая с дратхааром корчевку и всю прилегающую к ней территорию, я не нашел ни одной птицы за 4 приезда. Куда (или почему) исчезли тетерева? Задаваясь этим вопросом, вспомнил о следующем факте, с которым столкнулся впервые лет десять назад. Обследуя в конце августа, перед открытием сезона охоты, места наиболее вероятного пребывания выводков, обнаружил какие-то наброды-натопы, т.е. почти тропы, ведущие от одного муравейника земляных (луговых) муравьев к другому, от него — к третьему и т.д. с пропуском не больше одного муравейника из каждых десяти. В глаза бросались выворотни дернины, окружающие раскопанные муравейники.

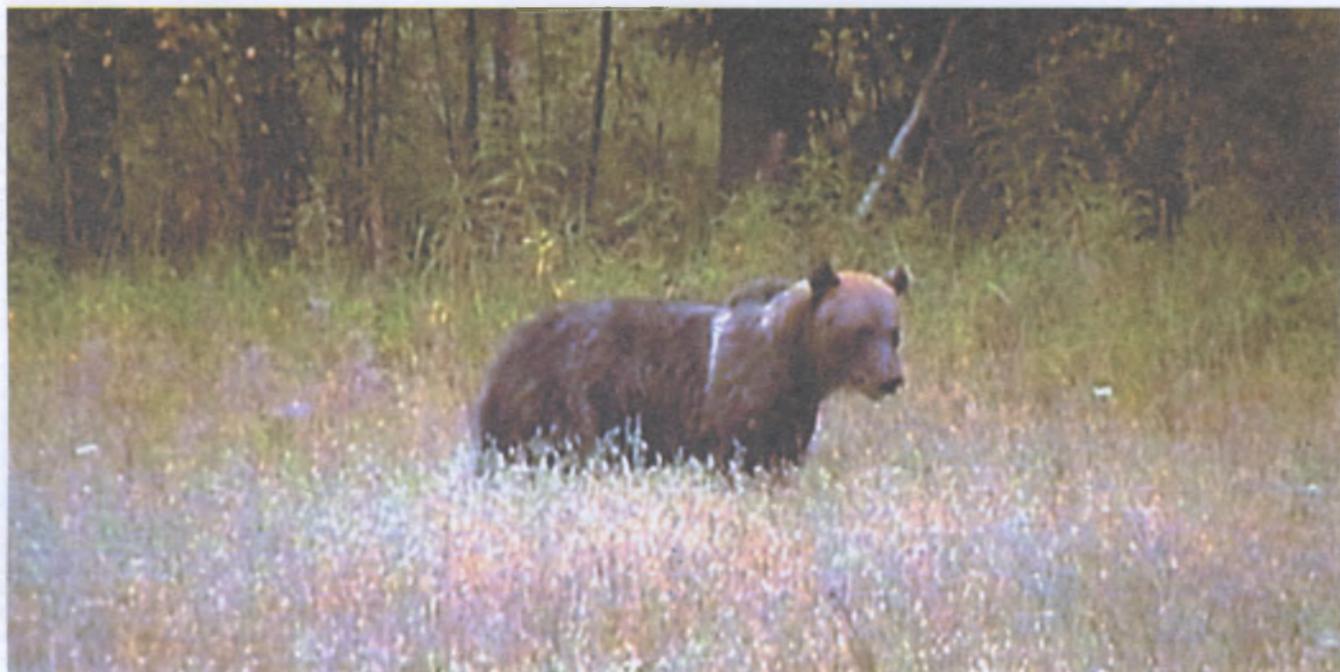
Признаки чьей это жизнедеятельности? Предполагаю, что кабаньей, хотя четко обозначенных следов ни разу найти не удалось. Земляные холмики луговых муравьев — небольшие, их почти не видно в траве и тем не менее зверь безошибочно находил их. Но точно так же, думается, он способен отыскивать и разорять тетеревиные кладки, да и поесть приплод тоже. Кстати, вопрос о влывании кабана (и не только его, но и енотовидной собаки, лисицы, волка) на жизнедеятельность куриных В. Семенов в своей статье почему-то обошел.

Можно ли считать исчерпанным перечень тех факторов (включая названные В. Семеновым), которые мешают жить и размножаться тетереву? Сомневаюсь. Еще С. Аксаков не разделял мнения, что «ужасное уменьшение дичи произошло от быстрого народонаселения и умножения числа охотников». Очевидно, писал он, что «этому должны быть другие, не известные нам причины». Согласно логике такого взгляда (с которым трудно спорить), мы не всегда можем быть уверены и в полном знании того, что составляет содержание понятия «благоприятные условия существования» (для пернатых и четвероногих). Приведу на этот счет следующий пример. В 1981 г. на Среднем Урале наблюдалась вспышка роста поголовья рябчика, затухавшая впоследствии в течение трех-четырех лет. В своей книжке «Опыт охотника» (Екатеринбург, 2002) я, сославшись по памяти на вычитанные когда-то сведения по биологии куриных, пытался объяснить этот феномен параллельным ростом численности так называемого «буферного» вида — мышей. В тот год их было действительно очень много и все хищники, как мне представлялось, переключились на питание грызунами, оставив рябчиков на время в покое. Сейчас у меня появились сомнения в правильности или, по крайней мере, исчерпанности такого объяснения: почему, спрашивается, резкий рост численности рябчика не сопровождался аналогичным ростом поголовья глухаря, тетерева, вальдшнепа, и правомерно ли так жестко связывать благополучие вида лишь с одним из возможных факторов? Не логичнее ли предположить, что в природе случилось нечто такое (скорее всего, связанное с погодой), что в равной мере благоприятствовало размножению как рябчиков, так и мышей? Допускаю, что и колебания численности тетерева (не сезонные, а охватывающие несколько и даже десятки лет) тоже зависят от каких-то естественных, но пока не учитываемых нами изменений в природе (например, климатических).

В прошлом году, возвращаясь с охоты, встретился я на остановке электрички с двумя знакомыми охотниками. Одни из них, узнав, что я добыл косача, с живостью среагировал: «Покажи». А ведь у него в рюкзаке лежал добытый им мошник. Неужели доживем до такого времени, когда тетерев из-за своей редкости станет цениться охотниками выше глухаря (как когда-то, говорят, стрепет стал цениться выше дрофы)?

Вниманию наших авторов!

Налоговая инспекция требует от редакции сведений об авторах: фамилия, имя, отчество; день, месяц и год рождения; ксерокопии паспорта и страхового пенсионного свидетельства; домашний адрес с почтовым индексом; ИНН. Просим присылать перечисленные сведения вместе с материалами, предлагаемыми для публикации. Присланные рукописи не рецензируются и обратно по почте не возвращаются.

Охота на овсах

В августе на делянках в лесу начинает дозревать овес — любимое лакомство медведя. Посещает эти поля медведь поначалу очень осторожно. Лабазы строят рядом с более вероятным выходом зверя на поле, но на таком расстоянии, чтобы он не учуял охотника.

Охота эта очень захватывающая и увлекательная, особенно с подхода. За несколько часов охотник садится на лабаз и дожидается выхода зверя. Как правило, медведь приходит на поле ближе к вечеру. Задача охотника не подшуметь зверя и сделать меткий выстрел.

Более опытные охотники предпочитают охоту с подхода. Нужно с подветренной стороны подойти к зверю на выстрел, а это не так-то просто. В основном эта охота проходит в сумерках, а то и в потемках с ночником. Такая охота доступна только очень опытным охотникам, добывшим не одного медведя на лабазах. Поохотившись однажды на овсах, охотник никогда не забудет такую охоту.

А. ДИГИЛЕВИЧ,
фото автора

1. Директор костромского ФГУ ГООХ Г. В. Долотов поздравляет охотника, профессора М. И. Ничушкина с удачным трофеем
2. В хозяйстве поощряется награждение охотников дипломами за меткий выстрел

Лось – «медведеуказчик»

В. ГЛУШКОВ, биолог-охотовед

Многие, наверное, слышали о существовании птицы медоуказчика из отряда дятлообразных, обитающей в лесах Юго-Восточной Азии и Африки, которая питается пчелиным воском. Для разорения обнаруженного гнезда пчел она разysкивает человека или животных, например, медоеда, и, привлекая их особым щебетанием и движениями, подводит к гнезду пчел. Об аналогичном поведении животных других видов мне не известно, хотя, вероятно, оно имеет место и ждет лишь своего открытия. Интерес к данной теме появился у меня под влиянием рассказов о лосях-подранках, которые, убегая от настойчиво преследующего охотника, проходят через медвежью берлогу. В результате охота на лося переходит в охоту на медведя и преследование лося прекращается.

Об одном таком случае мне рассказывал очевидец. Пересказываю по своей записи в полевом дневнике. «Двигаясь вдвоем с приятелем по следу стреляного, оставляющего следы крови на снегу, лося, до темна они так и не смогли его догнать. Утром следующего дня подойти к лосю на лежке также не удалось, но характер оставленных следов и крови указывал, что рана серьезная и животное с большим трудом находит в себе силы к бегству. Охотники решили догнать зверя и, попеременно прокладывая лыжню, пустились вдогонку. Лось уходил почти прямолинейно в удаленный от жилья участок леса. После еще двух неудачных подходов, уже во второй полови-

не дня, ближе к вечеру, идя по следу через ветровальный участок перестойного леса, они увидели чело берлоги и высунувшуюся оттуда голову медведя. След лося прошел прямо через берлогу. Увидев охотников, медведь начал выбираться из берлоги и им ничего не оставалось делать, как стрелять. Разделку зверя заканчивали в полной темноте. До полуночи выбирались к деревне. На завтра хлопоты с вывозкой добычи заняли весь день. Вечером пошел снег и к утру завалил все следы». Получилось так, что пересечение следа с медвежьей берлогой прекратило это изнурительное для лося преследование.

Случай, которому я стал очевидцем, произошел 8 декабря 2006 г. Перед этим в течение трех дней я неудачно преследовал взрослого одиночного лося, похоже — самку, потерявшую лосят. Сильная оттепель с переходом на плюсовую температуру началась 4 декабря. В этот день снег стал сильно прилипать к лыжам, и от них пришлось отказаться. На завтра потайка усилилась, а к вечеру 6 декабря пошел дождь, за ночь осадивший полуметровую толщю снега почти на половину. С одной стороны, ходьба (без лыж) облегчилась, но с другой, начавшееся половодье превратило лесные речки и многочисленные ручьи в непроходимые преграды. На поиск удобного места для переправы уходило много времени. После целого дня утомительной ходьбы нужно было еще найти силы для возвращения домой. Как назло,

попадавшиеся до этого следы лосей исчезли, и встреченный 5 декабря свежий след представился как подарок судьбы.

При первой встрече лося я «обдушил». На краю вырубki у глубокого оврага направление ветра сменилось, и мой запах нанесло на лося, лежащего близко от просеки. Зверь ушел, оставив лишь гонные следы. Через 3 км тропления я убедился, что лось оставиваться не намерен, и повернул обратно, чтобы засветло выйти на просеку. Утром преследование продолжил и, лишь к вечеру, дошел до жировок. Обход показал, что лось в кругу. Место, выбранное лосем, не было полностью безупречным. При наличии напарника можно было попытаться судьбу охотой загоном, но егерь Виктор, обещавший приехать еще 2 дня назад, так и не появился. В общем, лось я опять упустил. Срезав угол поля, он ушел в сторону, откуда началось преследование вчера. Начавшийся дождь добавил влаги в мои «хаски» и ухудшил и без того мрачное настроение. Вечером, сидя за столом, и ночью, сквозь сон слушая шум дождя по крыше, я пытался отбросить укрепляющееся сомнение в успехе.

Третий день преследования злополучного лося проходил в условиях, похожих на конец апреля: черный, освободившийся от кухты лес, осевший мокрый снег, морозящий, временами усиливающийся, дождь. Капель, теплый южный ветер. Не буду описывать долгий и трудный путь, проделанный

Фото А. Дигилевича

за день. Скажу лишь, что уже через пару часов ходьбы обувь намочила, и ноги были словно в холодной луже. След уходил в незнакомые мне леса в северо-западном направлении. Упорно двигаясь по следу, во второй половине дня, почти весь мокрый я выбрался на тракторный след. Оставалось еще больше часа светлого времени. Я был полон решимости продолжать преследование хотя бы еще полчаса, но встретившаяся дорога и мысли о тяготах обратного пути сломили мою волю. Перекусив бутербродом и еще раз трезво обдумав ситуацию, решил выходить к дому. Весь обратный путь размышлял о причинах необычно невезучей для меня охоты. Подходя к дому, увидел УАЗик егеря. Наконец-то Виктор появился!

К утру 8 декабря погода не изменилась. Сырой снег еще больше осел. Очистился тротуар у крыльца, на огороде то тут, то там из снега выставились былинки. Беззаботное тенькавшее синиц усиливало ощущение весны.

По лесовозной дороге мы доехали до лесосеки и там оставили машину. По тракторной дороге подошли к месту моей вчерашней остановки. Снова кольнула совесть за допущенную слабость. Все-таки, как автомобиль может поднять дух охотника! По предложению егеря пошли не по следу, а по дороге, потом свернули на другую, более заросшую, но ведущую в нужном нам направлении. Примерно еще через час пути увидели переход. Пошли по следу. Почти сразу начался ветровальный участок. Стволы огромных осин, упавших от старости, перемежались с лежащими на земле или зависшими в воздухе елями. Тут и там торчали выворотни, казавшиеся издали лосями. Обычно такие места я обхожу с подветренной стороны. Следы лося начали петлять, указывая на намерение его остановиться для отдыха и жировки. Предупредив Виктора, я взял немного правее, а он пошел прямо по следу. Из-за скопления упавших деревьев пришлось свернуть еще правее. Осторожно обходя завалы, я с ружьем наготове продвинулся вперед метров на сто пятьдесят, когда слева, совершенно неожиданно прогремел дуллет. «Слишком торопливые выстрелы, наверняка промазал» — отметил я автоматически и направился наперез предполагаемому ходу зверя, с надеждой перевидеть его на одной из редиц. Ни лося, ни его гонного следа. Наоборот, к своему изумлению, я увидел вчерашний жировочный след и обтаявшую лежку «нашего» лося. По кому же стрелял егерь? В этот момент раздались кри-

ки. Я ответил и повернул в ту сторону. Крики повторились, в них явно слышалась тревога. «Ну, стрелял и стрелял, чего орать-то» — подумал я с раздражением, но прибавил шаг. Впереди, в прогале, оказался Виктор. Красные разводы на его маскировочной куртке тревожно резанули и вызвали рой догадок. «Медведь! Лопатку больно и руку. Там он. Наверное, мертвый» — с волнением проговорил егерь. Не видя никаких повреждений, спросил его, почему одежда в крови. Виктор ответил, что об медведя испачкал. Боролся. Отталкивал его морду от себя, чтобы за лицо не укусил. Подошли к медведю. Убедившись, что он мертв, помог Виктору снять рюкзак, куртку, верхнюю одежду. Загнул рубаху и осмотрел спину. По верхнему краю левой лопатки увидел четыре, а немного ниже — еще пять отверстий от когтей: следы двух ударов правой передней лапой. На левом боку кровоподтек и небольшой разрыв ткани — след правого верхнего клыка зверя. Такой же разрыв на левой руке ниже локтя. Суконная куртка и брезентовый рюкзак не имели разрывов. Только проколы от когтей и клыков. Одежда и рюкзак ослабили силу удара лапы по лопатке. Кроме того, нападавший медведь был смертельно ранен (пулей разорвало сердце и левое легкое), и быстро ослабел. Наскоро выпотрошили зверя (им оказалась медведица в возрасте 5 лет с шириной плантарной мозоли 11 см).

Напрямую, по компасу вышли на лесную дорогу и отправились в обратный путь к машине. Хотелось еще подробнее разобраться в обстановке, но полученные Виктором раны беспокоили меня. Когти могли занести бактериальную инфекцию. Дома помогли Виктору раздеться и тщательно обработали йодом все раны. Поев и отдохнув, егерь уехал, сказав, что завтра будет вывозить медведя. Я решил потратить еще день на изучение следов.

За ночь температура опустилась до нуля. Снег слегка подсушило, и идти было приятно и легко. Вначале я изучил следы медведя. По степени размытости следов установил, что он бодрствовал вне берлоги около суток. От берлоги след шел по ветру, почти строго на север, пересек след лося и в 70 м от берлоги, под двумя упавшими елями закончился. Земля под стволом разрыта, а на нижней части дерева выгрызена полусфера. Зверь почему-то забрался это сооружение и пошел своим следом обратно, вновь пересек след лося и, в 10 м от него, начал делать берлогу под лежащей осиной.

Выгрыз почти наполовину нижнюю часть дерева ровным полукругом, разрыл на входе землю и залез под дерево в получившееся отверстие. Это жилище ему также не понравилось, видимо из-за воды, стекавшей со ствола осины прямо в логово. Появление охотника застало медведя в тот момент, когда он вылез из забракованного жилища и стоял, раздумывая, что же ему делать дальше. Человек, упершись в медвежий тропу, рассматривал непонятные грязные следы, а медведь — его. Со слов Виктора, какой-то звук медведь издал в момент своего броска, и это спало егеря. Он успел вскинуть ружье и дважды нажать на спуск. Один выстрел попал в цель.

След лося прошел в 35 м от берлоги, с северной, подветренной, стороны. Лось, постепенно удаляясь от берлоги, кормился. В 130 м он лежал после вечерней жировки, т.е. примерно за 10 часов до выхода медведя из берлоги. Следы лося говорили о том, что егерь ничто не беспокоило. На ночной жировке лось сначала продолжил удаление от берлоги, затем сделал петлю и пошел в обратном направлении, вышел на свой след и, не доходя до берлоги 100 м, повернул на север. Пройдя, с жировкой, по ветру 60 м он лег. Утром следы спокойно пасущегося лося располагались между ночной лежкой и берлогой и имели форму двух замкнутых кривых линий. Завершилась утренняя жировка примерно в 150 м от берлоги, и как раз на эту лежку я выходил в день, когда был добыт медведь, т.е. спустя сутки после ухода лося. С этой лежки лось услышал медведя. Он вскопал и развернулся в сторону берлоги, затем отскочил на несколько метров и снова развернулся в сторону берлоги. По-видимому, в этот момент ветер донес запах медведя. Лось повернулся и, удаляясь, пошел по ветру сначала шагом, затем рысью, а метров через 300 бросился галопом, перешел залитую водой ложину и, поднявшись в гору, исчез в бескрайних просторах тайги.

Обдумав произошедшее событие, я пришел к выводу, что мой лось не был «медведеуказчиком». Пытаясь отделаться от навязчивого преследования, он применил обычную для лосей тактику удаления в труднодоступный, безлюдный участок леса. Вероятно, медведи, залегающие в берлогу, предпочитают такие же места. Этим и объясняются случаи пересечения маршрутов преследуемых лосей с медвежьими берлогами. Мой вывод не окончательный. Требуются другие свидетельства, которые бы его подтвердили или опровергли.

«Охотничий сборник - 2007». Литературно-художественный иллюстрированный ежегодник. М.: Издательское Дело «Муравейник», 2007. - 700 экз., 224 с.

Это уже 9-я книга неординарного периодического издания, рассчитанного на широкий круг читателей - охотников, рыболовов, любителей родной природы. На этот раз в нем опубликованы рассказы, очерки, эссе современных авторов - В. Чернышева, Н. Старченко, Н. Руковского, О. Трушина, С. Фокина, В. Крылова, А. Лавровой и классиков XX века - Ю. Казакова, И. Соколова-Микитова.

«Охотничий сборник», вышедший в 2001-2005 и 2007 гг. можно приобрести в редакции. Цена экземпляра 80 рублей + почтовая пересылка. Заявки направляйте по адресу: 107140, Москва, ул. Краснопрудная, д. 22А. Издательское Дело «Муравейник».

Советы бывалых охотников

Дмитрий ЖИТЕНЕВ

Хлебное дерево

Собирательство у нас, охотников, в крови. Это, вероятно, врождённое. Нельзя объяснить это влечение современного человека, живущего в мире, где на каждом шагу магазины, а в них сегодня полно снеди, и свежей и консервированной. Цены, правда, кусаются. И тем не менее даже те, кто сравнительно обеспечен, всё равно нагнётся за грибочком или ягодкой. Что же говорить о тех, кто всю жизнь — в селе, в деревне, в лесу. Им-то, как говорится, сам Бог велел пользоваться дарами леса.

Каждый район, каждая местность необъятной нашей страны по-своему знамениты лесными богатствами. По всей Восточной Сибири в массе берут голубику, а в Горном Алтае её почти нет. Зато там кедрового ореха можно заготовить тоннами. В борах Верхней Печоры годами бывает невероятное количество грибов, я раньше даже не представлял себе, что такое возможно. Выражение «косой коси» полностью правдиво. Так же богата припечорская тайга ягодой, а вот кедр единичны. Хотя в Предуралье кедрового ореха понемногу все же собирают. Кроме человека в тайге до него много охотников — и медведь, и бурундук, и кедровка. Эта птица очень много растаскивает ореха, обрывает шишки, которые ещё не собираются падать с веток. В большинстве своём мы так или иначе, чаще или реже, но грибы с ягодами и брали, и солили, и мариновали, и варенье варили. Однако мало кто может сказать, что он заготавливал кедровый орех. А ведь это один из самых интересных и искони сибирский промысел. Расскажу немного об этом.

Сибирский кедр растёт, как видно из его названия, по всей Сибири, от Урала до Дальнего Востока. Местами его можно встретить и в Предуралье, с европейской стороны. На юге Хабаровского края и в Приморском растёт кедр корейский, а по каменистым россыпям высокогорий Восточной Сибири — кедровый сланец, или стланик, стелющийся кустарник, заросли которого почти непроходимы. У корейского кедрового ореха шишка крупная, орехи большие и с очень твёрдой скорлупой. Шишки кедрового стланика, напротив, небольшого размера, а орешки мелкие. Самый лучший орех даёт кедр сибирский, который правильнее называть сибирской кедровой сосной. У него орехи с тонкой скорлупой, а урожайность очень высокая — до тонны орехов с гектара в хороших припоселковых кедрочах. Сибирский кедр — дерево, тяготеющее больше к горам, но растёт и в равнин-

ных частях Сибири, а также прекрасно чувствует себя и в культуре.

Мне приходилось заготавливать кедровый орех только в Горном Алтае, где годами кедровые массивы очень продуктивны. В прителецкой тайге (горы, примыкающие с юго-запада к Телецкому озеру) один промысловик с женой и дочерью за полтора осенних месяца заготовил около 15 тонн кедрового ореха. И, говорят, там это не предел.

По всей Сибири шишку с кедров сбивают ударами колота, или байдона,

гигантского молотка. Боёк — сырая березовая чурка. Рукоятка (чёрень) шест из прямой сухостойной ели длиной метра два. Верхний конец затёсывается со скосами (в сечении — трапеция) и вставляется в соответственно вырубленный паз. Нижний конец чёренья, которым колот упирается в землю, стёсывается лопаточкой, а плоскость её перпендикулярна линии удара. При таком затёсывании колот во время удара не развернётся.

Бьёт обычно один человек, но иногда для усиления удара к колоту при-

Кедровщик с колотом

Фото В.С. Житенева. 1928 г.

вязывают длинные верёвки, вожжи, по одной с каждой стороны ствола. Двое помощников сильно поддёргивают их в момент удара. Действия всех троих должны быть абсолютно синхронными. От удара спелая шишка градом сыплется на землю — только уворачивайся.

Сбитую шишку собирают в мешки и тащат на стан, где специальной мельницей их давят, а затем отсеивают на больших решётах.

Кедрачи Сибири, повторяю, очень продуктивны. На фотографиях, сделанных моим отцом на хребте Хамар-Дабан (юг Байкала) в 1929 году, можно видеть, как велика куча чешуи от кедровых шишек и сколько народу выезжает в тайгу на заготовку ореха.

В Горном Алтае колотом не пользуются вовсе, во всяком случае, в тайге около Телецкого озера, где я прожил три года.

Орех кедровый созревает там обычно в сентябре, и первый же сильный ветер, верховка, сбивает шишку с вершин. Такая шишка называется тушкин. Да и сам этот процесс, массовый опад кедровых шишек, тоже тушкин. Тут уже не зевай! Мешки в руки — и в тайгу. Собрать шишки очень легко. Падая на землю, они скатываются по склону и собираются кучками в западинках и ложбинках. Они видны хорошо, да и располагаются поблизости друг от друга. Подходишь к такой кучке, кладёшь мешок к ней горловиной, наступая на его края каблучками, левой рукой поднимаешь верхний край, а правой сгребашь шишку в мешок. С одного места, бывало, мешок на треть заполнишь, а переход от одной хорошей кучки шишек к другой занимает не больше минуты. За 10 минут мешок заполнишь точно, а пять мешков шишек — это мешок орехов. Вот и считайте, какова производительность труда.

Несмотря на такое изобилие, на Алтае почему-то не в ходу мельницы. Шишку разбивают примитивным вальком наподобие тех, какими раньше деревенские женщины колотили бельё на речке. На стане, куда стаскивают мешки с шишкой, на толстой валежине вытёсывают плоскость, на которой и колотят шишку, одну за другой. Конечно, производительность по сравнению с мельницей невысока, и всё же кедрового ореха берут в Горном Алтае сотни тонн.

Во многих местах шишку с кедров сбивают прогонами, шестами длиной 4-5 метров. Делают это лазальщики, которые забираются на кедр с помощью специальных приспособлений — когтей и ремня, охватывающего и ствол и лазальщика.

Орех отделяют от шелухи с помощью сита. Делали его раньше из листа берёсты, а дырки пробивали гильзой от винтовочного патрона калибра 7,62 мм. Но это на скорую руку. Для длитель-

ного, многосезонного, так сказать, применения сито делали из жести, а дырки — специальной высечкой.

В отсеянном орехе всё равно остаётся много сора, поэтому надо его ещё проветрять на ветру. На Телецком озере это делают обычно так.

Утром, когда дует верховка, мешки с орехом вытаскивают на берег, расстилают большой брезент метрах в 5-6 от мешков, а дальний край приподнимают стенкой. Затем деревянной лопатой или совком орех из мешка кидают на этот брезент. Ветер, который дует сбоку, сносит весь сор и пустые орехи, а на брезент падают спелые и ядрёные. Этот орех называют навежкой. Потом орех окончательно просушивают либо на поду не очень горячей русской печи, либо просто рассыпают сверху по теплой лежанке.

Кедровый орех зачастую называют сибирским хлебом, а сибирский кедр именуется хлебным деревом. Я думаю, что для сибиряков он больше, чем хлеб. Ведь, кроме того, что его просто употребляют в пищу, он идёт, например, и на приготовление кедрового масла. Раньше делали кедровые сливки, «постное молоко».

Для этого, во-первых, надо очистить орехи от скорлупы на примитивных ручных деревянных жерновах. Листовое железо набивали гвоздём, словно тёрку, а затем этот лист — уже на круглую чурку. Между двумя чурками терли орехи. Если скорлупа твёрдая, надо их «обрушивать» на каменных жерновах.

Освободить орех от скорлупы можно и другим способом. Кедровые орехи замачивают на несколько часов так, чтобы внутри скорлупы просочилось хоть немного воды. На расклеванную сковороду кидают горсть таких раз-

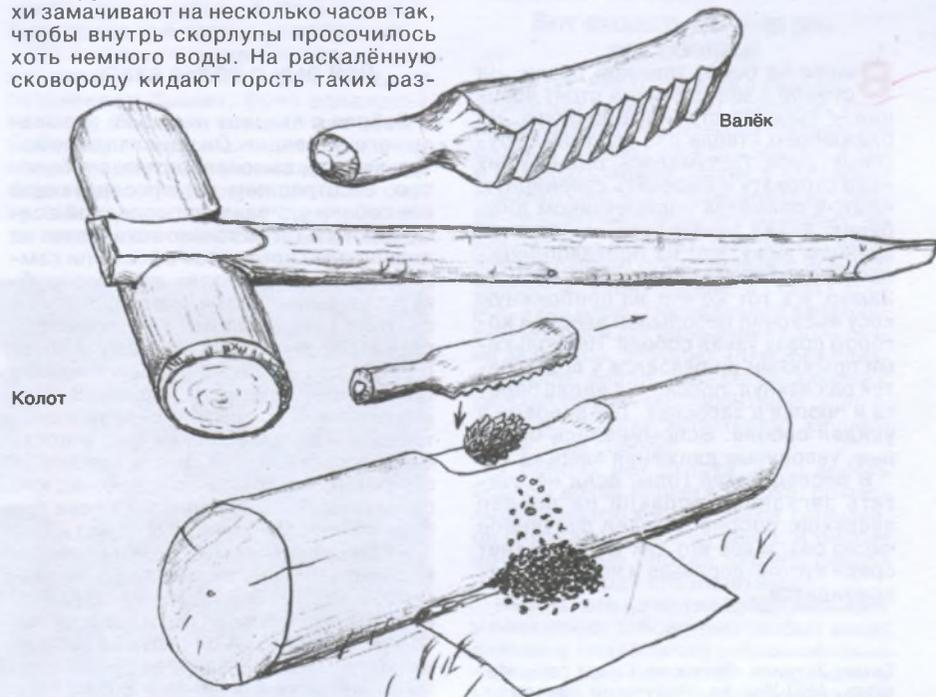
бухших орехов, вода внутри них вскипает, испаряется, и скорлупа трескается. Орехи тут же ссыпают со сковороды, чтобы не испортить ядрышка. Потом уже шелушат вручную.

Чтобы приготовить кедровые сливки, подсушенные ядрышки растирают в руках, очищая их от плёнки, которую потом просто сдувают в сторону. Затем ядрышки толкут в ступе, подливая горячую воду, и размешивают в кашу, а её в свою очередь выкладывают в чугунок и доводят до кипения на вольном жару в русской печи. Сливки кедровые готовы. Перед употреблением разводят их кипяченой водой наполювину. Это и есть «постное молоко». В кедровых сливках жира вдвое больше, чем в коровьем молоке.

Сегодня в наших магазинах можно купить очищенные кедровые орешки, ядрышками. Попробуйте приготовить кедровые сливки. Вкусно, очень питательно и целебно!

Кроме всего вышеперечисленного, заготовка кедрового ореха — это источник очень неплохого заработка. И так было во все времена.

Не буду распространяться на тему об уникальности кедровой древесины, о выдающейся урожайности кедра, о древности кедровых лесов. Ведь отдельные деревья доживают до 500-летнего возраста! Об этом можно прочитать в специальной литературе. К великому сожалению, площадь уникальных кедровых лесов России сокращается с каждым годом. На Дальнем Востоке ситуация с кедром корейским вообще катастрофическая. Что имеем — не храним, потерявши — плачем!

Колот

Вальк

Разбивание кедровой шишки вальком

Рисунки автора

Соболь «огонь-зверь»

С. УСТИНОВ

*Посвящаю обитателям лесов и гор,
дикой заповедной природе Байкальского края.
Автор*

«Вести от Синих гор» — книга рассказов, которые автор писал на протяжении последних шести лет работы в Байкало-Ленском заповеднике. Это были попутные наблюдения в походах при научно-исследовательской работе полевого эколога.

Рассказы объединены одной темой: «Познание и охрана дикой природы». Большая часть их и посвящена Байкало-Ленскому заповеднику.

Ничего в рассказах не додумано, не дорисовано авторской выдумкой. Особенно он опасался очеловечивания поведения животных. Точное знание особенностей экологии (экология — наука о взаимоотношениях живого со средой обитания) и этологии (наука о поведении животных) необходимо для воспитания интереса, чувства сопереживания живому.

Понимание действительных трудностей жизни обитателей дикой природы вызывает чувство расположения к ним, чувство участия, бережения, любви. Знать, чтобы полюбить, полюбить, чтобы сохранить, — таково, по убеждению автора, должно быть направление природоохранного просвещения как базы природоохранного образования.

Фото С. Тишкевича

Вышел на берег таежной речки. На отмели с моего берега стоят козени — высокие стройные деревья. На ближайшем стволе два огромных трютовых гриба. Подумалось: один из них надо оторвать и вырезать сувенирную чашу, в полметра поперечником диво будет! Речка неширокая, и боковым зрением вижу, что на противоположном берегу мелькнуло что-то темное. Замер, и в тот же миг на прибрежную косу выскочил небольшой зверь, в котором сразу узнал соболя. Несколько прыжками он оказался у воды, пятком раз лакнул, проскочил вдоль берега и пропал в зарослях. Так впервые я увидел соболя. Вспоминались быстрые, уверенные движения зверька.

В последующие годы, если не считать загнанных собакой на дерево зверьков, соболя я видел считанное число раз, и все вот так же: мелькнет среди кустов-деревьев и исчезнет, как привидится.

Семен Устинов «Вести от Синих гор». Иркутск: АНО Изд-во «Иркутский писатель». 2006. Публикуем очерк из книги.

Дай ему с волка стать...

Соболя в старину охотники называли «огонь-зверь». Он удивлял стремительностью, выносливостью, злобностью, бесстрашием. От преследующей его собаки удирает до последней возможности и тогда только вскакивает на дерево или скрывается в россыпи камней. Но он носит столь дорогую шубку, что в былые времена для добычи ее охотник готов был идти по его следу несколько дней, ночуя в снегу у костра. Так драгоценный зверек к началу XX века был почти истреблен. В последующем огромными усилиями охотоведов и их помощников численность была восстановлена, и его вот так — случайно, как было со мною, можно было увидеть. С середины XX века соболя опять стали много добывать.

— Загнал, паря, мой Полкан соболя. Кедрина! Ничо не видно. Кое-как разглядел черновину, стрелил. Падает! Схватил его поперек тушки, да другую-то руку не убрал. А он хватъ ее зубами за палец! Я его, значит, за тушку держу одной рукой, а другую держит он. Чо делать?! Отпустишь — удерет, хоть

и раненый, рассыпь же рядом.

— Ну, и как же ты обошелся?

— Ой, Полкан-то тут крутится, я и кричу: лови! А сам отпустил соболя. Думал — бросит палец да наутек, а он висит на нем! Чуть не откусил. Ну, другой рукой я его кое-как придавил. Зверюга, дай ему с волка стать — все в лесу передавит.

Этот случай рассказал мне один охотник.

Отважный зверь, он даже кабаргу может добыть-загрызть, огромного глухаря — запросто. Как-то баргузинские охотники поймали живого соболя и везли его для поселения в другие края-угодья. Это было мероприятие по расселению соболей в места, где их выбили. Надо бы собрать несколько зверьков, но пока поймали только одного соболя. Посадили они его в клетку с проволочной решеткой, поставили в зимовье под нары — от собак, сами на промысел ушли. Приходят, нет соболя! Решетка вся в крови, с угла оторвана, на проволоке ключья шерсти соболиной. Кинулись искать, но он и из зимовья выбрался, дыру в углу прогрыз. Что у него, бедного, от

зубов осталось, но на свободу он вернулся!

Несколько столетий соболем интересовались только как носителем драгоценного меха. Великий престиж в торговом деле Российской империи, меха обеспечивали устойчивый запас государевой казны, войны финансировались. И до сего времени меха из России, прежде всего соболя, на аукционах мира имеют высокую цену и высокий спрос.

Обстоятельно жизнью соболя заинтересовались исторически намного позже — в конце XIX века. И сразу же ученые стали в тупик: когда у него брачный период? Вроде бы весной, еще по снегу особенно много начинают следов оставлять, друг за другом бегать. Так и решили, да сомнения оставались: соболят уже в мае находят, когда же они успели развиться у матери? Загадку раскрыл зоолог, профессор Петр Мантейфель в Московском зоопарке в начале XX века. Соболя спариваются летом, а оплодотворенная яйцеклетка, не развиваясь, «спит» до следующей весны. Переживает так называемую латентную стадию. А весеннее оживление соболей назвали «ложным гоном».

Обмет я успел поставить до темноты

Добыча соболя с собакой настолько яркое событие, что даже промысловые охотники, добывающие за сезон до сотни соболей, помнят почти каждый случай. Это едва ли не на равных соревнование маленького зверька со здоровенным псом. Кстати, далеко не каждая собака (а тут равных лайке нет) лайка способна выследить, догнать и «посадить» на дерево соболя, да еще и не упустить его. Соболек, загнанный на дерево, не упустит случая «ротозейства» собаки, пока не подошел охотник, чтобы незаметно соскочить и удрать, а то и нырнуть в рядом оказавшуюся россыпь. Вспоминается, как однажды, еще на студенческой практике, я участвовал в животоловле соболей. Загнали мы его вдвоем с Найдой в неглубокую россыпь. Вечерело. До темноты я успел натянуть так на-

Фото Е. Черникина

зываемый обмет — прочную сеть вокруг места, где зверек укрылся. Стоял декабрь, морозы в этом северном краю были за сорок, и, помнится, мне пришлось срубить шесть деревьев и отрубить от них одиннадцать бревен. Все они сгорели за пятнадцать часов темноты, сна и бдения у обмета. Около лежала Найда. Стало светать, и я начал выгонять соболя. Но он не выходил, а когда я обошел обмет, огорчился: соболя «на цыпочках» удрал, видимо, сразу, как мы устроились на ночлег. Даже Найда, великолепная соболятница, не услышала, не учуяла беглеца.

Сон накануне охоты

Преследование соболя на охоте настолько эмоционально, что оно часто вспоминается во сне даже, по-видимому, и у собак. Вот лежит она после тяжелого дня у костра, после добычи соболя, в снегу и иногда вздергивается, повизгивает — явно ей снится что-то яркое, напряженное. А что это может быть после той погони за соболем?

Но вот самое удивительное — это сон накануне охоты, такое иногда с охотниками бывает, было однажды и со мною. Товарищ оставил мне своего Соболя на несколько дней, и я, вместо очередного своего исследовательского маршрута, пошел с ним на охоту. Накануне в зимовье вижу сон: из-за какой-то огромной темной глыбы

прямо вверх встал вдруг мощный столб огня. Я произнес «колонна огня» и проснулся. Наутро свежий след соболя Соболяк взял почти у самого зимовья. Вскоре он залаял. Подхожу, собака рвется под огромную, с деревенский дом, темную каменную глыбу, но щель узкая, не пролезть. Побегал-побегал Соболяк вокруг глыбы, потыкался под нее носом в разных местах, отошел на десяток метров и лег в снег. Добывай, мол, если сможешь, сам. Отгреб я снег от щели, а там сплошной ковер из пышного лишайника. От спички он загорелся, я взял панягу и, как веером, стал загонять дым под глыбу. Вскоре неожиданно там загудело, как в печке, и с противоположной стороны прямо вверх вместе с дымом столбом рвануло пламя. Колонна огня — мелькнуло в голове. И тотчас же прямо мне под ноги из-под скалы вылетел соболяк! Собака сразу же его увидела и тут же «посадила» на дерево.

Вот сходить бы еще раз за соболем!

Вот тут, как говорится в народе, — и думай что хочешь... От стариков, промысловых охотников не раз слышал: вот сходить бы еще разок за соболем, а там и помирать можно. Эвенк в Багдарине говорил мне, что старая опытная собака-соболятница отлично понимает, на какую охоту ее зовут. Возьми бердану, закинь панягу, стань на лыжи: пойдём! Вскочила, стоит рядом, в глазах вопрос: куда идем? Направишься в равнинный молодой лиственничник вдоль речки за белкой, это одно. Но если в близкие горы, скалистые, ветровальные с кедровником — местообитания соболя, в глазах собаки вспыхивает хищный огонь. Там соболяк!

У соболя нет страха, есть ярость борьбы до последнего вдоха, до последней возможности. Даже раненый, он готов вцепиться во врага, и многие промысловые собаки нашего севера носят на морде его отметины.

Именно это качество бойца вызывает у настоящих соболятниц особый азарт охотника. Без человека собаке соболя не поймать, как, вероятно, не поймать и волку рыси — хищника намного его сильнее. Отважен, огонь-зверь!

Участники коллективного выезда в Серебряные Пруды на испытания по утке

За уткой с карелками

А. ГОРЬКОВ

Это уже стало традицией — в конце июля секция карело-финских лаек при МООиР проводит испытания лаек по утке. Последние годы место испытаний остается неизменным — это пруды рыбхоза в Серебряных Прудах. Место просто замечательное: сеть обширных, но неглубоких водоемов, заросших тростником, рогозом, осокой и т.п. идеально подходит для гнездования и обитания уток. Кроме того, благодаря достаточно высокому дамбу, разделяющим водоемы, облегчена работа экспертной комиссии. Сверху удобно наблюдать за работой собаки и действиями ведущего. Одним словом, условия для проведения испытаний по утке почти идеальные. Мы благодарны директору рыбхоза Борису Валентиновичу Куликову, относящемуся с пониманием к нашим проблемам и разрешающему проведение испытаний на территории рыбхоза. Да иначе, наверное, и быть не могло, ведь сам Борис Валентинович заядлый лайчатник и охотник с большим стажем. Члены секции на испытания по утке едут с удовольствием и, как правило, достаточно большим коллективом. Выезжаем на два дня с ночевкой.

В 2006 году испытания по утке проводились в субботу и воскресенье 28, 29 июля. Погода в субботу выдалась прохладная — 18–19 °С, облачная и с холодным северо-западным ветром. Но настроения участникам испытаний это не испортило, хозяева и собаки с энтузиазмом шли в воду. В испытаниях участвовало 11 собак. 9 карело-финских лаек и 2 западносибирские, получившие дипломы II и III степени. Кроме испытаний в воскресенье проводилась притравка молодых лаек по утке и обучение подаче птицы с воды. Результаты испытаний порадовали — из 11 лаек дипломы получили 9 собак, одна расценена без диплома, одна расценку не получила.

Хочется отметить прекрасную работу КФЛ Линды В.З. Борисенко и КФЛ Патрика С.В. Сулова. Собака прояви-

ли настоящее мастерство и страсть. Надо сказать, что меня поразила их удивительная вязкость и выносливость. Уже по окончании первого дня испытаний, выяснилось, что оба подсадных селезня, по которым на следующий день должны были расценить подачу птицы, удрали из корзины. Патрик был пущен разыскивать селезня на пруд, около которого находилась корзина с утками. Он активно бросился в прибрежные заросли осоки, очень тщательно их обследовал, было несколько случаев, когда он почти хватал птицу, но селезень в очередной раз нырнул и уходил от собаки. Работа продолжалась довольно продолжительное время. Когда селезень на глазах стал уплывать от берега по открытой воде, пришлось его пристрелить из духового ружья. Патрик добрал птицу и вынес ее хозяину, стоявшему на высокой дамбе. Комиссия оценила работу на 83 балла и присудила Патрику диплом I степени.

Второй селезень обнаружен не был. Вслед за этим В.З. Борисенко со своей Линдой отправился на соседний пруд, расположенный через дамбу. Там Линда довольно быстро вышла на след убежавшего селезня, догнала его, поймать было сложно: селезень быстро уплыл на чистую воду. Линда, чуть отставая, поплыла за ним. Где-то в 150 м от берега она настигла его, но

поймать не удалось. Как только собака приближалась — селезень нырнул и выныривал в некотором отдалении. Собака настигала его опять, и все повторялось снова и снова. Такая погоня на воде продолжалась не менее получаса. После чего обеспокоенный владелец с трудом отозвал свою собаку. Потом Линда была проверена по другим элементам работы, оценена на 84 балла и получила диплом I степени.

Бытует мнение, что карело-финские лайки неохотно идут в воду, но результаты испытаний по водоплавающей птице явно опровергают это. Охотничья страсть в карело-финских лайках настолько сильна, что побеждает их нелюбовь к воде. Отлично работала КФЛ Лиска Г.В. Лузикова. Она с азар-

том обследовала угодья и очень хорошо подала утку с воды, вынесла ее к ногам стоявшего метра в восьми-десяти от уреза воды хозяина, за что получила диплом II степени. По условиям проверки лаек на «подачу с воды» живой селезень забрасывается в воду, собака, пущенная хозяином под выстрел должна незамедлительно плыть и подать птицу. Шесть КФЛ получили дипломы III степени только из-за того, что приносили птиц до уреза воды, хотя по розыску птицы в угодьях они все работали весьма азартно. Лиска же проявила особую старательность в подаче птицы.

После окончания испытаний была проведена тренировка молодых собак на подачу. При этом владелец, если его собака не подала утку, должен был сам достать птицу. И здесь пригодился энтузиазм Лиски. Каждый раз спускали Лиску, она плыла и выносила утку хозяину.

Результаты испытаний еще раз подтвердили старую истину — чем больше времени хозяин проводит с собакой на охоте, тем лучше собака работает. Причем собака отдает предпочтение именно той дичи, на которую любит охотиться хозяин. К охоте на утку приучать собаку надо загодя: сначала маленького щенка обучить приносить поноску, учить плавать и не бояться воды.

Подача утки с открытой воды

Фото Л. Гибет

Мой пойнтер Лада

В. УСЬКОВ. Фото автора

В журнале «Охота и охотничье хозяйство» все чаще стали публиковать статьи, посвященные такой прекрасной породе островных легавых, как пойнтер. Меня, владельца пойнтера, это не может не радовать. С превеликим наслаждением прочел статью кинолога Всероссийской категории В. Селиванова. Хорошо, что есть такие высококлассные специалисты, которые могут дать квалифицированный ответ на возникающие в процессе самостоятельной натаски вопросы.

Я охочусь с пойнтером уже четвертый сезон. Понятно, что это не такой уж большой срок, однако все больше утверждаюсь в мысли, что «лучше пойнтера в работе по полевой дичи, а именно перепелу, нет легавых».

Летом 2001 года в Пятигорском обществе охотничьего собаководства я приобрел щенка пойнтера. Назвал его Ладой. Радости моей не было предела. В шесть месяцев она уже четко выполняла команды: «ко мне», «нельзя», «сидеть», «лежать», «рядом», «вперед». Мы выезжали на прогулки, если позволяла погода, так как стояла поздняя осень, и я боялся застудить молодую собаку. Необходимо отметить, что пойнтеры — собаки теплолюбивые и это, пожалуй, их единственный недостаток.

С наступлением весны мы начали отрабатывать «челнок», облюбовав для этой цели ровное, без высокой растительности поле. К моему большому удивлению Лада почти сразу пошла челноком на ветер. Лишь изредка мне приходилось поправлять ее. В общем недели за две мы освоили этот важнейший атрибут полевой работы. Мне даже не пришлось пользоваться заранее приготовленной чок-кордой. А вот со стойкой все было сложнее. Лада напрочь отказывалась хоть как-то реагировать на перепелов и коростелей, которыми изобиловали люцерновые поля. Если же она случайно поднимала птицу на крыло, то, разворачиваясь, вопрошающе смотрела в мою сторону. Когда я пытался привлечь ее внимание к месту, откуда спорхнула птица, она на это никак не реагировала. Я, конечно же, в душе нервничал, но волю своим чувствам не давал. Мы продолжали по вечерам выезжать в поля, где звонко стучали перепела, вновь и вновь я пускал собаку на ветер, ожидая хоть каких-нибудь изменений в ее поведении. В конце концов мое терпение было вознаграждено. Помню, шли мы по краю поля, как вдруг Лада приостановила ход в параллели и, повернув на 90 градусов влево, начала приземисто красться на ветер. Сделав таким образом шагов пять, вытянулась в струну и, как бы не завершив шага, замерла в таком положении. Эту стойку я буду помнить всегда! Потом прав-

да она погнала поднывавшегося перепела, но эту ее ошибку мне в последующем удалось исправить.

Открытие охоты — всегда праздник. В 2002 году для меня он был двойным — я был с пойнтером. Первого своего перепела в тот день мы добыли по всем канонам охотничьего мастерства. Лада шла энергичным галопом по скошенной стерне. Причуяв перепела, она в кошачьей манере сделала несколько осторожных шагов на ветер и замерла на стойке, смежно закусив верхнюю губу. Подойдя к ней, я дал команду: «Пиль»... Собака коротким прыжком подняла птицу на крыло и осталась лежать на месте, тем самым дав мне спокойно выцелить улетающего сорванца. В то утро мы добыли шесть перепелов. А всего за год взяла 82 птицы. Можно было и больше, но я щадил свою помощницу, думая не о количестве добытой дичи, а о качестве натаски. Ходил с ней один и строго на ветер, стрелял только из-под стойки, после каждого добытого перепела давал собаке минуты две-три успокоиться, что является обязательными правилами по первому полю.

Охотясь с Ладой по второму полю, мы продолжали оттачивать ее мастерство. Шире и быстрее стал поиск, более дальними потяжки. В тот год она начала апортировать стреляную птицу и получилось это у нее само собой. Как-то подняла сразу двух перепелов. До этого я всегда стрелял только по одному. А тут в азарте дуллетом сбил обоих, причем первого бил прямо от себя, а второй уходил влево, и стрелять пришлось с хорошим поворотом. После дуллета я машинально пошел за вторым, потеряв из виду место, где упал первый перепел, а когда, подняв сбитую птицу, обернулся, то увидев спешащую ко мне Ладу с перепелом в зубах. Ругать или хвалить собаку за такой поступок? Решил похвалить и вот почему. Во-первых, она пошла в поиск после того, как битая птица упала после выстрела. Во-вторых, у нее был достаточный опыт работы и опасения по поводу того, что она может срывать из-за этого стойки, были практически исключены.

Также Лада научилась отрабатывать подранков. Кто охотился на перепела и коростеля, знает, что это такое. Подранок перепела после падения, попытавшись пару раз безуспешно подняться на крыло, тут же ретируется с помощью ног. Подранок-коростель в этом плане еще хитрее: еще не коснувшись земли, уже всю перебирает ногами, пытается скрыться в густой растительности. Тут от собаки требуется молниеносная реакция и сильное чутье. Бывало, Лада ловила подранков за 80–100 м от места их падения.

К концу второго поля моя собака ра-

ботала достаточно хорошо. Мне довелось поучаствовать с ней в охоте на фазана. Она и здесь не спасовала. Как не пытался матерый петух запутать следы в зарослях густого тростника и сплетенного ежевичника, а все равно был поднят на крыло из-под стойки и успешно добыт мною. И вообще, где бы мы ни охотились, будь то скошенная стерня или густая брица, заросли тростника и сплошной бурьян, собака работала с полной самоотдачей. Статная осанка при быстром галопе или на высоком карьере с красивым поставом головы — вот отличительные черты пойнтера на широком и быстром поиске. Порою кажется, что Лада парит над полем как птица. Молниеносные и точные потяжки, высокие, напряженные, уверенно-твердые стойки делают работу пойнтера неотразимой.

Среди моих друзей-охотников Лада пользуется большим авторитетом. На привалах я никогда не цепляю ее на поводок, да и ошейник ей в последнее время практически не надеваю. Достаточно указать на приготовленное для отдыха место и она никому не будет мешать.

Моей собаке идет уже пятый год и это ее четвертый охотничий сезон. В этом году она стала мамой, принесла нам девять прекрасных чистокровных пойнтерят. По общему семейному решению мы оставили одну девочку в надежде, что она будет такой же умницей, как и ее мать.

В заключение хочу сказать, что пойнтер — порода узконаправленная, предназначенная для классической работы по полевой и болотной дичи. И в этом вся прелесть охоты с ней. Тончайшие, присущие только этой породе качества придают работе пойнтера своеобразный шарм и эстетизм. Я полностью согласен с В. Селивановым, который писал, что «Пойнтеры, безусловно, короли поля среди всех легавых».

1. Пойнтер приспособлен к длительной скачке карьером при поиске дичи. Скачет пойнтер ровно, почти не сгибая спины. Скачки его напоминают движения лошади-скакуна
2. Где бы мы ни охотились, будь то скошенная стерня или густая брица, заросли тростника или густой бурьян, Лада работает с полной самоотдачей
3. Мал золотник, да дорог
4. Потяжка — один из атрибутов полевой работы пойнтера. Осторожные, кошачьи движения делают ее завораживающей
5. Классическая стойка пойнтера — высокая, напряженная, уверенно твердая с вытянутым хвостом
6. Лада апортирует пойманного подранка
7. На привалах я никогда не цепляю Ладу на поводок, достаточно указать ей на место, приготовленное для отдыха
8. Среди моих друзей-охотников Лада пользуется большим авторитетом
9. У этой маленькой красавицы все еще впереди, а пока ее излюбленное место — диван и желательно с подушкой

1

2

3

4

5

6

7

8

9

Дарвиновскому музею — 100 лет!

Вадим ЧЕРНЫШЕВ. Фото В. Ускова

Анна Иосифовна Ключкина — директор музея. Александр Сергеевич Соколов с дочерью Аленкой — посетители музея

В основу учения Дарвина легли выводы многочисленных наблюдений за тем, как проявляется и какие последствия дает способность всех форм жизни — от микроорганизмов до человека — претерпевать внезапные или постепенные изменения-мутации, вызываемые внешними условиями либо генными отклонениями. И если такие изменения создают для организма более благоприятные условия выживания при естественном отборе и внутривидовой конкуренции, — они закрепляются во времени, становятся наследуемыми и приводят к изменениям вида животных или растений.

Вмешательство человека, отмечающего полезные для себя мутации и старающегося усилить их путем искусственного отбора, значительно ускоряет процесс изменчивости и приводит к образованию пород домашних животных и сортов культурных растений, устойчиво передающих из поколения в поколение наследственные признаки. Тут можно привести множество примеров, упомянув разнообразие пород собак, домашних голубей, уток и кур, обилие сортов плодовых деревьев, злаковых культур, капусты и прочего — этот ряд любой может легко продолжить...

Охотникам хорошо известно различие в окраске пушных зверей отдельных краёв, разнообразие форм рогов копытных в пределах одного и того же

вида. Особенно отличаются по масти животные, широко распространенные по территории России, занимающие различные природно-климатические пояса — волки, лисы: по мере приближения к югу, к зонам степей и полупустынь, в их окрасе преобладают более желтоватые, защитные под цвет растительности тона, а сами животные обычно становятся мельче размерами.

Окрас шерсти или перьев зависит от определенных генов, передаваемых по наследству. Сильные отклонения в природе таких генов приводят иногда к крайним формам окраса — либо к совершенно белой, с красными глазами, в которых сквозит лишенную цвета радужку просвечивает кровь (этих животных называют альбиносами), либо к полностью черной (животные-меланисты). Встречаются явления частичного альбинизма или меланизма — мне, например, довелось однажды добыть тетерева-косача с белесыми маховыми перьями, чего у нормальных петухов, конечно, не бывает.

Встречавшиеся в жизни многочисленные доказательства неоспоримости учения Дарвина накапливались и требовали единого места их хранения в качестве экспонатов для научной деятельности ученых биологов и просветительно-образовательной работы среди населения.

Русский биолог А.Ф. Котс организовал в 1907 году при московских Выс-

ших женских курсах первый и единственный в мире музей дарвинизма и стал его директором.

В 1922 году Музей получил статус государственного научно-исследовательского и просветительского учреждения, приобрел название — «Дарвиновский музей» и открылся для посещения гражданами. Его научная экспозиция и резервные фонды начали быстро пополняться благодаря усилиям известных биологов Н.Н. Ладыгиной-Котс, П.П. Сушкина, М.А. Мензбира, Г.П. Дементьева, М.М. Завадовского и других. Помещение, которое Музей долгое время занимал на Пироговской улице, не вмещало экспонатов и стало катастрофически тесным. Давно назревший вопрос о непригодности существующего здания получил, наконец, решение: строить специальное здание.

В советское время был очень нудный «долгострой». В течение почти двух десятков лет строители несколько раз принимались возводить кирпичные стены, которые в периоды мертвого затишья ветшали и разрушались, воздвигали башенные краны и вновь их демонтировали, увозя на более «актуальные» объекты, — все это я могу свидетельствовать как очевидец, жилец соседнего дома, из окон которого строительная площадка была как на ладони.

И только в пореформенное время, когда Правительство Москвы обрело самостоятельность в расходовании финансовых средств, строительство дорогого, оригинального по архитектуре сооружения было быстро завершено.

Осенью 1995 года, к радости окрестных жителей, Музей открылся в новом здании; к радости — потому что, может ли быть более приятное соседство?

Сейчас Музей располагает прекрасными просторными залами для размещения богатейших коллекций экспонатов, бытовыми и служебными помещениями, позволяющими заниматься научной работой, обширной библиотекой с уютным актовым залом. В апреле нынешнего юбилейного года он получил новый обширный корпус оригинальной архитектуры, предназначенный для проведения выставок и хранения богатейших фондов, которым оказались тесноваты помещения основного здания Музея.

В 1987 году, еще до переезда в новое здание, Дарвиновский музей был награжден орденом «Знак Почета». Ежегодное количество посетителей

составляло тогда порядка 40 тысяч.

После переезда в новое, комфортабельное и удобное для осмотра экспозиций здание, посетителей стало много больше: в среднем их число достигает в год 300 тысяч. Музей очень популярен. Отрадно видеть, как текут к его дверям ручейки разноцветно одетых, попарно выстроившихся школьников, группы студентов, курсантов и солдат, отдельных посетителей. В выходные дни он окружен плотным кольцом личных автомашин, экскурсионных автобусов. Приехавших встречает удивительный мир Музея с его многотысячными экспонатами, доброжелательным радушием увлеченных своим делом специалистов, рассказывающих об учении Дарвина и истории Музея. Натурные экспонаты — чучела животных, муляжи, палеонтологические находки, макеты — органично сочетаются с множеством живописных картин и скульптур известных художников, классиков отечественной анималистики: В.А. Ватагина, А.Н. Комарова, К.К. Флёрова, А.Н. Формозова, В.В. Трофимова, В.А. Бельшева и других, что позволило основателю Музея А.Ф. Котсу эту художественную часть экспозиции образно назвать «Третьяковкой в биологии».

Делая акцент на главном — популяризации Дарвиновского учения, — Музей знакомит посетителей с удивительным многообразием животного мира Земли, самым большим богатством и красотой нашей Планеты.

И можно надеяться, что после такого знакомства человек, оказавшись за городом, не скажет «пролетела какая-то птица», «прошмыгнул какой-то зверек», — он узнает их и назовет «по имени-отчеству». А такое знание, пробуждающее родственное внимание и лю-

бовь к Природе, и есть первое свидетельство общей культуры человека, чем бы он в жизни ни занимался.

О том, чьим именем назван музей

После возвращения в 1830 году двух судов Британского Королевского флота «Адвенчер» и «Бигль» из гидрографической экспедиции к берегам Южной Америки, Адмиралтейство решило снова отправить «Бигль» в плавание — сначала к тому же материке, а потом вокруг света.

Капитан «Бигля» Роберт Фиц-Рой, поразившись даже при поверхностном знакомстве во время недавнего путешествия многообразию растительного и животного мира Южной Америки, предложил включить в состав новой экспедиции ученого-натуралиста. Но кого? Путешествие предстояло долгим и изнурительным.

Профессор ботаники Кембриджского университета Джон Генсло предложил кандидатуру никому не известного 22-летнего начинающего ученого Чарльза Дарвина. Выбор был далеко не бесспорен. Учившийся в двух старейших университетах Англии — Эдинбургском и Кембриджском, но не окончивший ни одного, — Дарвин слыл в глазах одних легкомысленным молодым человеком, склонным к дружеским кутежам, другие считали его нерадивым студентом, не желавшим считаться с существовавшими в учебных курсах схоластическими догмами.

В науке всегда существуют каноны, которые утверждаются и развиваются послушными последователями, но которые, однако, нередко «взламываются» «бунтарями», имеющими собственный взгляд на вещи — именно они за-

частую дают науке новое направление и воздвигают ее на новую ступень развития.

К числу таких «бунтарей» принадлежал Дарвин. «Три года, проведенные мною в Кембридже, были — в отношении академических занятий — настолько же полностью затрачены впустую, как и годы, проведенные в Эдинбурге и в школе» — писал он позднее в своей «Автобиографии».

Профессор Генсло, широко образованный, одаренный человек, интуитивно распознал в Дарвине способность к самостоятельному мышлению, и это определило его рекомендацию: «Я заявил, что считаю Вас из всех, кого знаю, наиболее подходящим для этой цели... — писал он Дарвину в августе 1831 года, — я убежден, что Вы и есть тот человек, которого они ищут».

Чарльз Дарвин был представлен капитану Фиц-Рою, руководителю экспедиции. Однако, его утверждение задерживалось, несмотря на то, что кандидат подходил по всем статьям: он имел опыт длительных самостоятельных натуралистических экспедиций, был прекрасным спортсменом, верховым наездником, страстным охотником и рыбаком, был начитан, жизнерадостен и доброжелателен в общении с людьми.

Оказалось, Фиц-Рою, горячему стороннику учения швейцарского писателя Лафатера о том, что показателем духовного мира человека являются черты его лица, не понравилась у Дарвина... форма его носа.

Что ж, наука физиогномика, возможно, и поныне не утратила некоторого своего значения, но в данном случае придиричивость капитана была неосновательной. Он понял это, и Чарльз Дарвин был включен в состав экспедиции.

Беркут и корсак. Витрина «Борьба за существование». Назьмов Н. К., 80-е годы

Волки, нападающие на молодого лося. Биограмма, авт. Назьмов Н. К., 70-е годы

Комаров. «Ласточки, отгоняющие ястреба-тетеревятника», 1933 г.

Комаров. «Черный ворон и белый ворон» (альбинос), 1948 г.

Бриг «Бигль» покинул Англию 27 декабря 1831 года из Девонпорта. В переводе с английского слово «бигль» означает «гончая собака», а еще — «ищейка». В самом названии этого небольшого корабля заключалась, в известном смысле, цель экспедиции: искать, исследовать... Дарвин прозвал корабль «нырком»: небольшое суденышко водоизмещением всего в 235 тонн, имевшее на борту свыше 70 человек, 6 пушек и максимальный запас снабжения, тяжело «отыгрывалось» на волне, «подныривало» под накатывавшиеся валы так, что вода прокатывалась по палубе. Судно было тесноватым для такого количества людей. Дарвин обедал с Фиц-Роем в капитанской каюте, а жил вместе со штурманом Джоном Стоксом в кормовой каюте, служившей одновременно и его кабинетом, и чертежной при изготовлении морских карт. В помещениях, расположенных в оконечностях корабля, качка сильнее, Дарвин с непривычки переносил ее плохо, но это не мешало ему сохранять жизнерадостность и установить дружеские отношения с офицерами и командой судна.

В целом же, пятилетнее плавание он перенес хорошо, как и небольшой, но крепкий корабль «Бигль». 2 октября 1836 года «Бигль» благополучно вернулся в Англию.

Дарвин привез богатейшие материалы своих исследований не только в

зоологии, но и в ботанике, геологии, палеонтологии, антропологии и этнографии, которые послужили «пищей» для дальнейших работ многих современных ему ученых.

Обнаружение им окаменелых останков вымерших животных — пращуров родственных ныне живущим убедили его, что животный мир Земли претерпел в своей истории очевидные изменения.

Впервые предположение о постепенном, эволюционном характере изменений планеты Земля высказал современник Дарвина, естествоиспытатель Лайель, его трехтомный труд «Основы геологии» начал публиковаться перед плаванием «Бигля». Именно ему Дарвин посвятил свой «Дневник изысканий по естественной истории...», опубликованный в 1839 году. Но, если менялась сама Земля, среда обитания животных, логично было предположить, что эволюционные изменения происходили и с ними. Во время плавания Дарвину встречались многочисленные факты, подтверждавшие эту мысль. Однако, это опровергало библейские утверждения, что сотворенный мир всегда оставался таким, каким был задуман. Дарвин был в смятении. Прослушавший в Кембридже курс богословия, готовивший его к службе священником, как того хотел отец, Дарвин не отрицал участия Божественной воли в происхождении

мира, видов животных и человека. «Мир покоится на закономерностях и в своих проявлениях представляется, как продукт разума — это указание его Творца» — писал он.

Тем не менее, результаты его исследований потрясли биологическую науку. То главное, для чего направлялся «Бигль», — гидрографическая съемка, отразившаяся в морских атласах и лодциях, имела важное, но лишь ведомственное значение, тогда как считавшееся второстепенным исследование природы произвело переворот в естествознании: биологическая наука разделилась на додарвинский и последарвинский периоды.

В 1859 году вышел главный труд Дарвина: «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь», давший стройную теорию изменения видов и возникновения новых.

В 1868 году Дарвин выпустил второй капитальный труд: «Изменение домашних животных и культурных растений», а в 1871 году — третий: «Происхождение человека».

Спустя 7 лет после смерти в 1882 году Чарлза Дарвина его труды были признаны научным миром как единое целостное учение — «Дарвинизм», а в 1907 г. в России создан единственный в мире музей дарвинизма, который в октябре этого года отмечает столетие со дня своего существования.

Зайцы-беляки. Биогруппа, авт. Назьмов Н. К., конец 80-х

Географическая изменчивость бурого медведя

Отладка ударно-спускового механизма ИЖ-94 «Тайга»

В. ВАЛЬНЁВ, инженер-оружейник

Хотя комбинированное ружье ИЖ-94 было создано на базе широко распространенного бокфлинта ИЖ-27 и в целом удовлетворяет охотников, для уверенной стрельбы из нарезного ствола усилие спуска курка желательнее иметь несколько меньше, чем для стрельбы из дробовика. Кроме того, для разбития более жесткого капсюля нарезного патрона энергию и, соответственно, силу боевой пружины приходится увеличивать, что дополнительно увеличивает усилие на спусковом крючке нарезного ствола. (Энергия гарантированного срабатывания капсюля «Жевело» примерно 0,3Дж, для капсюля патрона 7,62x54R около 1,1Дж).

Обычно усилие спуска облегчают, делая более тупым угол на боевом взводе курка или шептала, однако при этом возникает опасность самопроизвольного срыва курка с боевого взвода и увеличивается опасность непроизвольного выстрела.

Надежность зацепления боевых взводов обеспечивается их глубиной, остротой и геометрией. Кроме всего прочего, правильная геометрия взводов проверяется и так называемой «самозатяжкой», под которой понимается способность боевых взводов курка и шептала самим возвращаться в первоначальное положение полного зацепления в случае, если боевой взвод курка был частично выведен из зацепления неполным выжимом спускового крючка. Если «самозатяжка» отсутствует, то при неполном нажатии на спусковой крючок (прицелился, начал выжимать спусковой крючок, а цель вдруг пропала — так называемый «отложенный выстрел») курок может остановиться на самом краю боевого взвода и при следующем нажатии на спусковой крючок выстрел произойдет неожиданно рано или курок может сам сорваться просто от сотрясения ружья.

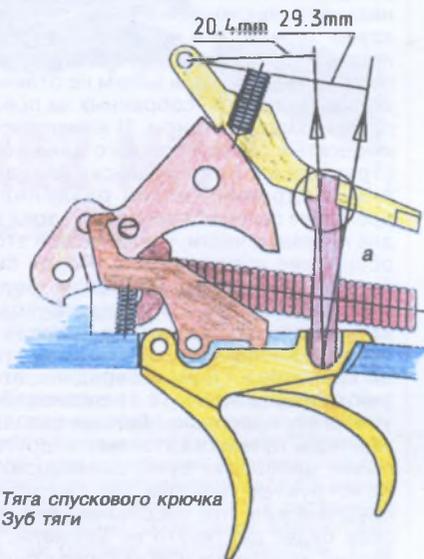
Кроме того, при «облегчении» спуска запиловкой боевого взвода для двуствольного ружья появляется опасность сдвоенного выстрела — при выстреле из одного ствола на шептало дру-

гого действует достаточно большое ускорение, которое может вырвать его из слабого зацепления. Понятно, что при выстреле из гладкого ствола результат самопроизвольного выстрела из мощного нарезного ствола может оказаться плачевным.

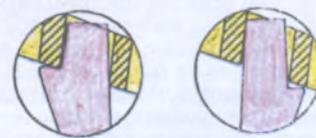
Однако для механизма ружья ИЖ-94 (а также для имеющих тот же механизм ружей «Север», МР-251 и, естественно, для ружей ИЖ-12 и ИЖ-27 с двумя спусковыми крючками) существует очень простой способ сделать усилие спуска курка существенно легче, вообще не трогая боевых взводов. Для этого надо перевернуть тягу спускового крючка вокруг продольной оси на 180 градусов так, что она будет действовать не на передний, а на задний край Т-образного паза шептала. При этом плечо силы, воздействующей через тягу спускового крючка на шептало, увеличится примерно на треть, а сама сила, соответственно, на столько же уменьшается. Выигрыш в усилии на спусковом крючке несколько меньше. Поскольку законы механики не обмануть, ход спускового крючка, согласно правилу рычага, также увеличивается, но это для стрельбы имеет меньшее значение.

Геометрия механизма такова, что для нормальной работы механизма после переворота зуб тяги спускового крючка необходимо несколько понизить (по расчету примерно на 1,3мм), но высоту самой тяги уменьшать нельзя, иначе после спуска курка она получит возможность выпасть. Поэтому же нельзя делать намного уже верхнюю часть тяги, входящую в паз шептала. После запиловки тяги шептало должно лежать на курке, а не на зубе тяги, между радиусом курка и шепталом не должно быть зазора (щуп 0,1мм проходить не должен).

Этот же прием можно применить в случае, если случаются «инерционные» сдвоенные выстрелы. Их обычно пытаются «поймать» при стрельбе из слабо прижатого к плечу ружья, заложив во второй ствол стреляную гильзу, след на

а. Тяга спускового крючка
б. Зуб тяги

б

капсюле которой залеплен кусочком пластилина. Только в этом случае после поворота тяги несколько усиливают пружину шептала. Отрицательной стороной данного способа является несколько увеличивающийся ход спускового крючка при выстреле, но для большинства охотников, не претендующих на высокие результаты в стендовой стрельбе, это вполне терпимо. Особенно в данном случае, когда нашим охотникам не приходится надеяться на появление обычного на других аналогичных ружьях шнеллера.

В заключение должен предупредить: огнестрельное оружие — не игрушка! Нет должного опыта — обратись к специалисту.

Каталог «ВСЕГДА С ПРИРОДОЙ»

Товары для охоты, рыбалки и туризма

Высылаем почтой более 10 000 наименований товаров

Каталог высылается бесплатно (вложить подписанный конверт)

Адрес: 117513 Москва В-513, а/я 66 Тел: (495) 724-62-13, т/факс: 658-06-94

Искра-М Экстра-М

Некоторое время назад на страницах периодических изданий, посвященных охотничьему оружию и боеприпасам, стали появляться публикации о патронах оригинальной конструкции из Новосибирска. Их оригинальность заключается только в пороховом заряде, все остальные компоненты и порядок их использования в патроне практически ничем не отличаются от патронов, собранных на предприятиях других фирм. В конце восьмидесятых годов прошлого века конструктор из Новосибирска Михаил Александрович Кислин разделил в дробовом патроне пороховой заряд на две неравные части, увеличив при этом общий вес пороха до 3 г. Порох был разделен следующим образом. Большая часть заряда — 2 г (порох «Сокол») засыпалась на капсюль, на нее ставилась картонная прокладка с отверстием диаметром 1,8 мм посередине, вторая меньшая часть (1 г) засыпалась уже на эту прокладку. Дальше все шло обычным путем: картонные и другие пыжи, дробь или пуля, завальцовка. Конструктор вполне обоснованно предположил, что воспламенение пороха будет растянуто во времени, а, значит, максимальное давление будет меньше, чем если бы вся трехграммовая масса заряда воспламенилась одновременно. Но так как время действия давления на массу дроби и пыжей тоже вырастет, можно будет ждать увеличения скорости снаряда.

Сама по себе попытка увеличить скорость полета дроби путем простого увеличения порохового заряда столь же не нова, сколь и примитивна. И до сих пор этим ничего положительного добиться не удалось. Увеличивалось давление в канале ствола, возрастало дульное давление, падала кучность, сильнее ощущалась отдача. От применения такого большого заряда пороха в патронах новосибирского конструктора охотники вправе ожидать того же, однако хотя это и происходит, но не в такой резкой форме и, похоже, реальное увеличение результирующей дальности стрельбы позволяет «простить» этому патрону некоторый дискомфорт при выстреле.

Что, прежде всего, беспокоит охотника, переходящего на стрельбу более мощными патронами — безопасность их применения в оружии разных конструкций. Во всех публикациях, посвященных патронам «Искра-М» и «Экстра-М» -аббревиатура, под которой представляет свои патроны завод-изготовитель, особо подчеркивается, что изготовитель провел весь комплекс лабораторно-заводских испытаний и гарантирует безопасность при стрельбе вышеуказанными патронами и оружием, и стрелку. Оба эти патрона близки друг другу по своим баллистическим характеристикам, а разница со-

стоит в том, что патрон «Экстра-М» собирается в папковую гильзу, а «Искра-М» — в пластиковую. И тот, и другой патрон выпускаются двух калибров — 12-го и 16-го. Но дадим слово баллистическим характеристикам (данные заводских отстрелов) (см. таблицу 1).

Если мы сравним табличные данные, то заметим следующее: баллистические показатели у патронов обычного снаряжения в части давлений более стабильны, чем у новых патронов. Средняя скорость V_{10} у обычных патронов — 336 м/с, с разницей между максимальным и минимальным значениями всего 14 м/с; среднее давление $P_{м ср} = 441$ кгс/см с разницей между $P_{макс}$ и $P_{мин}$ 38кгс/см, тогда как у патронов с раздельным зарядом эти же показатели составляют соответственно: для «Искры-М» — по скорости 412 м/с, а по давлению 572 кгс/см² с разницей между максимальным и минимальными значениями 188 кгс/см²; тот же показатель у «Экстры-М» составил 65 кгс/см при среднем значении давления 645 кгс/см. Кучность на стандартной дистанции в среднем у новых патронов примерно на 20 % хуже, чем у патронов обычной снарядки.

Не вызывает сомнения, что скорости крупных номеров дроби на дистанциях стрельбы 50-60 метров будет вполне достаточно, чтобы нанести смер-

Таблица 1

Марка патрона	Номер партии	V_{10} , м/с	$P_{м ср.}$, кгс/см ²	Номер дроби	Кучность, %
«Искра-М»	57	424	528	00	52
	60	422	600	1	58
	61	412	459	00	50
	62	408	614	4	61
	94	406	589	3	59
	95	405	647	4	50
Среднее значение		412	572		55
«Экстра-М»	107	394	610	5	43
	132	402	651	3	50
	163	401	675	4	52
Среднее значение		399	645		48
Обычная	108	336	428	4	69
	112	334	459	4	67
	124	346	438	картечь	78
	125	335	450	4	65
	135	332	433	4	59
Среднее значение		336	441		66

Таблица 2

Номер выстрела	Скорость отката подвижных частей ружья, м/с		
	12x76 ЗАО «Техкрим»	12x70 «Искра-М»	12x76 «Искра-М»
1	5,0	6,6	7,1
2	5,5	6,3	7,3
3	5,3	6,2	7,7
4	5,5	6,2	7,6
5	5,4	6,4	7,9
6	5,6	6,3	7,4
7	5,7	5,5	8,1
8	5,9	6,4	7,4
9	5,9	5,3	7,8
10	5,5	6,3	7,5
Средняя скорость	5,53	6,15	7,58

«ЦКИБ СОО» МЦ 552

Фото. В. Куприкова

под патрон 9,3x62 мм

А. НАЙДЕНОВ, Н. КИСЛИЦЫНА

тельные ранения таким объектам охоты как гусь или, например, лисица. Вопрос в том, хватит ли кучности дробового снопа на таком расстоянии, чтобы стабильно приносить в силуэт того же гуся необходимые для надежного поражения хотя бы три дробины. К сожалению, разработчики нигде не показали результатов таких отстрелов. Хотя очевидно, что патроны повышенной мощности необходимы большей частью именно для стрельбы крупной дробью на дистанции, превышающие обычные.

Новая серьезная разработка новосибирских конструкторов это патрон «Магнум» с гильзой 76 мм, собранный тоже на разделенном заряде. Для этого патрона используется порох «Сунар-42» общим весом 3,5 г, при навеске дроби 45 г. Заводские испытания показали дульную скорость дробового снаряда до 488 м/с, при скорости в 10 метрах от дульного среза 380–410 м/с.

Еще один вопрос, который не может не волновать владельцев ружей при переходе на новые боеприпасы — это вопрос отдачи. Все, кто стрелял патронами «Искра-М» и «Экстра-М» из двухствольных и одноствольных немагазинных ружей, отмечают более сильную и жесткую отдачу. Гораздо комфортнее стрельба этими патронами из самозарядных ружей по понятной причине — часть энергии отдачи гасится подвижными частями при перезарядке оружия. Объективное представление о силе отдачи можно получить, взглянув на таблицу со скоростями отката подвижных частей самозарядных ружей при стрельбе разными типами патронов (таблица 2).

Если посмотреть на показатели скоростей отката, то нетрудно заметить, что у «обычной» «Искры» она выше, чем у патрона «магнум» производства ЗАО «Техкрим» на 12 %, а у новосибирского «магнума» — аж на 37 %. Да это и не удивительно, за скорость и дальность бойность нужно платить. Охотник должен сам определить, выдержит ли он выстрелы с такой отдачей. А со стороны производителей хотелось бы получить более полную информацию по этой действительно интересной разработке, где нашли бы место такие показатели как кучность на предельных рекомендуемых дистанциях стрельбы, с указанием конечных скоростей дроби и сравнительные импульсы отдачи у различных типов охотничьего оружия при стрельбе патронами «Искра-М» «Экстра-М» и патроном «Магнум». Кроме того, хотелось бы знать, какие полиэтиленовые контейнеры используются при снаряжении этих высокоскоростных патронов. Есть интерес и к технике домашнего снаряжения патронов с разделенным зарядом. Читатели ждут полной информации.

Охота сегодня — это труд промысловика, спорт и отдых для охотников-любителей и, более того, потребность большей части человечества, заложенная на генном уровне. Интерес человека к этой области очень разносторонен и включает не только «хождение» с оружием по полям и лесам, но и духовную сторону: кинофильмы, книги и многое другое. И, конечно, исчезновение самой охоты из жизни человека приведет к невосполнимой потере.

Охота всегда была, есть и будет. Правда, говорить следует о правильной (законопослушной) охоте, а не о браконьерстве. Человек-охотник должен не только брать у природы, но и давать, заботиться о воспроизводстве дичи и сохранении ее популяций.

Охота немыслима без оружия, которое было примитивным, а затем все более совершенствовалось. Сегодня охотник оснащен современным огнестрельным оружием, которое включает три основные группы: гладкоствольное, нарезное и комбинированное. Сегодня мы поговорим о нарезном оружии, а именно, о карабинах.

Карабин — нарезное оружие, которое в зависимости от применяемого патрона можно условно подразделить на карабины под патрон 5,6 мм (.22) для отстрела мелкой и боровой дичи и карабины под патрон 7,62 мм для отстрела средних и крупных животных.

В настоящее время на рынке охотничьего оружия, и особенно зарубежном, востребованы карабины под мощный патрон 9,3x62, позволяющий добывать не только животных северных широт, но и многих африканских животных. Учитывая это, в России разработан карабин МЦ552 под патрон 9,3x62 мм, вобравший в себя все достоинства и преимущества предыдущих нарезных образцов марки «МЦ» с дополнением новых технических решений.

Ведущие разработчики карабина — инженеры Виктор Николаевич Денисов и Николай Сергеевич Рыжов; слесарь-сборщик — Сергей Владимирович Сапожков.

МЦ552 — самозарядный карабин под патрон 9,3x62, предназначенный для эксплуатации при температурах от

–50°C до +50°C. Он выполнен с учетом требований точной механики, и владельцу не рекомендуется производить его полную разборку, а ограничиться неполной.

Перезарядка осуществляется за счет энергии пороховых газов и сжимающейся возвратной пружины. Ствол неподвижен и соединен со ствольной коробкой на прессовой посадке и двумя штифтами. Канал ствола и патронник хромированы. Запирание происходит на три боевых выступа затвора. УСМ смонтирован на отдельном основании и обеспечивает ведение только одиночной стрельбы. Взведение курка автоматическое. Предохранительный механизм запирает шептало и ограничивает ход рамы. Ударник имеет блокировку от инерционного накола капсуля.

При создании карабина авторы большое внимание уделяли безопасности при его эксплуатации — прочности деталей и надежной работе механизмов. Из карабина невозможно вести стрельбу при не полностью запертом канале ствола: это обеспечивается выступом на раме, который исключает возможность удара по ударнику при недоходе рамы до крайнего переднего положения, а также выступом на ударнике, взаимодействующим с опорной площадкой затвора и продольным пазом рамы (такое конструктивное решение исключает инерционный накол капсуля при досылании патрона).

Карабин оснащается оптическим прицелом. Масса образца (без прицела) — 4 кг, общая длина — 1200 мм при длине ствола — 600 мм, усилие на спусковом крючке составляет — 1,5–2,5 кг, емкость магазинов — 3 и 5 патронов.

В карабине используются патроны 9,3x62 Маузер, которые могут иметь пули массой от 14,58 г до 18,99 г с начальными скоростями — 695–800 м/с. На дальности 300 м скорость пули составляет 459–560 м/с.

Таким образом, туляками создан оригинальный образец охотничьего карабина под мощный патрон, позволяющий охотиться на среднюю и крупную дичь в различных климатических условиях.

Молчание ноги

Игорь АЛЁХИН

Приведение лагеря в походный вид и неспешный завтрак заняли почти все время до обеда. Я заканчивал чаепитие, когда в канале, правее уткнувшейся в камыш лодки, ударила щука. Пришлось взять спиннинг и сделать несколько забросов под противоположную стенку тростника. Килограммовая щука взяла с третьего раза, мелькнув наперерез блесне тускло-желтой молнией. Я бросил ее в траву, сделал еще пару забросов, но передумал ловить, подмотал леску и, нагнувшись, отыскал под ногами узкое холодное щучье тело и швырнул его в воду.

Взяв ружье и несколько патронов, решил пройти хорошо известным маршрутом для выяснения обстановки. Это был традиционный разведывательный маршрут. Вначале — километровой длины тропкой вдоль заброшенного, заросшего тростником канала, на которой мне были знакомы каждый бугорок с клоком седой полыни, каждая кабанья «чухалка», каждый отпечаток копыта и валяющиеся кое-где белесые коровьи и лошадиные кости. Потом по большой дуге краем гряды — в обратную сторону. Мне всегда нравилось разбираться в следах на земле, и поэтому все остальное на ней я старался не оставлять без внимания тоже. В целом я был неплохим следопытом — в большой степени потому, что мне нравилось подмечать многие мелочи на поверхности троп и вокруг них, мелочи, на которые большинство других людей не обратили бы никакого внимания. Более того, если мне случалось бродить по плавням с кем-либо на пару, то неспособность напарника видеть то, что сразу бросалось в глаза, вызывало у меня легкое раздражение, замешанное на удивлении: как можно быть таким слепым и глухим, идя с ружьем по тропе в камышах?! Я удивлялся людям, приезжающим на охоту в плавни, которым сами плавни были по большому счету неинтересны, самое большее, что им хотелось — это преодолеть поскорее участки болотной растительности, отделяющие их от мест, где дичь сама будет проситься на мушку, крикая и гагая от нетерпения. Им нужен был конечный результат, а окружающее принималось только как бездушные декорации.

На «малой тропе» я не увидел почти ничего нового, не считая отпечатков импортных сапог и окурков «Мальборо». Это безусловно были следы чер-

номорцев, и их теперь во внимание принимать не стоило. Я точно знал, что сейчас в округе примерно на пять километров нет ни одного приезжего охотника. Может быть гораздо больше, чем на пять, но мне и этого хватало. Я был один сейчас, никто мне не мешал, и это мне очень нравилось. Единственное, что не нравилось — это поднявшийся ветер, от которого закивали тростниковые метелки и зашелестели желто-серые стебли и листья. Сильный ветер мог расстроить все мои планы, а дождь, например, вовсе поломать их. Но ветер дул с востока, он был довольно силен, но сух, и пока ничто не предвещало дождя.

Я проверил все старые кабаньи «чухалки» на малой тропе, и ни одну не нашел обновленной. Объяснений тут могло быть несколько. Во-первых, гостившие здесь неделю члены Петининой бригады делали все, чтобы об их пребывании стало известно вокруг в радиусе слышимости громкоговорящего устройства, включенного на всю мощность. Во-вторых, сейчас дикие свиньи посещают места избавления от кровососущих насекомых гораздо реже, чем летом и ранней осенью. В-третьих, кабаньки могли просто откочевать в какой-нибудь другой район, пусть и недалеко. Старый кабаный переход через небольшой канал оказался давно не используемым — лишь пара следков порослят-сеголеток утыкала свежими ямками влажную землю. Поисков, я без труда обнаружил в закрайке камыша отпечатки копыт их мамаш и породовался, что кабанята не были сиротами. Следы вели в сторону гряды, другими словами, звери выходили на нее из плавни вечером, а выходных, утренних, не было — значит мамаша вводила семейство другой дорогой. Это могло означать, что она себя и своих чад в безопасности не чувствовала. Может, Славик был тому причиной... Так, семейство мы просто возьмем на заметку. Стрелять ни порослят, ни их мать мне совсем не хотелось, но учесть их переход в этом месте все равно стоило.

Я вышел на большой перекресток, образованный пересечением канала с тракторной дорогой, по которой из плавни возили сено. Насыпанная когда-то дамба поросла полынью и густой травой, напоминающей веник. Я постоял на ней, оглядывая окрестности. В стороне моря на горизонте виднелась полоса деревьев прибрежного леса, до них, я знал, было километров пятнадцать, и все пространство на этом протяжении покрывали сплошные заросли тростника с вкраплениями больших и малых лиманов и совсем

крохотных плесов. Ветер волновал тростниковое море, над ним кое-где летали болотные луни, сновали деловито утиньи стайки, и совсем далеко, над Кагатским лиманом, тянули куда-то вереницы лебедей. Где-то кричали невидимые гуси.

На всякий случай я обследовал перекресток, забредая и в обрамлявший его камыш, но свежих следов свиней не нашел. Лишь множество отпечатков шакальих и енотовых лап. Подбодрив себя мыслью, что, как мне хотелось верить, «шакал ходит за кабаном» — по мнению некоторых местных охотников, — я повернул по направлению к лагерю, но пошел другой дорогой, краем гряды, вдоль камышовой стенки, присматриваясь к следам на земле и проломам в тростнике.

Проломов в тростниковой стенке было множество, и в этом состояла трудность определения «живой» звериной тропы. Дело в том, что все эти проломы сделали домашние животные — коровы и лошади, живущие в местных плавнях в состоянии абсолютной свободы. Они здесь рождались и умирали, они постоянно, во все время года, жили здесь, и как это вязалось с большими и строгими плакатами с надписью «Особо охраняемая территория», прибитыми на высоких столбах при въезде в плавневую зону, — я не совсем понимал. Но так или иначе данный парадокс от меня ни в коем случае не зависел, и я давно смирился с существующим положением вещей в местных угодьях. Дикие свиньи, кажется, большого неудобства от присутствия домашнего скота в плавнях не испытывали и охотно пользовались одними и теми же с ним тропами. Это иногда сбивало с толку таких следопытов как я, но, во-первых, лишь иногда, а, во-вторых, таких как я, здесь было совсем не много. Кроме того, чтобы полюбоваться на «истинно» кабаньи тропы, достаточно было забраться в заболоченные плавни подальше от закрайка, хотя бы шагов на полсотни. Скотина далеко в залитые водой камыши не забредала, ей хватало сухих зарослей с обильной травой на грядах.

В доказательство этого я зашел в очередной тростниковый тоннель, ведущий в глубь плавни. Через десяток-другой шагов почва повлажнела, от большой тропы в стороны потянулись натоптанные отворотки, потом под сапогами захлопала вода, и скоро от коровьих отпечатков ничего не осталось — их сменила узкая черная полоса илистой мешанины, выдвленная кабаньими копытами. Она извилистой змейкой убегала в таинственный, нехожий

¹ Окончание. Начало см. в № 8 с.г.

человеком массив Шпичкиной гряды. Оттуда под вечер выходят лохматые дикие свиньи, чтобы порываться на открытых ветру и звездам суходольных лугах, вдоволь побегать по твердой земле и... черт его знает, зачем еще они оттуда выходят. Для смены обстановки, может? Тяга к этому, наверное, бывает не только у людей.

Когда я выбрался из камышей на луг, ветер достиг уже нешуточной силы. Он злыми порывами пригибал тростник целыми охапками, он кидался на заросли с бешенством, и я с тоской подумал об унылом и бесконечно длинном вечере, который мне придется сегодня провести за палаточными стенами наедине с огоньком свечи и кружкой чая, ибо при таком ветре выходить на охоту, счастливый исход которой на девять десятых решает слух, не имело почти никакого смысла. Так разве — в расчете на случай... Ведь кабан — тоже живое существо, и его слуху тоже мешает ветер. Но встреча со зверем в такую погоду всегда случайна и неожиданна и заканчивается обычно тем, что увидишь лишь темный силуэт, с легким треском мгновенно исчезнувший в темноте зарослей. Сорвать ружье с плеча и прицельно выстрелить обычно не удается.

Ближе к тому участку сухой гряды, где останавливались табором мои соседи, по краю ее, в камышах, был давным-давно прокопан небольшой канальчик. Он был тупиковым и за годы сплошь зарос тростником и осокой. За ним, среди камышей, когда-то было расчищенное место для огорода, поднятое над уровнем плавной выкопанной землей. Теперь эти бывшие огороды сплошь заросли, но не камышом, а густой и высокой желтой травой, побеждавшей камыш на возвышенных местах.

Видимо, тут издавна проходила старинная кабанья тропа, потому что как только человеческая деятельность прекратилась, свиньи вновь набили здесь себе дорогу. Со стороны она из-за растительности было не видна, но стоило по перекинутым через заболотившийся, топкий канал полусгнившим доскам перебраться на другую сторону, как тут же оказывался на продавленной зверями в черной илистой земле тропе.

Эту старинную звериную тропу можно было проверить прямо сейчас, а можно и оставить на другой день. Я знал, что забраться на вечер в непроглядные тростники Шпичкиной гряды означало провести несколько часов в довольно замкнутом пространстве — прямо в коридоре тропы с тростниковыми стенами и потолком из ночного неба. Против этого решения было мое собственное нежелание первый же вечер потратить на эту добровольную отсидку, вместо того, чтобы побродить под звездами и луной на просторе широких гряд. За это решение было только то, что ветер имел в этом случае самое благоприятное для меня направление: он будет дуть в плавни прямо

на меня, а это очень, очень важно.

Поколебавшись, я решил обследовать камыши за каналом, потом в хорошем темпе — потому что время уже поджимало, — сбегать посмотреть еще два-три знакомых места, где дикие свиньи могли заявить о своем присутствии в прошедшие дни, и уже тогда окончательно определиться в своих действиях на вечер. Такая тактика выработалась за многие годы и вполне себя оправдывала. Если не считать нескольких лет (возможно, лучших лет в моей жизни, когда рядом был сын) я всегда был один. Я сам разведывал новые места и обследовал уже знакомые, сам принимал решения — где и как охотиться, сам пил горечь неудач и сам выносил свою добычу в случае удачи. Теперь, когда Костя ушел служить, у меня снова не было напарника, но это совсем не тяготило меня, ведь я хорошо знал, что лучше его никого со мной рядом не будет. И еще я надеялся, что когда-нибудь сын вернется, и поэтому самые лучшие охоты у меня все же еще впереди.

Я перебрался, хватаясь руками за тростниковые стебли, по длинным скользким доскам, плавающим в трясине, на другую сторону заилившегося канала. Здесь в зарослях змеились сразу несколько тропок с множеством шакальих и енотовых следов. Кабаньи отпечатки тоже были. Ближе к каналу натоптано одним или двумя подсвинками-двухлетками, тут же — целая россыпь отпечатков размером чуть больше голубиного яйца. Это наследили суетливые серо-бурые сеголетки. Их мамаша тоже, наверное, была где-то неподалеку.

Я продвинулся, раздвигая камышовые стебли и всматриваясь в черную землю под ногами, дальше, туда, где, как я знал, малый канал соединяется с большим, по которому я приехал сюда. Тропы, извиваясь и переплетаясь, нырнули в серо-желтую траву высотой мне по пояс, потом вновь утонули в тростниковый тоннель. Срезав угол, образованный пересечением каналов, звериная дорога вышла на земляной вал, поросший за долгие годы могучим травостоем, и как обычно раздвоилась. Одна тропка, образовав глубокую траншею в высокой траве, потянулась поверху вала, ныряя на сглаженных временем буграх, а вторая заструилась понизу его, слева, у самого подножья, от которого начиналась убегавшая за горизонт плавня. Справа от вала отгороженная от него качающейся под порывами ветра тростниковой стенкой поблескивала холодная вода канала.

Эта раздвоившаяся на две параллельные дороги тропа будет тянуться вдоль канала несколько километров, пока не растворится в залитых водой камышах на выходе канала в большой лиман. Но дойти до ее конца мне сегодня не было нужды, так как приближался вечер, и, кроме того, здесь, на повороте тропы, у ее выхода на вал, я увидел отпечатки кабаньих копыт. Они

были велики, и ни возле них, ни поодаль я не нашел ни одного следка поросенка. Отпечатки маленьких копытцев пропали с тропы еще на травяном бугре: наверное, семейство где-то там свернуло в заросли. Здесь, возле вала, тропа была хорошо натоптана шакалами и енотами, и поверх неглубоких оттисков их лап чернели резкие отпечатки больших копыт.

Они выглядели очень свежими, казалось, зверь прошел только что, и хотя в принципе так это и могло быть — кабаны нередко бродят днем, все же вероятнее, что следы были оставлены ночью. Немного сбивало с толку, что кабан прошел в одном направлении — туда, в плавню, а откуда он пришел — сейчас разбираться времени не было.

Я просто прошел по следу шагов сто и, убедившись, что цепочка следов уверенно уходит вдоль канала вдаль, повернул назад. Если сегодня, сейчас, в ближайшие полчаса я не найду ничего более подходящего, есть резон вернуться и устроить засаду где-нибудь здесь, у этого поросшего густой травой вала. Особой надежды этот одиночный след не внушает, но чем, как говорится, черт не шутит. Может, как раз здесь и ждет удача. Ведь сколько раз было: просидишь на выбитых свиньями тропах шириной в метр или свежих поколках — будто вчера трактор с плугом поработал, — до полуночи, а то и больше — и ничего, полный ноль! А вот такой одиночный, толком ничего не обещающий след вдруг да подарит удачу.

Выбравшись из Шпичкиной плавни я, завершая разведывательный круг, заглянул на знакомый мыс, поросший

тростником с вьющейся понизу ежевикой, в которой кабанами были продавлены тропы-норы, обследовал старую тракторную дорогу, убегающую через камыши к морю, навестил, словно старую знакомую, небольшую сливу, растущую на склоне старого вала (к ней выходили свиньи почесаться), но нигде ничего интересного для себя не увидел. Все это было сделано в спешке, так как солнце уже клонилось к морской стороне, и я хорошо понимал, что результаты такой разведки немногочисленны. Но ничуть не расстраивался, потому что впереди у меня было несколько дней, а план охоты на сегодняшний вечер был прост и родился сам собой. Посижу сколько выдержу, пока не надоест, возле тропы с отпечатками больших копыт, и — ладно. Потом, если будет желание, можно просто тихонько побродить вдоль края гряды, вслушиваясь в негромкие ночные звуки плавней.

Когда я собирался, надевая теплую куртку и штаны и выискивая среди патронов пулевые, с удовлетворением заметил, что ветер, кажется, чуть сбавил силу. Нет, он так же гнул тростники вокруг моего лагеря, и они желтыми космами метелок непокорно дыбились после упругих ударов воздуха, но, мне показалось, порывы его стали короче, и в их злости уже чувствовалась какая-то обреченность. Но, может быть, мне просто очень хотелось, чтобы ветер стих. Ведь основная прелесть ночной охоты состоит именно во всемирной тишине под звездным небом, в возможности слышать все доступные человеческому уху звуки в колдовском свете луны и в рождаемых им видениях.

Я рассовал по разным карманам нож, фонарик и четыре патрона, вначале все осмотрев. Фонарь мне не особенно нравился из-за своей длины и веса — он был на трех больших батарейках, — но зато светил он, как автомобильная фара, заставляя мириться с его габаритами. Нож был хорош, я выточил его целиком из какого-то медицинского тесака для приготовления срезов в морге и насадил на рукоятку из груши. Он прекрасно держал заточку, но, к моему удивлению, сталь его сильно ржавела.

Гильзы патронов были картонные, новые, хотя края их от многочасового таскания в карманах куртки на прошлых охотах слегка смялись. В них тускло отсвечивали серым свинцом носики экспансивных пуль. На случай, если хотя бы одна из них в этот раз удачно споет свою короткую песню, среди моих вещей находился рюкзак, в котором лежали топор, дюжина объемных и прочных пластиковых пакетов, моток чистых тряпок, большой кусок полиэтиленовой пленки и еще два пустых рюкзака. Я достаточно хорошо знал, что в окрестных плавнях не найдется кабана, который, разделанный, не уместился бы в три моих заплочных мешка.

Два тяжелых патрона скользнули в пустоту патронников, строго глянув на меня крохотными монетками капсюлей. Движок предохранителя под большим пальцем с легким щелчком сдвинулся назад.

Я скорым шагом пересек гряды, шурша сапогами по кустам серой полыни с зелененькими листиками у основания, плюхая водой среди чахлого тростника в низинах, застревая ногами в

путанице чакана и стука подошвами по суходольным плешинам, и вышел на край ее, где несколько черных сырых досок лежали в топком зеве камышового тоннеля.

Я оглянулся на скрывающийся в невидимом море край солнечного диска, несколько секунд послушал тишину, в которой звучал лишь неумолчный шорох тростниковых верхушек, и шагнул навстречу первому в этот заезд охотничьему вечеру. Я был один, впереди меня было несколько таких вечеров, в сладком ожидании каждого из них днем я мог ловить рыбу или бродить по плавням, или просто валяться на ворохе лугового сена — никто не советовал мне, как поступать и что делать, и это, черт возьми, мне очень нравилось. И добыча, если вздуматься, мне была нужна не по необходимости, а как логическое завершение моих осмысленных действий в условиях одиночества.

Тропа с кабаньими следами уходила вдаль по краю тростникового леса, и я шел по ней медленно и чутко, зная, что уже настало время, когда звери выходят на кормежку, и выбирал место для засады. Ветер дул из плавни прямо мне в лицо, лучшего и придумать было нельзя — разве что поуменшить его силу. Слева от меня бесновалось желто-серое тростниковое море, справа вздрагивала под ударами ветра сизая вода канала. Свиньи любят ходить вдоль каналов, и я сейчас, получалось, находился прямо на одной из их любимых дорог. Хотя пойдет ли сегодня по ней хотя бы кто-нибудь из них, знать, конечно, не мог.

Я увидел небольшую, узкую тропку, проделанную в камыше не то поросья-

тами, не то шакалами, а может и взрослым секачом — кем именно, если тропа хожена мало, определить трудно. Она выходила из плавни на основную тропу наискось и ничем приметным от других тропок не отличалась. Но почему-то я ее запомнил. Потому, наверное, что за несколько шагов до соединения этой маленькой тропки с той, по которой я шел, возле вала имелось некое более или менее свободное от высоченной травы место — небольшая полянка, и, проходя ее, я машинально отметил удобное для засады место. И выход боковой тропы неподалеку — тоже.

Возможно, пройдя вдоль вала подалее, я нашел бы более удачное, с моей точки зрения, место, но время торопило, надо было срочно определяться, где засесть, и я, посунувшись вперед еще шагов на полсотни и не найдя ничего подходящего, вернулся.

Вот эта выбегающая из плавни к валу тропка. Оглядел ее — ничего особенного, просто маленький ручеек раздвинутых стеблей, а следов на земле не видно вообще. Да бог с ней, зверь, если он вообще покажется, придет скорее всего по основной тропе вдоль вала — оттуда, куда уходят отпечатки размером с мою ладонь. Они были передо мной, эти большие следы, и я еще раз осмотрел их и даже потрогал влажную, выдавленную копытом черную землю.

Полянка — пятачок помятой зверьем травы, — в нескольких шагах от боковой тропки. Но меня больше волновал обзор вдоль вала впереди. Оттуда должен придти зверь, и мне совершенно необходимо устроиться так, чтобы увидеть его первым. То, что ве-

тер дует мне навстречу, очень хорошо. Просто прекрасно. При таком ветре ни один зверь меня не учует. Остается только не попасться ему на глаза. Для этого придется лечь, благо у подножия вала сухой травы — конь не валялся.

Наметив подходящую выемку в земле, я заломил вокруг нее побольше травы и за несколько секунд смастерил себе лежку. Прилег на бок в этом углублении — то, что надо! Лежа я мог контролировать тропу вдоль вала шагов на двадцать вперед, а если убрать торчащие кое-где камышины, то и дальше.

Я встал и обломал стебли, мешающие обзору, примял кое-где высокую траву, вернулся на свое место и вновь осмотрел сектор обстрела. Потом еще пару раз ходил и убирал помехи в виде стеблей и пучков травы. Я знал, что с наступлением темноты все вокруг резко изменится. Не бросающиеся в глаза при дневном свете уплотнения в зарослях приобретут тревожащую черноту, кусты камыша изменят свой облик, пучки травы неожиданно потемнеют или наоборот высветлятся лунной... Ночь — мастерица на метаморфозы и галлюцинации. О, эта черноглазая колдунья с бриллиантовым звездным монисто! Она как никто другой способна помочь человеческому глазу принять желаемое за действительное.

Устроившись поудобнее на левом боку и подобрав ноги, я выложил перед собой на примятую сухую траву фонарь, нашупал в кармане оставшиеся два патрона и стал ждать.

Здесь, у самой земли, ветер ощущался слабо. Он шумел поверху камышей, и они ретиво кивали гривами, но камышовая стенка защищала меня, и травы вокруг меня шевелились едва заметно. К тому же ветер не шумел в ушах, и это намного улучшало мою способность слышать.

Поначалу слушать особо было нечего. В плавнях стоял негромкий, но всепобеждающий шорох трущихся друг о друга стеблей. Этот неумолчный то нарастающий, то затихающий шелест глушил все звуки, и так продолжалось, пока темнота не вползла в заросли. Очертания кустов камыша, бугристой спины вала с дорожкой звериной тропы размылись, затушевались ночной вуалью, и прямо передо мной из-за тростниковой кромки в подсвеченную первыми звездами темноту ночи выплыл верхний край серебряного лунного блина.

Где-то в глубине плавней тонко и тягуче завыл шакал. Я услышал его голос и понял, что ветер ослабел. Звуки вокруг меня проявились и стали вполне различимы. Рядом в канале громко плеснула рыба, а может норка — от неожиданности я слегка вздрогнул, затем под берегом кто-то стал громко грызть стебель. Ондатра, должно быть. Легкий шорох рядом с моими ногами — мышь или ласка.

В черноте неба иногда стремительно свистели утиные крылья — кряковые летели на затерянные в плавнях

плеса. Стайки нырковых, связзей или шилохвостей пронеслись в темноте стремительно, с быстро стихающим шипящим звуком.

Я лежал на левом боку, опершись на локоть руки, а ладонь правой положил на шейку ружейного приклада, и уже чувствовал, как убаюкивающая тишина ночи проникает в мозг и я начинаю думать о вещах, никак не связанных с охотой, как вдруг услышал впереди слева, в камышах, негромкий треск.

Сознание мгновенно сбросило сонливость, и я, кажется, успел подумать, что это скорее всего шакал. Звук доносился не со стороны тропы, идущей вдоль вала, куда было обращено все мое внимание, и откуда я ждал зверя, а из плавней. И тут же повторился, причем гораздо ближе, и тут же меня обожгла и эта пугающая скорость, с которой он приближался, и громкий, неожиданный громкий треск ломающихся под ногами без сомнения тяжелого животного стеблей. Какой там шакал! Это кабан, кабан, и идет он без всякой опаски напролом, по той самой маленькой узкой тропке и через две секунды должен выйти к валу. А я лежу на боку и, чтобы прицелиться и выстрелить, мне надо перевалиться на живот, оттолкнувшись занемевшей в плече левой рукой от земли, схватить ею лежащий передо мной на траве фонарь, а правой — поднять и направить в сторону зверя ружье.

Треск камыша — уже у самого вала! Я понял, что схватить фонарь не успеваю. Черт с ним! Я отжал свое тело левой рукой от земли, одновременно хватая правой ружье, и каким-то чудом, перетянув тело вправо и поджав, сгорбившись в своей ямке, оказался на коленях. Я успел поднять ружье к плечу, перехватив его второй рукой, и оно стало перевешивать меня, и я с ужасом понял, что для того, чтобы не упасть вперед, мне надо либо опереться ладонью о землю, выпустив цевье, либо упасть со вскинутым ружьем вперед на локти рук. Это было одинаково плохо, так как резко уменьшало мою способность маневрировать ружьем. Но в эту секунду мой организм сам, помимо моей воли, среагировал на ситуацию, и я, согнувшись в пояснице, словно все мышцы в ней враз атрофировались, подался назад и просто сел на собственные ноги. Сидя на сапогах, носки которых, продавив травяную подстилку и разъехавшись в стороны, уперлись в землю, я весь сжался, втянув голову в плечи, и вытаращенными глазами уставился вдоль стволов в низ тростниковой стенки в нескольких шагах от себя. Господи, предохранитель! Прижав ребристый ползунок большому пальцем что есть силы к хвостовику коробки, чтобы он не щелкнул, я с усилием толкал его вперед до упора, пока он не остановился.

И в тот же миг там, из серо-размытого переплетенья камышовых стеблей, залитого слабым светом восходящей луны, выполз темный конус звериной головы на расширяющемся кн-

зу черном постаменте шеи. Камыши в слабом лунном свете казались серыми, ночь позади них — темной, но это появившееся из зарослей видение было чернее ночи. Я немного перевел бледно-серебристую дорожку прицельной планки с едва видимой мушкой левее, в основание этого конуса — и нажал спуск.

Выстрел ахнул оглушительным ударом. Голова исчезла, раздался треск ломающихся стеблей — и наступила тишина. Ни топота и шума убегающего в заросли зверя, ни возни подранка, ни визга смертельно раненного. Ничего.

Я вскочил на ноги, готовый стрелять метнувшегося прочь кабана, бросился вперед, сделал всего несколько поспешных шагов — и опешил.

Передо мной на боку, придавив огромным телом закраек камыша, неподвижно лежал кабан. В последнем прыжке после выстрела он выбросился на бугор вала и лежал совершенно открыто. Черная туша лишь покачивалась, сотрясаемая судорогами, да задние ноги резко и мощно взрывали дернину.

И тут в камышах, совсем рядом со мной, я услышал громкие шуршащие звуки — похоже, еще один зверь! Не далее трех-четырех шагов! Второй кабан мне был совсем не нужен, но я повернулся в сторону звука и крепче сжал ружье, заряженное одним патроном. Что за черт — где же он, почему я не вижу его, ведь совсем рядом? Прошло несколько секунд, прежде чем я понял, что это шуршит летящая в камыши земля из-под копыт поверженного кабана: его задние ноги далеко отбрасывали срезанный с бугорка влажный черный грунт. Ну надо же...

От свалившейся на меня удачи я соображал не совсем хорошо. Стоял и заторможено смотрел на лежащего зверя, любясь и не веря, что такого дровяка можно вот так просто убить одной единственной пулей наповал. Но все говорило за то, что это именно так.

Я вытащил нож, надо было прежде всего вспороть кабана брюхо — совсем немного, чтобы не скапливались желудочные газы, пока буду ходить за всем необходимым для разделки. Но мне мешало ружье в руках. Положить его тут же... нет, можно случайно наступить сапогом. Я разрядил ружье, отнес к месту своей засады, где так и лежал неподававшийся фонарик, сиротливо чернея в траве, и положил рядом с ним. От моей ямки до лежащего зверя было восемь больших шагов. Когда я вернулся, кабан почти совсем затих, лишь редкие толчки слегка сотрясали тушу, да на черной щетине искрился лунный свет. Но эта неподвижность зверя вдруг показалась мне подозрительной. А вдруг он только контужен, сейчас очнется, вскочит — а тут я с одним ножиком в руках, который, хотя и не мал и остер, как бритва, в подобной ситуации все равно, что авторучка! Я знал, что этого не может быть, но справиться с неприят-

ным ощущением не мог, сходил за ружьем, зарядил его и вернулся к кабану.

Постоял минуту, успокаиваясь. Хорошо было бы сейчас закурить, но сигареты остались в лагере. Я правильно сделал, что оставил их там. Я все сделал правильно сегодня. Продумал, рассчитал, прикинул. Обобщил. Сделал выбор. И вот она, моя добыча. Роскошный, крупный зверь. Ему, наверное, лет пять или больше. Секач на пике своей силы, много повидавший на своем веку. Как же он так оплошал? Ветер, понятно, подвел его. Но все равно — вышел он довольно бесечно. И именно по той тропке, что я сразу заметил. Мы с ним примерно равны по опыту и осторожности, но просто мне повезло, а ему нет. И совсем не потому, что я человек, а он зверь. Все когда-нибудь ошибаются, только плата за ошибки бывает разной. Без обид, зверь. Я охотник, и этим все сказано. Сегодня удачный для меня день, а сколько было вечеров и ночей без единого выстрела! Множество дней без выстрела. Они, конечно, не пропали бесследно, каждый оставил в копилке опыта свою бесценную долю. И каждая удача для меня словно жемчужина, нанизанная на золотую нить наблюдательности и любви к природе, разумной созерцательности и охотничьей страсти.

Я надрезал у кабана брюшину, положил на тушу стреляную гильзу — как будто это могло спасти мою добычу от вездесущих и неуловимых шакалов! — и пошел за рюкзачками. Надо было не слишком медлить, пока плавневые собачки не принялись за пир. На ближайшие два-три часа мне предстояла простая мужская работа, без каких-либо лирических отступлений.

Но когда я шел обратно к лагерю, пока отступался и спотыкался о стебли и корни на ночных тропках, переходил по скользким доскам, лежащим в блистающих лунным светом лужах среди топи, шуршал пальцами на грядках, а потом проделывал этот путь обратно, все время думал о том, что хотя я и ощущал в эти мгновения себя счастливейшим человеком, все же добыча для меня не была единственной самоцелью. Она лишь в этот момент усиливала мироощущение. А ночь, раскинувшая крылья легчайших перистых облаков, не способных пригласить сияние серебряной луны, будет так же колдовски хороша всегда. И наступающая в ночных плавнях тишина всегда будет особенной — таким бывает только безмолвие открытых пространств, где ничто не мешает уху слышать гулкую бесконечность Вселенной.

Это была моя самая короткая охота на кабана. Наутро я уехал. До следующего сезона. Никто не знает, будет он лучше или хуже нынешнего. Можно только с уверенностью сказать, что он будет другим. Но самое главное — что он будет.

Рисунки Б. Игнатьева

Ветерок с Волги

По тропинке идет двухлетний голубоглазый мальчик в белой панамке с выбивающимися из-под нее золотистыми кудряшками, которыми играет легкий ветерок. Загорелые голые ножки в белых носочках и кожаных сандаликах уверенно выбирают дорогу. За руку он ведет свою няню. Слева от тропинки крутой обрывистый склон, расщепленный оврагами и родниками, справа — Волга. Мальчика неудержимо влечет к группе загорелых до черноты рыбаков, которые только что сделали тоню и отдыхают, перебирая мокрый невод. В плетеных корзинах бьется живая рыба. В котле закипает уха. Черная обветренная рука протягивает гостинiec: «Коленька, хочешь копченой стерлядки?» Няня берет стерлядку, очищает с нее поджаристую шкурку, обнажая сочное душистое филе, и Коленька с удовольствием начинает кушать. Коленька — это я.

Волга с ее ласкающим ветерком, запахом просмоленных лодок, с бесконечными рядами неводов, сушащихся на специальных распорках вдоль берега, горячим от солнца песком, белоснежными быстрыми пароходами, гудками буксиров, медленно тянущих против течения огромные баржи или плоты, ароматами заливных лугов, покрытых ковром цветов и стогами душистого мягкого сена, грандиозным зрелищем весенних ледоходов — это хранящиеся в памяти картины моего самого раннего детства.

Вниз по течению быстро движется волжский красавец — пароход скорой линии Горький—Астрахань «Спартак». На открытой палубе гуляют нарядные пассажиры. Они кидают с кормы кусочки хлеба в стаю крикливых чаек, сопровождающих пароход. Ни один кусочек не падает в воду — с удивительным проворством чайки ловят хлеб на лету. Перед собой пароход с силой разрезает водяной бугор. Этот бугор отсасывает воду от берегов, и на короткое время уходящая вода обнажает полоску берега. Затем накатываются валы. Мне они кажутся огромными, я их боюсь, боюсь, что эти шумные чудовища с белой пенистой гривой утащат меня с собой. С плачем я спасаюсь, отбегая вместе с няней от этой грозной опасности. Рыбаки смеются, видя мой ужас, и успокаивают, что ничего страшного в этих волнах и их шуме нет и что они уже умчались вслед за уходящим вдаль пароходом.

Первые мои впечатления о Волге связаны с деревней Татинце, расположенной на высоком правом берегу километрах в пятидесяти от Нижнего Новгорода (тогда город Горький) вниз по течению. Само название деревни, где когда-то грабли проходящие по Волге купеческие суда, происходит от слова «тать», что значит «вор, убийца». Даже сохранилась в народе побасенка: «Татинце — всем ворах кормилец, а Елец — всем ворах отец».

Волгу никто не называл «рекой». Реки — это впадающие в Волгу притоки, маленькие и большие. Если рыбоволов говорит: «Я поймал в реке крупную щуку», это значит, что поймал в какой-либо близкой речке, а если в Волге, то всегда скажет: «Поймал в Волге».

В Татинце местные жители все рыбаки и ловят рыбу летом обычно неводами. Невод — длинная сеть, достигающая почти середины Волги, с мешковидной мотней посередине и шестом на одном конце. Шест втыкается острием в берег и удерживается в вертикальном положении обычно самым сильным рыбаком из бригады. А уложенный в лодку невод постепенно сбрасывается с нее в воду, и лодка, двигаясь от берега, описывает огромную дугу, завершая ее на том же берегу, где удерживается крыло невода шестом. Течение надувает невод, и в расправленном виде это большой сетчатый мешок. Далее вся бригада начинает вытягивать невод, сводя его крылья. Это тяжелый труд, требующий больших усилий. Иногда в крыльях невода застревает некрупная рыба, но основной улов всегда находится в мотне, которую как можно быстрее вытягивают за оба крыла в чистом месте. Весь этот процесс называется «тоней». Чтобы сохранить рыбу живой долго, в рыбацких лодках есть ларь, то есть отделенная поперечными перегородками часть лодки, заполненная водой через дырку в дне. Если живой рыбы нет, то в дырку вставляют деревянную затычку, а воду из ларя вычерпывают. Рядом с деревней каждый рыбак устанавливает свой садок — это большая деревянная бочка, прикованная цепью к якорю. Бочка продырявлена во многих местах и плавает недалеко от берега в полупогруженном состоянии. Течение натягивает цепь, и она гудит от напряжения. В бочку рыбак через крышку запускает живую рыбу, где она в проточной струе не засыхает долго, пока не по-

требуется к столу или на продажу. Снимая дачу, отец обычно арендовал и садок. Иногда в наш дом заходил соседский рыбак и сообщал отцу: «Миколай Миколаич! Я в твой садок аршинничка запустил». Аршинничек — это стерлядка килограмма на два весом. Такую обычно коптили в русской печке до золотистого цвета.

Несколько лет, которые мы провели в Татинце, слились в одну чудесную сказку. Как мы добирались до Татинца, очень далекой по тем временам деревни, я, конечно, не знаю. Детская вера в могущество родителей совершила очередное чудо: мы вдруг оказались на берегу Волги.

В хороший солнечный день все мы едем на ту сторону. «Та сторона» — это левый берег Волги, покрытый чистыми, промытыми и прокаленными солнцем песками — место, любимое дачниками. В отличие от дачников, местные жители никогда не загорают, а женщины и не купаются. В Волге купаются только ребятишки, парни и незамужние девушки, голова которых еще не покрыта вечным платком замужней женщины.

Неравномерные наносы песка текущей водой создают на той стороне подвижную структуру длинных отмелей (кос) и застрогов — обрывистых глубин, идущих вдоль кос ниже по течению. Приставая к пескам, рулевой всегда направляет лодку по застрюге, что позволяет ей продвинуться ближе к берегу. И, наконец, врезавшись в песок, лодка останавливается. Пассажиры уже сидят босиком с засученными штанами и подоткнутыми подолами и после остановки выпрыгивают в мелкую теплую воду. Затем все вместе продвигают лодку по мокрому песку подальше, чтобы бегущие волны от проходящих пароходов незаметно не подняли и не смыли ее. Дачники раздеваются, купаются, загорают. Чтобы безопасно купаться на «том берегу», обязательно нужно уметь плавать. По косе легко зайти от берега довольно далеко — и все будет по колено, но, сделав невольный шаг влево, можно попасть в глубокую застрюгу, где будет сразу с головой, а быстрое течение тут же снесет от спасительной косы.

Обычно устраивались соревнования: кто раньше прочтает название парохода. Когда из-за далекого поворота показывается пароход и выходит на плес (видимую часть реки от поворота

до поворота), то его название прочитать невозможно. Расстояние постепенно уменьшается, буквы увеличиваются, наиболее зоркие читают некоторые буквы, чаще всего догадываясь о полном названии парохода. Но это не настоящее его имя. В те годы на Волге было активное движение многих судов, и пассажирских и буксиров, сохранившихся после революции. Три могущественные компании: «Самолет», «Кавказ и Меркурий» и «Волга» — раньше выпускали ежедневно на линию Нижний Новгород—Астрахань комфортабельные пароходы скорой линии, почтовые, товаро-пассажирские, число которых измерялось десятками. Буксиры, принадлежащие А.Нобелю, таскали караваны наливных и сухогрузных барж, и все эти суда имели имена, данные им при рождении. После революции все суда получили новые имена, соответствующие идеологии советской власти. Сейчас городам и улицам постепенно возвращают родные имена. К сожалению, судьбы волжских пароходов более печальные. Почти все они сгорели в пламени Сталинграда, а имена Великих Княжон на бортах лучших судов фирмы «Самолет», замененные на революционные имена «Спартак» и «Володарский», ушли в быстро забываемое прошлое.

Я люблю барахтаться в теплом мелководье, распугивая стаи малявок. Проходящий пароход далеко отсасывает воду, и малявки панически спасаются по внезапно создавшейся мели, пы-

таясь догнать убегающую воду, извиваясь по мокрому песку, выставив наружу свои спинки. В это время можно быстро протянуть перед ними скрученные в жгут штаны, перерезав малявкам путь к спасению, и они окажутся в банке. Это надо делать быстро, пока не накатили валы.

Очень интересны прогулки по заливному лугам, которые весной затопляются волжской водой. Чтобы попасть в луга, нужно преодолеть широкую зону песков, идти по которым не просто. Ноги вязнут, песок скрипит, осыпается и босым ногам не на что опереться. Особенно трудно бежать по сухому песку, догоняя друг друга. После песков возникает новое препятствие — береговые «талы» — широкие заросли мелкого ивняка, состоящего из путаных гибких длинных прутьев, обычного материала для плетения корзин и плетух. Тут надо найти какой-нибудь проход в талых. Забравшись в чащу, сразу ощущаешь жаркую духоту, смолистый запах ивы, а если еще и солнце спрячется за тучку, то мгновенно теряться направление. В конце концов талы преодолены, и начинаются луга. Меня всегда притягивали к себе озера, залитые весной волжской водой, а летом образующие цепочку чистейших глубоких водоемов. Чтобы подойти к берегу озера, нужно продраться сквозь заросли черной смородины, ежевики, черемухи, увитые лианами хмеля. За зарослями открывается почти черная таинственная вода, покрытая листьями кувшинок, белыми цветами лилий, на которых сидят ярко-синие стрекозы. В такой глубине несомненно живут прекрасные русалки, мне хочется их увидеть, и я долго смотрю в темную прозрачную воду, надеясь на чудо. Но в лучшем случае перед глазами промелькнет полосатый окуnek, погнавшийся за малявкой, и спрячется под широким листом кувшинки. Пора возвращаться домой. За время прогулки лодку засосало в песок, и она даже не шевелится от попыток сдвинуть ее с места. Все становится вдоль лодки и стараются ее раскатать. Самые бодрые прикладывают свои усилия к высоко поднятому

острому носу лодки. Качают до тех пор, пока не захлопает вода под ее днищем, и по этой смазке быстро выводят лодку на глубину.

Если идет дождь, то мы сидим дома и скучаем. Заклинания вроде: «Дождик, дождик перестань, я поеду в Арстань. Богу помолиться, царю поклониться. С ключиком, замочком, с шелковым платочком» — не помогают. Начинаем считать сорок лысых. Известно, что если на бумаге написать имена сорока лысых, то дождь непременно перестанет. Первый лысый — всегда Ленин. Современное телевидение полностью решило эту задачу. Набрать сорок лысых теперь — пустяк, и, я думаю, этот метод себя изжил. Но в те годы никакого телевидения не было, и определить лысых можно было только в споре. Спор продолжался долго, и за это время дождь заканчивался.

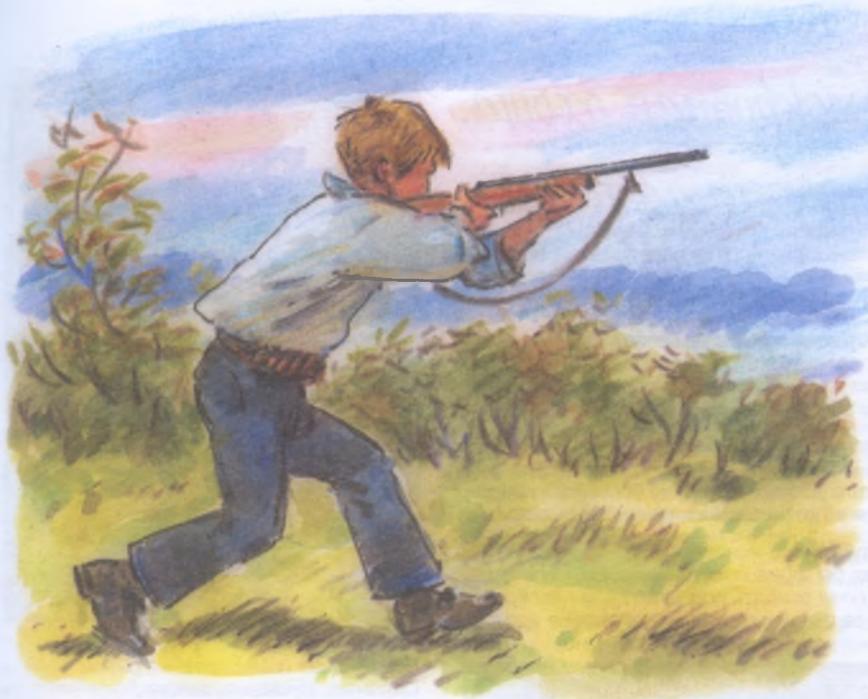
Было второе военное лето. Мне тринадцать лет, и я постепенно становлюсь деревенским мальчиком, босоногим, загорелым, ловким. Местные ребята принимают меня в свои игры, посвящаяют в свои секреты и сплетни. Одно из развлечений — бывшая лужа с высохшей до пыли грязью. Неописуемое наслаждение войти босиком по щиколотку в эту горячую пушистую пыль и бегать по ней в одних трусах, играя в догонялки, а потом с разбега нырнуть в теплую речку.

Однажды я шел босиком по такой пыльной горячей дороге. Впереди передо мной как будто купалась в пыли огромная птица. Облако пыли летело из-под бьющихся по земле крыльев. Когда я подошел ближе, то оказалось, что это крупная хищная птица, по-видимому орел, терзает живую курицу, поэтому птица и казалась такой огромной. Орел взлетел, приподняв бьющуюся курицу, но эта ноша оказалась для него слишком тяжелой, и он выпустил ее. У курицы была почти оторвана голова, которая держалась только на коже. Я принес курицу в деревню и попытался выяснить — чья она, но никто не узнал в ней своей. Значит, добыча моя. А я уже забыл, когда в последний раз ел куриный суп.

Это не единственный раз, когда мне повезло. Как-то, возвращаясь с рыбалки, я увидел хищную птицу, пытающуюся оторвать от воды крупную рыбу. Увидев мою приближающуюся лодку, птица улетела, а на поверхностиверху брюхом плавала большая щука. Я ее подцепил подсачеком. На полуживой щуке были глубокие следы от когтей.

В августе отец решил сделать со мной охотничью вылазку. Целью ее была речка Нюжма, до которой надо было пройти пешком около десяти километров от берега Волги в сторону глухих заволжских лесов. У отца было два свободных дня, поэтому вылазка предполагалась с ночевкой. Кроме обычного интереса к новым местам, у меня в таких длительных походах вместе с отцом была возможность послушать рассказы о его учебе в дореволюционном Санкт-Петербурге, службе в

царской армии, необычных судебных делах, судебных ошибках и многом другом. Я узнавал много нового, мне неизвестного, чувствовал, как отец передавал мне частицу самого себя и радовался моей восприимчивости.

Переплыв на лодке Волгу, мы, преодолев широкий песчаный пляж и заросли тальника, вышли на просторы заливных лугов. Сразу же наша тропинка стала огибать длинное озеро. Берега озера заросли кустами, полными спелых ягод. Сюда ходили за черной смородиной, ежевикой и черемухой. Отец любил ежевику. Он перебирал ее длинные тонкие побеги, срывая крупные, черные, очень сочные ягоды. Для меня ежевика была кисловата, и я набивал рот горстями сладкой черемухи. Мы сделали остановку, чтобы «пасть».

Километров через пять начались пологие бугры, полностью покрытые покрасневшими листьями земляники. Ягоды давно сошли, но теперь уже не приходилось удивляться, откуда в начале лета бабы таскали землянику «бельевыми» корзинами. Незаметно для себя оказались в лесу и пошли просекой. Я шел с ружьем и подстрелил по дороге вылетевшего из кустов дрозда. Все-таки хоть и небольшая, но добыча!

К вечеру мы пришли к кордону лесника. Он принял нас приветливо, посоветовав заночевать на сеновале, поскольку в доме от клопов нам сна не будет. К хозяевам клопы привыкают и едят их понемножку, а «свежую кровь» гостей очень любят. Нам поставили самовар, мы попили чаю. Стены избы были украшены высушенными крылышками селезней с ярко-зелеными зеркальцами, соек с красивыми бирюзовыми перышками, пестрыми крылышками рябчиков, хвостами тетеревов в виде черных блестящих лир, пучками

твердых перьев из крыльев и хвостов глухарей. Здесь живет охотник.

Речка Нюжма протекала рядом с кордоном, и на ней, воткнувшись носом в берег, стоял выдолбленный из цельного дерева челнок с одним веслом, похожим на короткую деревянную лопату. На этой лодочке нам предстояло совершить утром охотничью поездку.

Как обычно на новом месте, сон был поверхностным, да еще среди ночи прямо над ухом, сидя на насесте, пел петух и ворочались куры. Когда чуть-чуть посветлело, мы слезли с сеновала. Речка была заполнена низким туманом, закрывающим ее примерно на полметра. Когда мы столкнули долбленку в речку и осторожно заняли в ней места — я на корме с ружьем, а отец на носу с веслом, то наши головы торчали над туманом. Передо мной была только отцовская голова, а ниже — все в молоке. Небольшой утренний ветерок разогнал туман, и стало видно черную воду.

Оказалось, что мы разместились в лодке крайне неудачно. Отец хотел, чтобы стрелял я, а он выбирал проходы среди коряг и упавших в речку деревьев. Утки нехотя выплывали из-под нависающих над водой кустов и лениво взлетали прямо перед лодкой. Но мне не удалось сделать ни одного выстрела, так как я все время боялся задеть выстрелом отца, сидевшего прямо передо мной. Поменяться местами было невозможно, вылезти на берег было негде из-за сплошных нависающих кустов, а попытка поменяться местами на плаву в этой крайне неустойчивой долбленке наверняка закончилась бы купанием.

Так мы и плыли, не нарушив ни одним выстрелом таинственную тишину лесной речки. Взошло солнце, и его лучи, пронизав абсолютно прозрачную

воду, осветили дно. Речка оказалась глубокой, с обрывистыми подмытыми берегами, омутами, и единственное место, где можно было выйти на берег, находилось у дома лесника.

На обратном пути домой по лугам мне удалось подстрелить чирка, взлетевшего с озера, и наш охотничий поход оказался для меня удачным. Чирка и дрозда я потушил с картошкой в русской печке. Каждому досталось по дичине.

В конце августа пора возвращаться в город, где через несколько дней начинались занятия в школе, и мне захотелось встретить утреннюю зарю на берегу Волги. Подплыв на лодке к пустынному берегу, когда зашло солнце, я, завернувшись в военную плащ-палатку, растянулся на ровном месте, покрытом мелкими белыми камешками. Постепенно под плащ-палатку начинает заползать холод. Укрываюсь с головой, придавливаю все щели и стараюсь надышать под нее немного тепла, но безуспешно — на плащ-палатку выпадает холодная роса. Лежать становится нестерпимо, я сажусь, накинув мокрую плащ-палатку на плечи, и с надеждой смотрю на розовый кусочек света, сохранившийся на небе после захода солнца. Он не исчезает, а медленно, как часовая стрелка, движется по горизонту, не увеличиваясь, но и не уменьшаясь. На поверхности Волги раздаются сильные всплески — играет крупная рыба. Иногда проходит, шлепая колесами, пароход.

Вдруг я молниеносно проваливаюсь в никуда и так же молниеносно просыпаюсь, успев увидеть десяток цветных снов. Розовый кусочек света уже заметно сместился на восток, слегка увеличился в размерах и посветлел. Время пошло быстрее, уже видно, что на востоке из-под горизонта высвечивается заря. Показывается желтый краешек солнца. Движения еще сковааны холодом, но я сталкиваю лодку в Волгу и отплываю от берега. За это время уже полный диск взошедшего на горизонте солнца начинает излучать тепло, и я понемногу согреваюсь.

Должен сказать, что волжские просторы, воздух, ощущение абсолютной свободы в то время я воспринимал как само собой разумеющееся, не требующее восторгов и запоминания, и только через очень много лет, внезапно, совершенно независимо от моего желания, на меня вдруг налетает какой-то виртуальный ветерок, несущий запах Волги, крики чаек, гудки пароходов, настолько реальный, что я вздрагиваю от неожиданности.

Рисунки Б. Игнатьева

Бескровная охота, блаженная пора...

В. ШИШКИН

Фото Т. БАЖЕНОВА

Опадавшей листвы запах чудно пьянил,
Золотистой шуршанье березы о хвою,
Без усилья созвучен блаженства настрою,
По осенней земле я спокойно ходил.

Даже слишком обильны дары перелесков,
Снится будут, волнуя, удачи места,
Стала жизнь наконец—то библейски проста,
И я ей отдаюсь безоглядно, по—детски.

Грусти нет, исчезает куда—то печаль,
Так бы дальше идти по лесам, косогорам,
И поля огибать под небесным простором,
И за стаей следить улетающей в даль.

Российская говядинка — грибы,
Соленые, сушеные, живые,
Охота тихая, сокровища лесные,
Вот если вы заговорили бы.

Поведали о связи с теплотой,
Дождем, луною, деревьями,
Животными, друзьями и врагами,
Семье большой, встречавшейся порой.

С весны до осени мы встречи с вами ждем,
Не заготовок — радостей охоты,
Наверное, грибы не любит кто—то,
А мы с грибами все переживем.

Удачей редкой этот теплый день
В финале осени был нам подарен,
И дымчатая неба голубень,
И сень червоная лесных окраин.

Парящий паутиновый десант
За облаками, птицами, за взором,
Не разберется даже хиромант
С листа кленового изысканным узором.

Опятовые друзья в рюкзаках,
Ясак бескровный, символ симбиозов
И солнечный опенок в облаках
Плывет к березам золотисто—розов.

По солнечным опушкам,
По разнотравью, мхам
К лисичкам и волнушкам
Иду в зеленый храм.

С подходом и поклоном
К съедобному грибку,
Потом он, став соленным,
Мне впасть не даст в тоску.

Бескровная охота,
Блаженная пора,
И не томит забота,
И нету комара.

Лис-ловелас

В тот день я не обманулся в своих ожиданиях... Многое располагало к тому, чтобы ожидать от пятого понедельника января чего-то яркого, нового, доселе невиданного и запоминающегося. Ну, во-первых, это был последний охотничий день в уходящем сезоне. И как предзнаменование — первый снег, устеливший землю воскресным вечером. Выглядело это уж совсем необычно, если учесть, что даже Подмосковье, не говоря уже о Кубани, январь успел подивить и изрядно поволновать своими сюрпризами в виде распутившихся почек на деревьях и первых цветов.

В мои планы входило посещение красивой балки, что недалеко от Кеслерово, где полтора года назад под пустым боярышником я предал земле свою несравненную Марту. Э-э-эх! Пальну из двух стволов в ничем не повинное небо, заем снегом горечь невосполнимой утраты и побреду, поднимая снежную целину, куда глаза глядят. Признаюсь, меньше всего в тот день я жаждал заячьей смерти. А тут еще «оказия»: моя любимица Соня, додившаяся покойной Марте внучкой, аккурат к закрытию сезона потекла.

Какая уж тут охота? Так, прогуляться напоследок, да и ладно. Нужно не охотиться, а бдеть: с одной стороны, не напороться бы на неизвестно откуда взвзвешенного незваного «жениха», с другой — не накликать бы справедливый гнев владельцев охотничьих кобелей. Собачья свадьба — дело нешуточное...

Начало утра. Выходим из автобуса. Стреляю глазами по заснеженной дали. Охотников нигде не видно, как никак понедельник. Очень слабый прерывистый гон доносится издалека. Вдоль широкой лесополосы поднимаемся вверх по склону холма. А вот и первый заячий след. А вот еще, и вот... Душа радуется: остался еще зайчик, слава Богу, остался. И где же наш ручасок лег по первому снегу?

Почти взойдя на вершину холма,

хватился своей помощницы: куда она сгнула? Только-только была здесь, у края лесополос. Присев, устремляю взор на озимое поле, примыкавшее к лесополосе с другой стороны. И что же я вижу? А вижу я сквозь густые ветки то, чего глаза б мои лучше не видели: по заснеженной озими галопирует моя пропажа наперегонки с каким-то псом. Этого мне только не хватало! Сам не понижаю, почему я ее в тот же миг хотя бы не окликнул. Впрочем, проку от этого было бы чуть.

Когда же новоовлеченный Сонин резко развернулся и бросился к ней навстречу в игривом прыжке, я, разувая глаза, обалдел. Мать честная, лис!!! Предвкушая необыкновенное зрелище, соблюдая меры предосторожности, я быстренько перебрался чуть повыше, на более открытое место. С новой позиции все было видно как на ладони.

Соня, отвечая взаимностью, флиртвала на некотором расстоянии с потенциальным трофеем. Все это время между ними сохранялась дистанция в полтора-два десятка шагов. Я же имел редкую удачу наблюдать эту картину с расстояния прицельного винтовочного выстрела. Карабина, разумеется, у меня не было и рассчитывать я мог только на возможность дробового патрона, снаряженного третьим номером дробин.

Секунда за секундой набежала едва ли не самая интересная и захватывающая минута всей моей охотничьей жизни. Здесь, забега вперёд, хочу поделиться своими соображениями, а также попытаться дать свое толкование всему увиденному. Конечно, нельзя полностью исключить того, что это был, как сказал бы в этом случае Винни Пух, «неправильный лис...»

Я же склонен полагать, что лис, не отличающийся, как известно, остротой зрения, но обладающий превосходным чутьем, просто не в силах был устоять перед возжеленным запахом пустующей суки и вконец потерял свою лисью голову в любовном угаре.

А что же наши главные действующие лица? Соня, ненадолго отвлекаясь от

объекта своего внимания, нет-нет, виновато поглядывала в мою сторону. Легавая пребывала в собачьем смяении. Об этом говорило ее поведение: не решаясь подойти к лисе ближе, она, похоже, поняла свою оплошность, но любопытство брало вверх. Морда ее была выразительнее плаката, на котором крупными буквами было написано: «Я что-то делаю не так?»

С некоторой опаской лисовин настойчиво добивался ее расположения. Она отбежала к посадке. Я даже дышать перестал. «Давай, давай, моя хорошая, — телепатически воздействую на собаку, — подводи его поближе, подводи...»

Телепатия возымела действие: Соня медленно направилась к кусту, где я стоял на коленях и смотрел на представление неморгающими глазами. Лис покорно последовал за ней. Ну, ловелас! Ну, хорош! Ладно, Соня — молодая легавая, ее призвание — пернатая дичь, не имея опыта встреч с хищником, приняла рыжего шельмеца за себе подобного, но он-то, он до чего дошел?

Первы мои были на пределе. Развязка близилась. Для реализации моего коварного плана не хватало каких-нибудь 20 метров... А будь что будет. Почти шепотом отдаю команду: «Соня, ко мне!» Она ни с места, лис насторожился. Стало смешно: Соня то поглядывала на лисовина, то с нарастающей тревогой смотрела на меня. «Соня, ко мне! Рядом!», — повелеваю уже достаточно громко. Собака и не думает слушаться. Лис — уши на макушке, весь внимание, но не более того. Встаю в полный рост... Lovelас оглянулся и замер. Соня сунулась было за ним. Делаю выпад в сторону зверя. Он отпрянул, но убежать, судя по всему, по-прежнему не собирался. Это уже ставило меня в тупик. Я пригрозил ему ружьем. Пышнохвостый красавец, обиженный оглядываясь, стал нехотя удаляться в сторону балки. Чеши, чеши! Ищи свою законную половину!

Выходит, я чуть ли не стал первым охотником, добывшим лисовина с «подсадной» легавой! Ну и денек!

В. ИЖКО

Кооператив «Ирбис»

принимает заявки и высылает наложенным платежом
костюмы для охотников
- зимний костюм из белой ткани (парашютная)
с белыми перчатками - цена - 780 руб.

Почтовые расходы наложенного платежа составляют 20 %

В заявке указывать размер и рост

Заявки по адресу: **61136, г. Харьков-136 до востребования**
или по тел: 8(067) 93-96-747

Рыкову Виктору Тихоновичу

Здравствуйтесь, уважаемая редакция! Охотой я увлекся с 1983 года. Занимался пушным промыслом, охотой на лося и последние 10 лет — ходовой охотой по боровой дичи. И вот последние три осени наблюдается такое явление, что все хуже идет рябчик на манок. Сначала думал, может, я начал фальшивить при подманивании, но другие охотники нашего района говорили о том же. Очень хотелось бы услышать мнение специалистов по этому поводу.

В этом году мне исполнилось 60 лет, но я с тем же нетерпением жду свою любимую осень. Может, кому-то пригодится мой совет по снаряжению патронов. Уже несколько лет, чтобы не подбирать точно высоту пыжей на пороховой заряд при закрутке папковых гильз, я на дробовой заряд вместо картонной прокладки вставляю пыж из упаковочного пенопласта нужной высоты и производю закрутку гильзы. При выстреле на выходе из ствола пенопластовый пыж рассыпается в мелкую крошку, не разбивая дробовой заряд.

Пыжи изготавливаю при помощи латунной гильзы того же калибра, стенки гильзы с наружной стороны затачиваю до остроты ножа, а в донышке сверлю отверстие для выталкивания готовых столбиков пенопласта. Вдавливая гильзу в пенопласт, нужно производить вращательное движение гильзой, чтобы стенки столбика пенопласта были ровными, а из этих столбиков нарезаю бритвенным лезвием нужные по высоте пыжи.

Желаю удачи!

А. МИНУРОВ
Кировская обл.

Здравствуйтесь, дорогая редакция! Давно хотела вам написать, но все как-то не получалось. На Сахалин я приехала из Новосибирска, окончив торговый институт. Думала отработать три года, а осталась навсегда. Здесь природа просто замечательная и люди тоже, бытовые трудности есть, конечно, ну а где их нет?

Мой муж Коля (Козлов Николай Васильевич) еще ребенком часто убежал в лес. Один раз его даже искали с вертолетом. Конечно, он любит охоту и рыбалку, как и многие на Сахалине. У нас два сына, которые ни в чем не хотят отставать от отца и друг от друга.

Я очень люблю ходить в лес собирать ягоды, но на охоту меня не берут, говорят, что я им всю дичь распуаю.

Мы вам очень благодарны за то, что вы есть. Когда получаем ваш журнал, в доме у нас праздник, читаем по очереди, один положил, другой тут же взял, большое спасибо!

Л. КОЗЛОВА
г. Корсаков Сахалинской обл.

Здравствуйтесь, уважаемая редакция! Хотелось бы на страницах вашего (нашего) журнала выразить благодарность людям, которые познакомили меня с миром охоты и, на мой взгляд, с лучшей из охот — охоте с гончими.

В охоту все приходят по разному. Меня, например, привел мой младший двоюродный брат Мионов Александр Николаевич — охотовед по образованию, который по распределению работает в Северной Осетии.

Начиная с 1986 года мои охоты были и самотопом, и с русско-европейской лайкой, и с ягдтерьером. Но все эти охоты померкли после того, как я узнал, что такое охота с гончей.

Взять щенка русской гончей меня уговорил председатель Лукояновского РООиР Потемкин Николай Васильевич. Айда (так я назвал щенка) выросла в отличную рабочую собаку. Благодаря ей я узнал, что такое гон породистой гончей в осеннем лесу.

Когда приближается гон, забываешь, где ты находишься, сердце готово вырваться из груди. В эти минуты переживаешь настоящее счастье.

С Айдой я охочусь уже третий сезон. Все меня в ней устраивает — и полаз, и голос, и вязкость. Если я долго не могу подстать под гон из-за сильного ветра или заяц часто уходит по прямой, она будет гонять с утра до ночи. В нынешний сезон добыл 10 зайцев и две лисицы.

В помощь Айде, чтобы создать смычок, я приобрел выжлеца. Сейчас Анчару 1 год и 7 месяцев. В нем течет кровь московских и новгородских гончих. Это была его первая рабочая осень, но он уже работал в паре с Айдой.

Правда, голос немного слабоват.

Хотелось бы сказать спасибо старейшему гончатнику страны, эксперту Всесоюзной категории Р.И. Шияну, он помогает нам, молодым охотникам, в подборе пар при вязке собак, в приобретении породистых щенков.

А. ШЕВЯКОВ
Новгородская обл.

Александр Васильевич Шевяков со своими питомцами

Здравствуйтесь, уважаемая редакция! Я инвалид I группы Кетов Сергей Николаевич, мне 21 год. Инвалидом стал после ДТП и уже второй год в инвалидном кресле. Хочу искренне поблагодарить ваш журнал за столь замечательное издание. Раньше, когда еще учился в школе, брал его у дяди, это были издания 80-х годов. С 2002 по 2004 год выписывал сам, сейчас у меня нет такой возможности по финансовым обстоятельствам.

Меня возят на охоту на машине мой отец и дядя. Больше всего мне нравится охота с гончими на зайца. Сами мы содержим двух гончих — эстонец-выжлец по кличке Макс и русская выжловка Альма. Я в своем состоянии не отчаялся и надеюсь встать на ноги. Охочусь я не как инвалид, а как равноправный участник. Я неплохо стреляю, добываю зайцев из-под собак. Хотел бы через ваш журнал найти друзей по охоте с гончими. Высылаю вам свою фотографию до аварию.

Мой адрес: 168160, республика Коми, Прилузский р-н, с. Летка, ул. Комсомольская, д. 3, кв. 1. Кетов С.Н.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

На снимке: В. Пуринов, М. Натыров, Петр Дудеев, П. Борлыков, братья Есеновы — двойная Дава и Нимя и старший Владимир, Д. Ункеев, Ц. Гураев и другие.

Дорогая редакция! Вас приветствует охотник с большим стажем, пенсионер, ветеран труда Пуринов Владимир Петрович. Я уже почти 8 лет на заслуженном отдыхе. Мое хобби: зимой — охота, летом — рыбалка...

За последние 10 лет увеличилось поголовье волков в калмыцких степях. Серые хищники наводят ужас на жителей поселков, ферм, где имеется личный и общественный скот. Все ближе стали они подбираться к человеческому жилью. Неспойна душа у животноводов, они сутками стерегут свое поголовье скота. Они несут немалый материальный ущерб. Потеря отары овец или половины гурта крупного рогатого скота — настоящее бедствие.

9 марта 2007 года в вечернем выпуске «Вестей» (телеканал «Россия») корреспондент рассказывал о «мясном поясе России» и о нашем прекрасном «мраморном» мясе калмыцкой породы. Это — мясо лучшего качества, еще «в застойные годы» оно прямым назначением шло в Москву и Ленинград, в другие промышленные города и за рубеж. Чтобы сегодня сохранить и защитить наш скот, приходится постоянно бороться с серыми хищниками как охотникам-профессионалам, так и любителям.

В конце января с. г. недалеко от пос. Чкаловский появились три волка. Водитель автобуса Валерий Исламбаев стал сразу же звонить по сотовому телефону земля-

кам. Были предприняты меры по уничтожению серых разбойников. Усугубило положение еще и то, что была теплая бесснежная зима, а это способствовало размножению хищника.

Долгие дни и ночи охоты на матерого волка — вожака стаи — принесли долгожданную победу. На снимке наша бригада охотников с трофеем. Этот матерый волчище наводил страх на людей и животных долгие месяцы.

В последние годы отстрел волков не является для чиновников делом первостепенной важности, насущной проблемой, как это было раньше. «На отстрел нет денег!» — таков их ответ. Отсюда и увеличение численности зверя со всеми вытекающими последствиями. Как говорится «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих» — вот мы и устраиваем облавы.

Всего доброго коллективу редакции «Охота и охотничье хозяйство».

В. ПУРИНОВ
Калмыкия, Кетченеровский р-н

Здравствуйте, уважаемая редакция! Надеюсь, что случайно, о котором я хочу рассказать, вам понравится.

В юности, помню, мне очень хотелось добыть лисицу матери на воротник, но опыта не было, да и способов охоты на этого зверя я не знал. Тогда решил сделать засидку в полях у тушки падшего совхозного телка. Пришел засветло, оборудовал место в мелком бурьяне, наловив сухого чернобыльника и полыни.

В сумерках к тушке неожиданно подбежала дворняжка и, не обращая внимания на мои броски комьями снега, начала ее грызть. Я растерялся и не знал, как быть. Неожиданно увидел двух приближающихся лисиц. Не добегав сотни полторы метров, они резко сели, увидев кобеля. В бинокль были хорошо видны их внимательные взгляды и частые облизывания. Затем один лис, влаивая, приблизился на полусотню шагов. Кобелек, насторожившись, бросился с лаем как гончий, удаляясь вместе с лисом. Сразу же подбежал к тушке второй лис и, не мешкая, начал вырывать куски мяса. Вернувшись дворняга снова кинулась с лаем уже на этого лиса. В это время первый лис, не теряя времени, начал есть. Так они все время менялись и

ели урывками, оставляя пса в дураках. Продолжалось это довольно долго и только обнаружение меня лисами прервало этот великолепный спектакль. Таким образом я убедился, что сказки не врут, и лисица действительно хитрый и умный зверь.

О. КРОМСКОЙ
Тамбовская обл.

Здравствуйте, уважаемая редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство». Пишут вам близкие люди уважаемого и любимого нами Зайцева Василия Юрьевича. Он охотник с 25-летним стажем. Очень любит ваш журнал, выписывает его с 1989 года, все подшивки хранит и часто перечитывает.

Василий работает федеральным судьей г. Усть-Катове Челябинской области. Работа сопряжена в небольшой степени с негативом, поэтому положительные эмоции он черпает из своего любимого журнала, а также из походов в лес, на охоту и от общения со своими питомцами. У него две лайки, они больше его друзья и верные помощники.

Мы хотели бы через ваш журнал поздравить Василия с прошедшим днем рождения, пожелать ему здоровья, удачи и долгих лет жизни. Пожалуйста, напечатайте и его фотографию с лайками.

Н. ЗАЙЦЕВА
Челябинская обл.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ДЁЖКИН В. Что с тобой, российская глубинка? . . .	1
КОНСТАНТИНОВ Ю. На уток в сентябре	5
СЕВАСТЬЯНОВ А. В лесу падают листья	6
БЕНДЕРСКИЙ Э., БЛЮМ А. Росохотрыболовсоюз, проблемы и перспективы (интервью)	8
ДАНИЛКИН А. Как сохранить диких копытных в зимний период	12
ТУНДЫКОВ Ю. Почему на грани?	16
ДИГИЛЕВИЧ А. Охота на овсах	18
ГЛУШКОВ В. Лось — «медведеуказчик»	20
ЖИТЕНЁВ Д. Советы бывалых охотников. Хлебное дерево	22
УСТИНОВ С. Соболь «огонь-зверь»	24
ГОРЬКОВ А. За уткой с карелками	26
УСЬКОВ В. Мой пойнтер Лада	27
ЧЕРНЫШЕВ В. Дарвиновскому музею — 100 лет!	30
ВАЛЬНЁВ В. Отладка ударно-спускового механизма ИЖ-94 «Тайга»	33
БЛЮМ А. Искра М — Экстра М	34
НАЙДЁНОВ А., КИСЛИЦИНА Н. «ЦКИБ ССО» МЦ 552 под патрон 9,3x62 мм	35
АЛЁХИН И. Молчание ночи	36
КОЛАЧЕВСКИЙ Н. Ветерок с Волги	41
ШИШКИН В. Бескровная охота, блаженная пора	44
Письма читателей	46
Реклама	15, 21, 33, 45
ШИШКИН В. Воробьиные	48

На первой странице обложки:
Сойка — птица из отряда Воробьиных, семейства Вороновых. Вороны, вороны, грачи, галки, кукушки, сороки — ее родственники. Хохол на голове, черные «усы», сказочно-голубое с чернью зеркальце на крыле — вот ее главные отличительные признаки

Фото А. Назарова

Фотоконкурс «Охота и природа, 2006»

На второй странице обложки:
Что с тобой российская глубинка?

Фото М. Вайсфельда и Т. Баженова

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Гибет, В. В. Дёжкин, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Б. Чернышев, В. С. Шишкин

Зав. отделом писем И. И. Полосухина

Художник Т. В. Баженов

Художественный редактор М. Л. Кнерцер

Корректор Л. Н. Иконникова

Фотокорреспонденты:

А. Ф. Дигилевич, В. И. Животченко, А. А. Севастьянов

Сдано в набор 03.07.07 г. Подписано к печати 01.08.07 г.
Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,04. Тираж 27 750 экз. Заказ 5991. Цена 40 руб.

Адрес редакции: 107996, ГСП-6, Москва, Б-78,
Садовая-Спасская ул., 18
Тел.: 207-24-05, 207-20-91

Отпечатано в ОАО «ЧПК»

Сайт: www.chpk.ru E-mail: marketing@chpk.ru

факс 8(49672) 6-25-36, факс 8(499) 270-73-00

отдел продаж услуг многоканальный: 8(499) 270-73-59

В случае обнаружения полиграфического брака

обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии

Зарегистрирован Государственным комитетом по печати
12.10.90 № 452

«Витю-видел?» почти отчетливо прозвучало в посыле ярко-красного самца обыкновенной чечевицы. Размером с воробья певец мелькнул и скрылся в ольшанике, словно устыдился, что красной краски хватило не на весь наряд. Крылья, задняя часть тела, хвост в основном буровато-серые. В такие же сдержанные тона окрашены самки и молодые (но уже могущие размножаться) самцы. В отличие от большинства своих вьюрковых родственников чечевица прилетает в среднюю полосу поздно, когда лес уже одевается листвою. Гнездится в увлажненных, опущенных биотопах от Камчатки и Сахалина до западных границ России. В центральной Европе расширяет свой ареал на запад. В Сибири, от истоков Оби на восток, соседствует с более крупной сибирской чечевицей. У самцов последней в оперении красный цвет с малиновым оттенком, на лбу и горле серебристо-розовый, мелкий, чешуйчатый рисунок, на спине у обоих полов темные пестрины. В горах Алтая и Средней Азии обитает еще более крупная арчевая, или розовая, чечевица, похожая на сибирскую, но с более розоватыми тонами в оперении самцов, с темной узкой маской, темным верхом головы. Птиц, занимающих западную часть ареала, самцы которых имеют более теплый тон красной части наряда, нередко считают отдельным видом, собственно розовой чечевицей. Большая чечевица, гнездящаяся в горах Кавказа и Средней Азии, вполне оправдывает свое название, вес более 40 г (у обыкновенной — 20-30 г). По малиновому фону наряда самцов разбросаны мелкие, словно жемчужные, пятнышки. В верхнем поясе гор Средней Азии обитает красный вьюрок, уступающий размерами большой чечевице. У самцов красный цвет захватывает только лоб, брови, горло, зоб и щеки. Надхвостье розоватое. Родственный чечевицам урагус (длиннохвостая чечевица, длиннохвостый снегирь) считался одно время эмблемой орнитологов Сибири. При весе не более 20 г, размахе крыльев около 20 см эта птица очень красива серебристо-розовым нарядом самцов, белым узором на темных крыльях, длинным темным хвостом, с белым окаймлением крайних рулевых. Гнездится урагус по югу Сибири от Оби до Южных Курил. На остепненных, пустынных участках предгорий Алтая, в Туве, горах Средней Азии можно встретить представителей рода пустынных снегирей — монгольского снегиря. Размером с воробья, в палево-песчаном наряде самец имеет слабый розоватый тон на горле, бровях, крыльях, надхвостье. У самцов собственно пустынного снегиря, обитающего западнее (до Закавказья), розовый той интенсивнее, особенно на лбу и крыльях, клюв более вздут. Похожи на них среднеазиатские буланный вьюрок с черным клювом и более крупный краснокрылый чечевичник с темной шапочкой, залетающий в зимнее время на Кавказ. Настоящий вестник снега обыкновенный снегирь (вес до 30 г) хорошо известен ярко-алым нарядом самцов, но в Сибири с ними соседствует серый снегирь, а в Приморье и на Камчатке — более мелкий уссурийский снегирь, у самцов которого алый цвет лишь на горле и щеках. Номад-таежник, циркумбореальный, крупный щур (вес до 65 г), то обрадует ярко-красным нарядом самцов из стаи, кормящейся на дикой яблоне в серый осенний день, то пропадет на несколько сезонов, как будто его и не было, оставив в утешение клеточного любимица. Такие же и номады-таежники клесты: белокрылый, сосновик и еловик, научившиеся своими клювами с перекрещивающимися концами лущить шишки хвойных. У самцов в оперении преобладают красные и оранжевые тона, у самок зеленовато-оливковые. Благодаря круглогодичной обеспеченности кормом клесты могут размножаться даже зимой. Еще более мощный клюв у обыкновенного дубоноса, способного разгрызть вишневую косточку. Более короткохвостый, чем щур, крупнее, чем клесты, дубонос теплолюбив, предпочитает широколиственные, лесостепные и кустарниковые биотопы, встречается в агроландшафте. В оперении преобладают коричневатые и рыжеватые тона, помимо массивного клюва, крупной головы, черной, узкой маски, заметны белые зоны на крыльях и конце хвоста, сероватый зашеек. На Дальнем Востоке гнездятся два вида серых черноголовых дубоносов: большой и малый, последний мельче, на крыле больше белого, конец желтого клюва черный. Самки дубоносов окрашены тусклее. На Алтай из Средней Азии залетают горный, крупный, длиннохвостый арчевый дубонос. У самца хвост, крылья, передняя часть тела в основном тускло-черные, задняя — желтовато-оливковая. Наряд самки менее контрастен.

В. ШИШКИН

Белокрылый клест, самец

Клест-сосновик, самец

Красный выюрок, самец

Щур, самец

Клест-еловик, самец, самка

Сибирская чечевица, самец

Урагус, самец

Большая чечевица, самец

Обыкновенный снегирь, самец, самка

Арчевая чечевица, самец

Обыкновенная чечевица, самец

Уссурийский снегирь, самец

Серый снегирь, самец

Обыкновенный дубонос

Большой и малый черноголовые дубоносы

Арчевый дубонос

Краснокрылый чечевичник, самец

Монгольский снегирь

Пустынный снегирь, самец

Буланый выюрок

обыкновенная чечевица

Дорогие друзья!

Подписка на журнал
«ОХОТА И ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО» -
на первое полугодие и весь 2008 год началась!

Наш журнал - старейшее периодическое издание об охоте, один из самых почитаемых у нас охотничьих журналов, рекордсмен-долгожитель среди всех когда-либо издававшихся у нас охотничьих периодических изданий. В октябре 2008 года журналу исполняется 53 года!

«ОХОТА И ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО» -

один из самых почитаемых в России охотничьих журналов.

В розницу журнал не поступает, чтобы стать его обладателем, нужно оформить подписку.

По широте тематического охвата и глубине анализа журнал не имеет конкурентов и, не случайно, публикуемые в нем материалы часто перепечатываются различными сборниками и энциклопедиями.

Собранный за все годы издания, переплетенный в годовые подшивки, журнал воистину бесценен и незаменим. Он один стоит целой охотничьей библиотеки. В отличие от других охотничьих газет и журналов, в нашем журнале почти нет рекламы. Несмотря на это,

«ОХОТА И ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО»

остаётся одним из самых недорогих периодических изданий.

Фото К. Гриниха

«Фотоконкурс охота и природа, 2006»

**Наши подписные индексы: 70673 на полгода и 72376 на год
по каталогу Роспечати**